

1 (28)

2015

ISSN 1811-7465

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 1 (28)
2015**

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
д.и.н. А.Н. Багашев

Редакционный совет:
д.и.н., акад. РАН В.И. Молодин (председатель),
д.и.н., чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, д.и.н. С.В. Васильев, д.и.н., чл.-кор. РАН А.В. Головнев,
д.и.н. В.Н. Логвин, д.и.н. Н.А. Миненко,
д.и.н. О.М. Рындина, д.и.н. Н.А. Томилов, д.и.н. Т.Н. Троицкая, д.и.н. Л.А. Чиндина,
д.и.н. Ю.К. Чистов, д.и.н. Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
д.и.н. М.Г. Агапов, к.и.н. А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), д.и.н. В.А. Зах,
к.и.н. В.П. Клюева, к.и.н. Н.А. Лискевич (ответственный секретарь),
к.г.-м.н. Н.Е. Рябогина, д.и.н. А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМК
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2015

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Берсенева Н.А., Епимахов А.В., Носкевич В.В., Федорова Н.В. Возможности синтеза геофизической и археологической информации при интерпретации результатов раскопок (на примере поселения бронзового века Каменный Амбар)	4
Ковтун И.В., Нескоров А.В. Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем	15
Батаршев С.В., Сергушева Е.А., Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б. Поселение Ольга-10 в Юго-Восточном Приморье: новые материалы к дискуссии о маргаритовской археологической культуре	26
Юдина Е.А. Устройство входа-выхода в жилых постройках кульёганского культурного типа как элемент домостроительной традиции	37
Серегин Н.Н. «Символические» захоронения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона	47
Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья	56
Балюнов И.В. Сельскохозяйственные занятия жителей города Тобольска в XVII в. (по материалам археологических исследований)	67

Антропология

Куфтерин В.В., Евтеев А.А., Никифоровский Ю.А., Четвериков С.И. Вероятный случай хронического остеомиелита на антропологическом материале эпохи Золотой Орды	74
Карапетян М.К. Исследование изменчивости формы остистых отростков шейных позвонков у современного человека по остеологическим материалам европеоидов XVIII–XX вв.	82
Кириченко Д.А. Сарматы Румынии по данным антропологии	89

Этнология

Адаев В.Н. «Метки земли» и «метки дороги»: наземные природные и искусственные объекты в системе пространственного ориентирования тундровых ненцев	98
Агапов М.Г., Корандей Ф.С. Карта Тюменской области как символ: географические топосы в популярной картографии региона, 1964–2014 гг.	107
Авдашкин А.А. «Кто мы и где наша Heimat?»: этническая идентичность российских немцев на рубеже XX–XXI вв. (на материалах Челябинской области)	116
Бакиева Г.Т. Обряды и ритуалы, связанные с рождением ребенка у сибирских татар юга Тюменской области	125
Мусагажинова А.А. Доисламские элементы в погребальной обрядности казахов Павлодарского Прииртышья	133
Бородовский А.П., Бауло А.В. К вопросу о технологии изготовления свинцовых культовых атрибутов обских угров	138
Строгова Е.А. Надгробные памятники якутов Центральной Якутии конца XIX — начала XX в.	145

Палеоэкология

Смекалова Т.Н., Лисецкий Ф.Н., Маринина О.А., Чудин А.В., Гарипов А.С. Изучение пространственной организации древнего землепользования в Северо-Западном Крыму геоархеологическими методами	150
--	-----

Вниманию авторов	161
Список сокращений	163

На передней стороне обложки: тундровые ненцы (оленевод указывает направление к рыболовному озеру), Тазовский р-н ЯНАО, 2014 г., фото В.Н. Адаева; бронзовая застёжка и глиняная створка литейной формы, городище Борки 1, Викуловский р-н Тюменской обл. (изображения увеличены).

Contents

Archaeology

Bersenyeva N.A., Yepimakhov A.V., Noskevich V.V., Fyodorova N.V. Capabilities of synthesizing geophysical and archaeological information in the interpretation of excavation results (by the example of the Bronze Age settlement of Kamenny Ambar)	4
Kovtun I.V., Neskorov A.V. The chronology and mythology of Andronian vessels with square mouth	15
Batarshv S.V., Sergusheva Ye.A., Moreva O.L., Dorofeyeva N.A., Krutykh Ye.B. The settlement of Olga-10 in the South-East Primorye: new materials to a discussion on the Margaritovka archaeological culture.....	26
Yudina Ye. A. The arrangement of the entrance-exit in dwellings of the Kulyogan cultural type as an element of a house-building tradition	37
Seryogin N.N. «Symbolic» burials with early medieval Turks from Altai-and-Sayan region	47
Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P. The Karym pottery from the taiga Low Ob' basin	56
Balyunov I.V. Agricultural occupations of Tobolsk dwellers in XVII c. (after materials of archaeological investigations).....	67

Anthropology

Kufterin V.V., Yevteyev A.A., Nikiforovsky Yu.A., Chetverikov S.I. A probable case of chronic osteomyelitis basing on the anthropological material of the Golden Horde time	74
Karapetyan M.K. The investigation of shape variations in acanthae of human cervical vertebrae basing on the osteological data of Caucasians in XVIII–XX cc.	82
Kirichenko D.A. Sarmatians of Romania according to anthropological data	89

Ethnology

Adayev V.N. «Ground landmarks» and «road landmarks»: earth-based natural and artificial objects in the system of spatial orientation with the tundra Nenets.....	98
Agapov M.G., Korandej F.S. Map of Tyumen Oblast as a symbol: geographical toposes in the popular cartography of the region, 1964–2014	107
Avdashkin A.A. «Who are we and where is our Heimat?»: ethnical identity of the Russian Germans at the turn of XX–XXI cc. (according to materials from Chelyabinskaya Oblast').....	116
Bakiyeva G.T. Customs and rites connected with birth of a child among Siberian Tartars from the south of Tyumen Oblast	125
Musagazhinova A.A. Pre-Islamic elements in the burial rites with Kazakhs from Pavlodar low Irtysh basin.....	133
Borodovsky A.P., Baulo A.V. On technology of making lead ritual attributes with Ob' Ugrians	138
Strogova Ye.A. Gravestones with Yakuts from Central Yakutia in the late XIX — early XX c.	145

Paleoecology

Smekalova T.N., Lisetsky F.N., Marinina O.A., Chudin A.V., Garipov A.S. The investigation of spatial organization of ancient land-use in North-West Crimea using geoarchaeological methods	150
---	-----

Memo to the Authors	161
Abbreviations	163

АРХЕОЛОГИЯ

ВОЗМОЖНОСТИ СИНТЕЗА ГЕОФИЗИЧЕСКОЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ РАСКОПОК (на примере поселения бронзового века Каменный Амбар)¹

Н.А. Берсенева*, А.В. Епимахов*, В.В. Носкевич**, Н.В. Федорова**

Представлены результаты раскопок и геофизических исследований на поселении бронзового века Каменный Амбар. Проведено сопоставление магнитных и георадарных данных с результатами раскопок. Применение геофизических методов в процессе раскопок позволяет повысить достоверность интерпретации аномалий и связать их с конкретными структурами археологических памятников. Представлен вариант реконструкции истории жизни поселения.

Бронзовый век, археология поселений, синташтинская культура, фортификация, археологическая геофизика, магнитная съемка, георадар.

Введение

Использование широкого спектра методов разных наук давно стало нормой аналитической стадии археологических исследований. В меньшей степени применяются они при полевых работах, хотя очевидные достижения есть и здесь. Неразрушающие методы изучения археологических объектов не имеют альтернативы при обнаружении памятников, установлении их структуры и пр. Несмотря на это, существуют проблемы интерпретации данных, как объективного, так и субъективного характера. Последнее касается неполного понимания археологами сути методов и, как следствие, особенностей реконструируемой геофизиками и другими специалистами картины.

Малоглубинная геофизика хорошо зарекомендовала себя при археологических исследованиях благодаря высокой стабильности результатов. Вместе с тем интерпретация данных съемок и методы математического моделирования лишь в рамках определенных представлений об источнике аномалий способны описать некоторые параметры объекта, создающего аномалию, и только раскопки могут выявить характер самого источника.

Наличие геофизических аномалий обусловлено контрастом физических свойств грунтов. В случае с магнитной съемкой речь идет о намагниченности. Вариация содержания магнитных минералов на несколько процентов может в несколько раз и даже порядков изменить намагниченность грунта и создать заметную аномалию магнитного поля. Однако источник аномалии вовсе не обязательно имеет визуальные проявления. Таким образом, геофизические методы должны применяться не только на этапе построения предварительных карт и разрезов (что достаточно широко используется в археологических исследованиях), но и в процессе раскопок. Информации, полученная в ходе совместного анализа результатов геофизических съемок и раскопок, стимулирует развитие и совершенствование методов исследования и повышает точность интерпретации данных. Опыт такого рода работы на поселении Каменный Амбар (Карталинский р-н Челябинской обл.) представлен в данной статье.

Обзор ранее полученных результатов

К середине 1990-х гг. в Южном Зауралье были открыты укрепленные поселения с замкнутой системой обороны. Сегодня по результатам дешифрирования аэрофотоснимков их известно более 20, они обычно ассоциируются с синташтинской и петровской культурными традициями бронзового века [Зданович, Батанина, 2007]. Большинство городищ в той или иной степени

¹ Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта УрО РАН 12-М-456–2024 при частичной финансовой поддержке Минобрнауки РФ (госзадание № 33.2644.2014/к (А.В. Епимахов)).

Возможности синтеза геофизической и археологической информации...

подверглись серьезной деформации в результате антропогенного воздействия, включая распахку. Ввиду грунтового характера архитектуры и небольшой глубины жилищных впадин значительная часть памятников практически не читается в современном рельефе. Слабая сохранность, масштабность объектов (до 3,5 га) и сложность их структуры потребовали обращения к геофизическим методам. Эта работа начата в 1995 г. и продолжается по сей день [Тибелиус, 1995; Пунегов, 2009; Муравьев и др., 2009; Корякова и др., 2010; Носкевич и др., 2012; Хэнкс и др., 2013; и др.]. Наиболее серьезные исследования проведены в рамках российско-германского проекта в долине р. Карагайлы-Аят, где ключевым памятником стало поселение Каменный Амбар. В ходе реализации ряда междисциплинарных проектов была выполнена магнитная съемка большинства укрепленных поселений, в результате удалось определить положение внешних оборонительных стен и рвов, восстановить элементы планировки.

Начало геофизических работ на поселении Каменный Амбар (Ольгино) связано с именем С. Mergony (Шеффилдский университет) [Mergony et al., 2009]. В 2004 г. он выполнил пешеходную съемку феррозондовым однокомпонентным магнитометром Geoscan FM18.2. В результате были установлены общие параметры укрепленного поселения (абрис оборонительной системы, элементы внутренней планировки и др.), однако котлованы более поздних периодов бронзового века, хорошо выраженные в рельефе, не проявились на полученной карте, как и детали застройки раннего (синташтинского) периода.

В 2009–2011 гг. немецкий геофизик А. Patzelt (Terrana Geophysik) [Корякова и др., 2011] провел градиентную магнитную съемку поселения и прилегающей территории. Использовался магнитометр-градиентометр Fluxgate Gradientometer Ferex 4.032 DLG.

Для уточнения планировки памятника, точной локализации фортификационных сооружений, построек и деталей интерьера потребовалась более детальная магнитная съемка, что было выполнено сотрудниками Института геофизики УрО РАН, которые обследовали северо-восточную часть поселения [Носкевич и др., 2010]. Использовались отечественные и зарубежные магнитометры и градиентометры — POS-1 и POS-2, ММПГ-1 и Scintrex SM-5; для регистрации вариаций геомагнитного поля — магнитометр POS-1. По нашим оценкам, она составила ± 1 нТл.

В результате были получены карты модуля магнитной индукции на двух высотах, 0,35 и 2,15 м, и карты градиента северо-восточной части поселения Каменный Амбар [Федорова, Носкевич, 2012] в границах линии обороны. По магнитным картам уверенно определяется положение внешних стен и рвов; местонахождение входов на поселение; стен построек в пределах внутреннего пространства; некоторых колодцев и ям. Таким образом, была восстановлена планировка городища, которая, как и на других поселениях, обусловлена абрисом линии фортификации, в которую «вписаны» линейно расположенные блоки строений.

Поселение, согласно магнитной карте, имеет подпрямоугольную форму (115×155 м) и состоит из двух частей. Северо-восточная представлена четырьмя рядами построек, разделенными двумя улицами. В юго-западной части следы обитания имеют хаотический характер, вероятно, в результате разновременного антропогенного воздействия. Магнитные аномалии хорошо очерчивают линии фортификации практически на всем их протяжении², в северо-восточной части на карте отчетливо проявляются аномалии над стенами жилищ. Наиболее интенсивные локальные аномалии, как показали раскопки, связаны с остатками колодцев, расположенных преимущественно в этой же зоне. Магнитные аномалии антропогенного характера обнаружены и за пределами укреплений.

Полученная геофизическими методами информация позволила не только восстановить структуру поселения в целом, но и сделать осознанный выбор участков раскопок. Полевыми археологическими работами были подтверждены основные параметры реконструкции, хотя в целом картина выявилась более сложная [Multidisciplinary investigations, 2013]. Так, обнаружилось существенные различия в облике магнитных карт северо-восточной и юго-западной частей поселения. Объяснить их с помощью только неразрушающих методов оказалось невозможно, и для раскопок выбрали наиболее информативные участки на границе этих зон. Описанное осложнение в интерпретации магнитных карт связано с особенностью метода регистрации суммарной картины слоев, формировавшихся и видоизменявшихся на протяжении длительного периода³.

² За вычетом зоны береговой абразии.

³ Раскоп 7 (2011 г.), материалы которого готовятся к публикации, показал, что нечеткая картина магнитных аномалий в юго-западной части обусловлена мощным слоем позднего бронзового века с продуктами горения, который перекрывал более ранние синташтинские отложения.

Результаты раскопок 2012–2013 гг.

Раскоп 8 (400 м²) был разбит с таким расчетом, чтобы захватить фрагменты трех смыкающихся элементов фортификации: северного, южного и промежуточного (рис. 1). Кроме того, были изучены участки напольной площади в границах укреплений южной и северной зон, в том числе части построек № 12 и 13 к северу и югу от промежуточной линии фортификации.

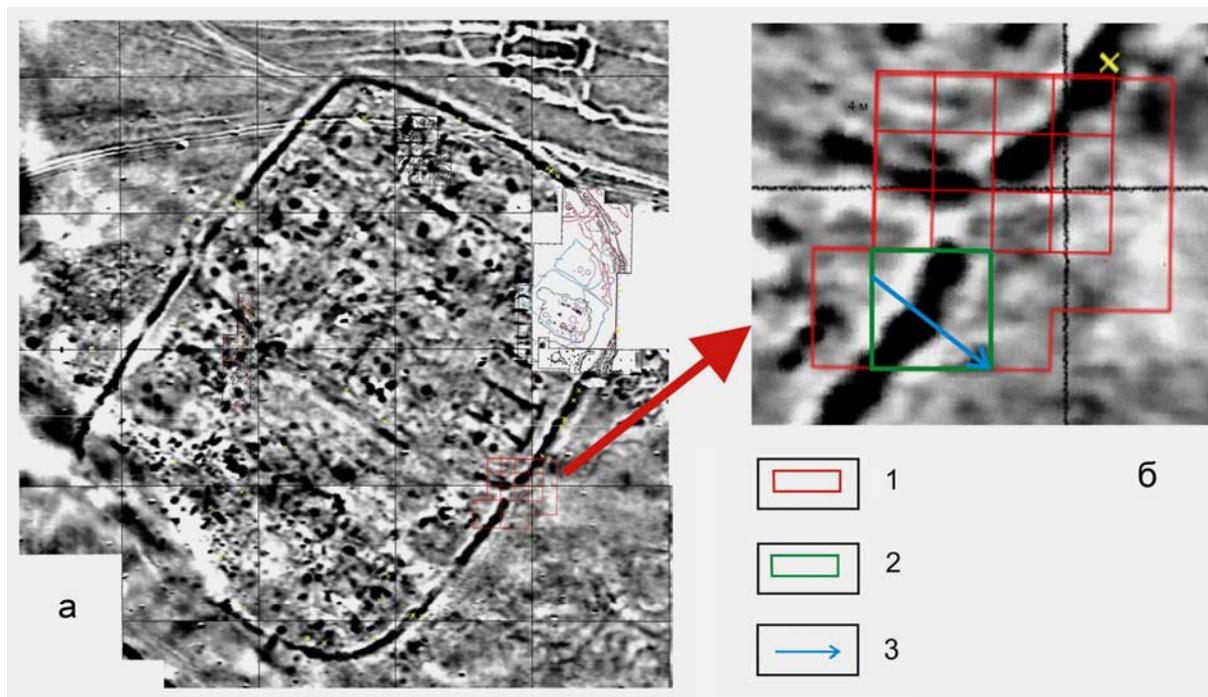

Рис. 1. Поселение Каменный Амбар. Карта магнитных аномалий (а), увеличенный фрагмент карты (б): 1 — границы раскопа; 2 — границы участка магнитной съемки; 3 — положение и направление георадарного профиля.

В кратком изложении основные итоги следующие. *Внешняя линия обороны северо-восточной части* (рис. 2) оказалась аналогична таковой на ранее исследованных участках. Главным элементом была грунтовая стена, от которой сохранились основание из погребенной почвы шириной до 4 м, нижняя часть грунтового заполнения и каменная облицовка внешней поверхности. Последняя обнаружена практически полностью в заполнении рва, куда она сместилась в процессе руинирования. Облик внутренней поверхности этой стены в данном случае остался неустановленными, так как она пострадала при сооружении поздней постройки 12. С большой долей уверенности можно говорить о столбовом варианте конструкции: именно он был надежно документирован предшествующими исследованиями. К тому же, судя по заполнению, некоторые столбовые ямы на площади постройки 12 относятся к более раннему времени, чем она сама.

Ров на данном участке характеризуется большим перепадом глубин: отметки уровня дна от -135 до -230, в отдельных случаях он едва прорезал подстилающее материковое основание (-120). Заполнение имело очень сложную слоистую структуру с многочисленными следами воздействия огня. Прокаленный грунт, скорее всего, связан с этапом разрушения оборонительной стены.

В напольной части прослежены следы дополнительного сооружения вдоль внешней границы рва. Слагающие его материалы аналогичны основным компонентам оборонительной стены, хотя масштабы заметно скромнее. Следует отметить и в этом случае мощность и разнообразие прокаленных прослоек. Ширина основания данного элемента системы существенно меньше стены — около 2 м, как, вероятно, и первоначальная высота.

Внешняя линия обороны в юго-восточной части имела ряд отличий от описанной выше. В первую очередь это касается конструкции стены, полностью лишенной каменной облицовки. Нет и достоверных столбовых ям вдоль внутренней границы этого элемента. Грунты, его слагающие, в общих чертах сходны с материалами стены из северных участков. Строителями в

Возможности синтеза геофизической и археологической информации...

обоих случаях был сохранен максимум погребенной почвы, на которой и располагалась основная масса заполняющего грунта. Ширина основания также сопоставима и близка к 4 м.

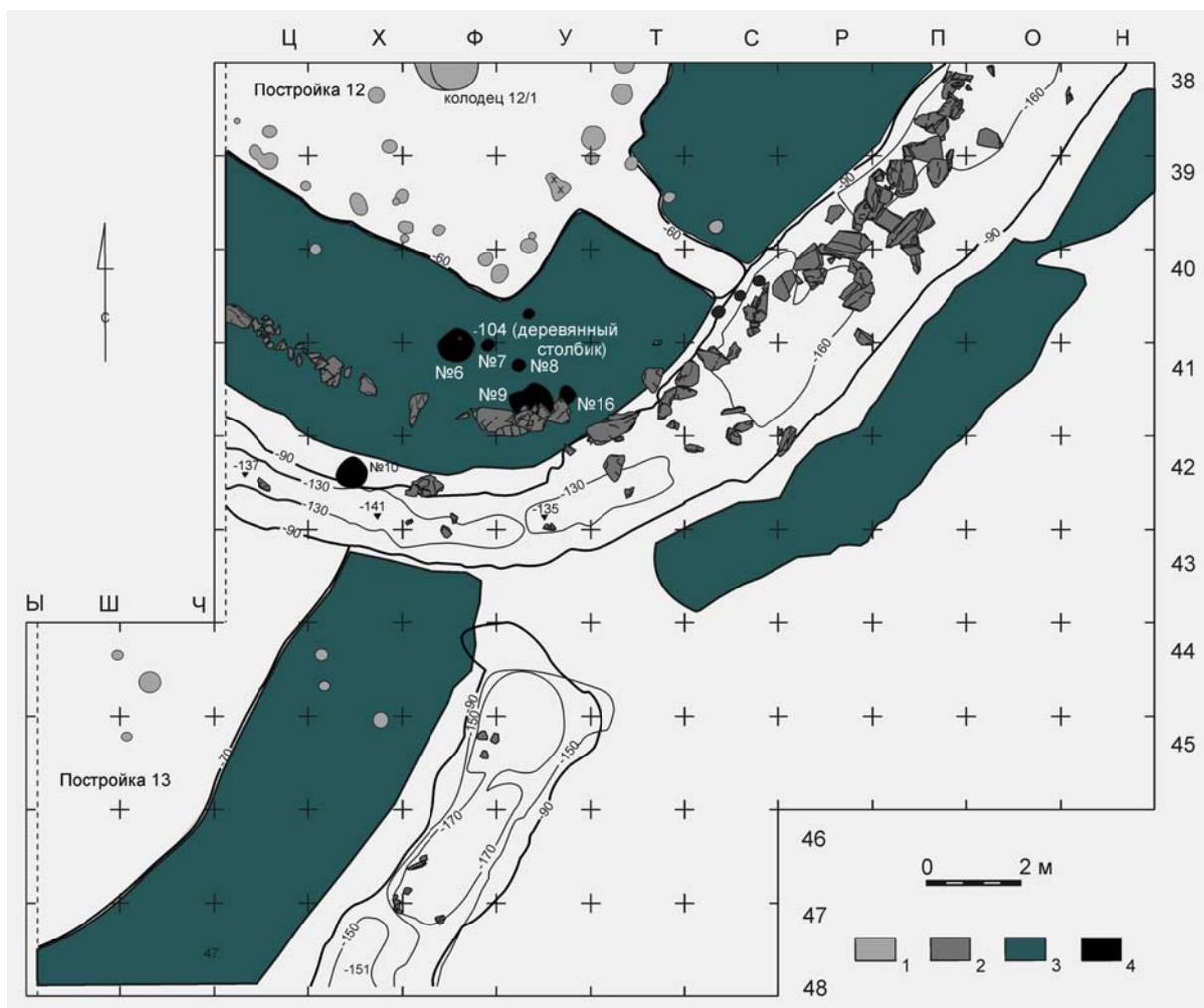

Рис. 2. Поселение Каменный Амбар. Раскоп 8. Сводный план раскопа:

1 — заполнение столбчатых ямок; 2 — камни; 3 — основание стены; 4 — заполнение ям конструкции входа.

Ров на уровне материка имел несколько меньшую ширину и глубину, однако с учетом зафиксированной вариативности этих показателей для всех ранее изученных участков внешней линии фортификации и небольшой площади раскопок в юго-западной половине этому наблюдению вряд ли стоит уделять внимание. В глаза бросается значительное пространство между окончаниями рва анализируемых половин поселения. Если отсутствие стены в этом месте могло объясняться поздними перестройками (следы которых, впрочем, не обнаружены), то размыкание рва явно сделано целенаправленно.

Надежно диагностируемых следов сооружений в напольной части выявлено не было, и это — еще одно очевидное отличие.

Наконец, *промежуточная линия фортификации* имеет еще более заметные расхождения в облике в сравнении с двумя описанными. К сожалению, стена в этом месте сохранилась хуже, однако ясно, что она была грунтовой, облицованной каменными плитами. Последние имеют отчетливые следы крепления к телу стены с помощью глиняного раствора. Если в основании предсказуемо сохранена погребенная почва, то заполнение стены было совершенно иным. Более того, ее подошва отстояла от края рва на 1,5–2 м. Ров также выглядел совершенно иначе: ровные стенки, линзовидное сечение, отсутствие перепадов глубины. Характер заполнения указывал на его постепенное замывание. Ширина (1,0–1,2 м) и глубина (не более 0,2–0,3 м от

уровня материка) вызывали серьезные сомнения в его военном предназначении. При этом, несмотря на тщательность поисков, проследить четкую границу между рвами внешней и промежуточной линии оказалось затруднительно.

Магнитная карта и градиентная съемка на раскопе 2012–2013 гг.

На карте аномалий модуля магнитной индукции, измеренного на высоте 0,35 м от поверхности земли (рис. 3, а), наиболее интенсивные положительные аномалии наблюдаются над фортификационными сооружениями. Именно они образуют линейные цепочки на карте, маркируя границы городища. При сопоставлении магнитной карты с планом, построенным по результатам раскопок, видно, что максимумы аномалий смещены от центра стен к внешним краям, а эпицентр северо-восточной аномалии практически расположен над границей стены и рва.

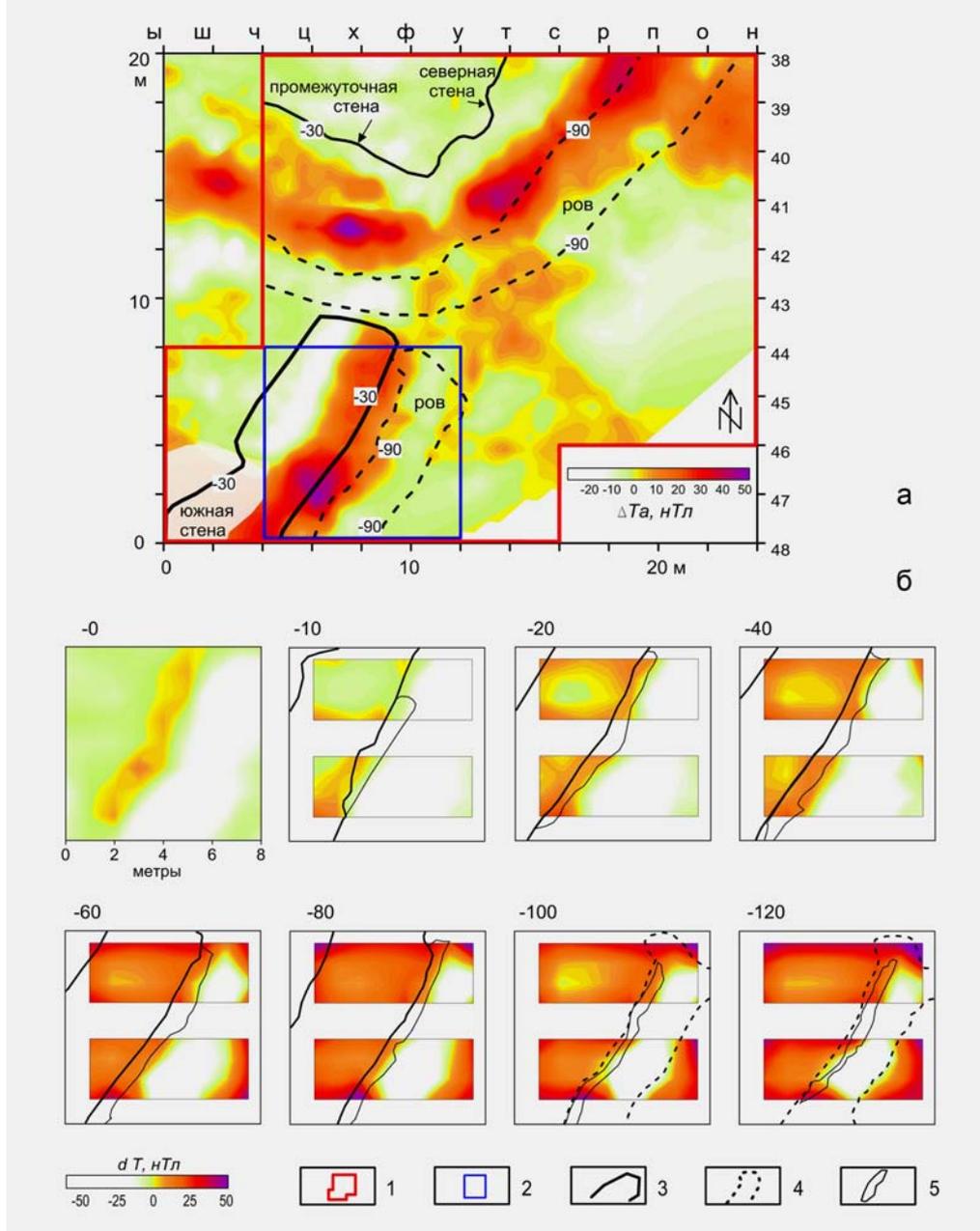

Рис. 3. Поселение Каменный Амбар. Раскоп 8. Карта магнитных аномалий (а).

Результаты градиентной магнитной съемки по горизонтам (б):

- 1 — границы раскопа; 2 — границы участка градиентной магнитной съемки; 3 — границы стены (-30);
- 4 — границы рва (-90); 5 — граница прослойки светло-желтого суглинка.

Возможности синтеза геофизической и археологической информации...

Над промежуточной стеной аномальное магнитное поле имеет более сложную морфологию и состоит из двух цепочек линейных положительных аномалий, причем более интенсивная расположена в южной части стены и менее интенсивная проходит параллельно ей в северной части фортификации.

За пределами поселения прослеживается еще одна цепочка аномалий, образующих практически прямую линию в юго-восточном направлении. Она начинается от внешних границ рва в месте поворота северной части фортификации. Морфологические особенности магнитного поля явно свидетельствуют об искусственном происхождении объектов, создающих эту линейную аномалию. Над северо-восточной частью раскопа, с внешней стороны рва, выделяется обширная положительная аномалия изометричной формы более 10 м в поперечнике⁴.

С целью установления источников аномалий на участке с размерами 8x8 м над линией фортификации (рис. 3, а) в процессе раскопок проведена градиентная магнитная съемка на разных глубинах (от 0 до 120 см). Уровни, показанные на рисунке, соответствуют уровням на археологических планах раскопа. При съемке использовался российский магнитометр-градиентометр ММПГ. Датчики градиентометра были расположены на высотах 0,2 и 2 м, масштаб съемки 1:50. Поскольку при раскопках на границе квадратов и вдоль центральной линии площади грунт сохранялся, то результирующие карты магнитных аномалий для глубин ниже нулевой отметки представлены в двух прямоугольных участках (рис. 3, б).

На отметке 0 наблюдалась положительная линейная аномалия и обширная отрицательная, причем граница между ними соответствовала внешнему краю оборонительной стены. По мере увеличения глубины раскопа происходило увеличение площади, на которой наблюдается положительное поле, и сокращение размеров отрицательной аномалии, граница между ними поэтапно смещалась в сторону рва. На глубине ниже 80 см контуры отрицательной аномалии зафиксированы в площади рва.

В ходе раскопок установлено, что на рассматриваемом участке оборонительная стена (около 4 м шириной) состояла из темно-серого грунта, видимо древнего дерна. С внешней стороны стены, начиная с глубины -10 и до -80 см, стабильно фиксировалась прослойка светло-желтого суглинка шириной 40–50 см, далее ее мощность уменьшалась, но она отчетливо выделялась вдоль края рва вплоть до его придонной части. При сравнении карт магнитных аномалий и контуров слоя светло-желтого суглинка видно, что с увеличением глубины внешний контур этого слоя смещается в напольную сторону и его границы совпадают с положениями нулевой изолинии магнитного поля. Следовательно, источником магнитных аномалий является светло-желтый суглинок, который выполнял функцию фиксации внешней поверхности грунтовой стены и часто дополнялся каменными плитами.

Проведено также сопоставление результатов раскопок и магнитной съемки для других участков (рис. 4). Над профилями представлены графики магнитных аномалий, оцифрованные по результатам модульной магнитной съемки для высоты датчика 0,35 см. На участках залегания светло-желтого суглинка наблюдаются положительные магнитные аномалии. Как видно на профилях 38, 40, 46, в зонах интенсивных магнитных аномалий фортификационная стена содержит прослойки из этого материала. Профиль 46 располагается над южной стеной, и его часть (от Ц до У) находится в пределах площади проведенных геофизических исследований. С напольной стороны рва небольшой вал содержит светло-желтые породы, и над ним наблюдается небольшая положительная магнитная аномалия. Кроме этого, магнитная аномалия наблюдается на профиле 40 над горизонтальным слоем из такого же грунта (в зоне от О до П).

Южная часть северной стены приведена на профилях 40 (участок от Ч до Х), У и Х (участки 40–42). Темно-серый грунт сохранился в основном во внутренней части стены, а большая ее часть состоит из почвенных «блоков» с продуктами горения. Магнитные аномалии наблюдаются именно над этими блоками, но интенсивность их значительно ниже, чем над светло-желтыми грунтами. Такой грунт, по-видимому, содержит значительно больше магнитных минералов, чем темно-серый, но меньше, чем грунт светло-желтого цвета. Наиболее интенсивная магнитная аномалия, около 50 нТл, наблюдается на профиле Х и, скорее всего, связана с каменными плитами, залегающими близко к поверхности. На плане раскопа ось положительной интенсивной

⁴ Вероятно, эта аномалия имеет прямое отношение к дополнительному элементу системы фортификации в напольной части поселения. В ее составе обнаружено значительно количество следов воздействия огня. Не исключено, что эта часть грунта была вынута из заполнения рва при его подчистке.

аномалии над этой частью стены совпадает с поясом каменных плит, расположенных от поверхности земли (+15 см) до глубины -40 см.

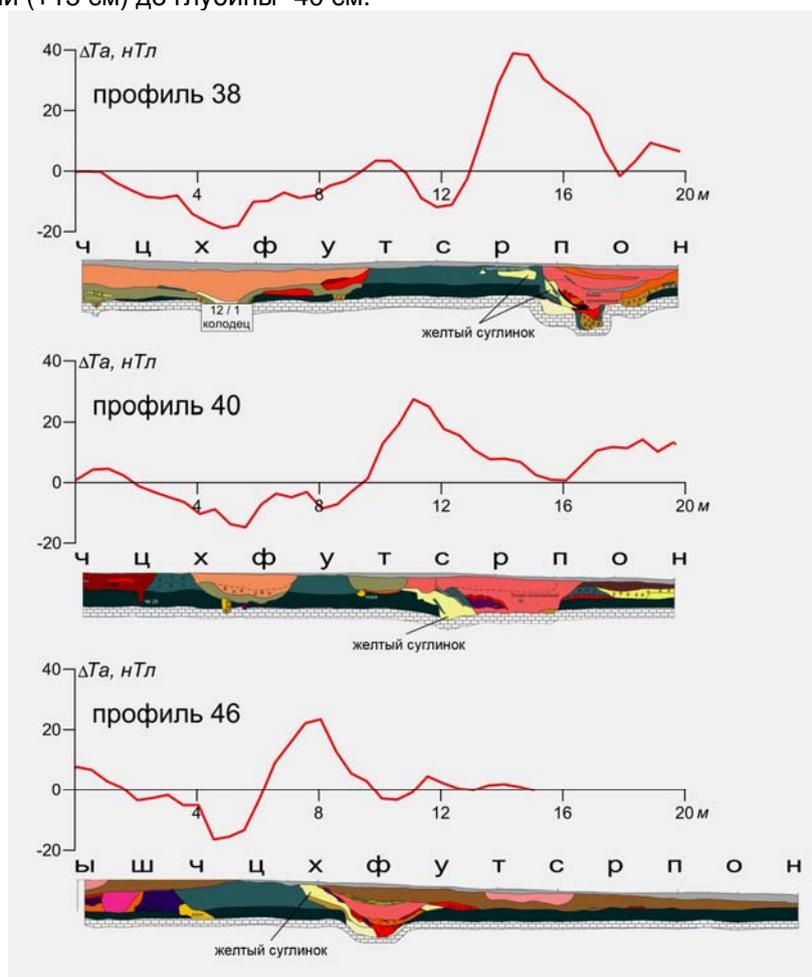

Рис. 4. Поселение Каменный Амбар. Раскоп 8. Сопоставление профилей и графиков магнитных аномалий.

Над фрагментами построек наблюдаются отрицательные магнитные аномалии, осложненные небольшими положительными аномалиями. Скорее всего, последние созданы слоями обожженной глины. В конце этого раздела отметим, что раскопками в пределах постройки 12 северного поселка частично был вскрыт колодец. Положение этого колодца показано на профиле 38 (рис. 4). В магнитном поле над колодцем можно выделить небольшую отрицательную аномалию.

Георадарная съемка

У георадарной съемки репутация одного из самых сложных геофизических методов, применяемых в археологических исследованиях. Но возможность произвести высококачественные дву- и трехмерные изображения подземных объектов перевешивает относительную сложность метода в сборе данных и их обработке.

Георадарные данные обычно собираются вдоль профиля или близко расположенных параллельных профилей. Каждый профиль состоит из записей многих тысяч радиоволн, отраженных от границ в грунте. Это активный метод, с помощью которого передаются электромагнитные импульсы от антенн на поверхности в землю, затем измеряется время от момента передачи импульсов в исследуемый грунт до момента их получения назад к поверхности приемной антенной. Время прохождения волн измеряется в наносекундах. По мере передвижения антенны вдоль земной поверхности отдельные отражения записываются на расстояниях от 2 до 10 см вдоль профиля. Форма отдельных отраженных волн, которые получены изнутри зем-

Возможности синтеза геофизической и археологической информации...

ли, затем оцифровывается в трассу, которая является серией волн, отраженных назад к одной точке на поверхности. Когда много трасс сложено рядом последовательно одна с другой, создается двухмерный вертикальный разрез вдоль профиля, по которому была перемещена антенна. Тысячи отраженных трасс от нескольких профилей могут затем анализироваться для создания и двух- и трехмерных изображений объектов, находящихся ниже поверхности.

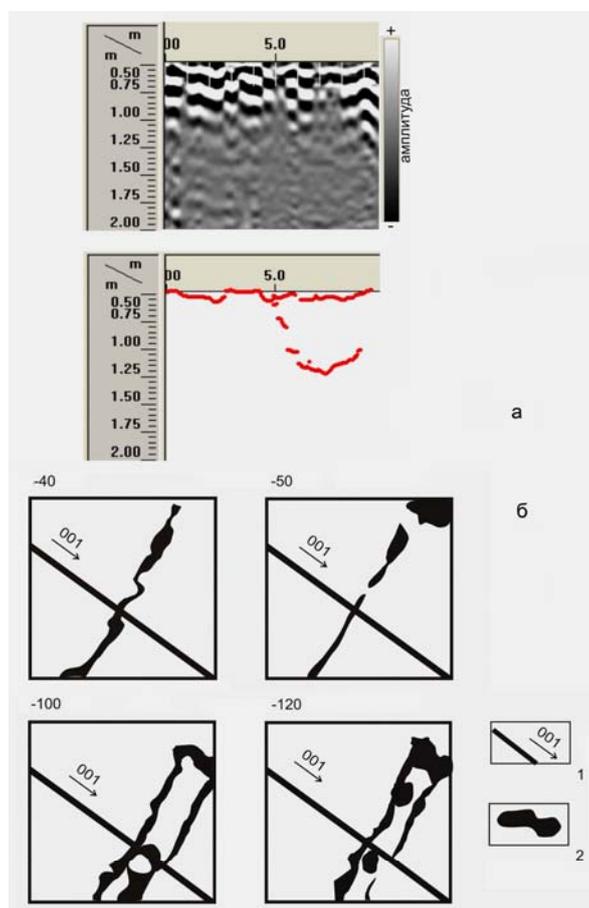

Рис. 5. Поселение Каменный Амбар. Раскоп 8. Результаты обработки и интерпретации георадарного профиля. Ниже красным цветом показаны отражающие границы (а). Погоризонтные планы раскопок (б): 1 — положение, направление и номер георадарного профиля; 2 — расположение оранжевого прокала и прокаленной глины.

Поскольку радарные импульсы передаются через различные грунты, расположенные на их пути под землей к проложенному объекту, их скорость изменяется в зависимости от физических и химических свойств материалов, через которые они перемещаются. Когда время прохождения энергии импульсов измерено и их скорость через грунты известна, расстояние (или глубина) может быть точно определена. В настоящее время георадарные системы очень компактные и переносные. Некоторые недавно разработанные модули могут приводить в действие все радарное оборудование и компьютеры, необходимые для зондирования и полевой обработки, в течение многих часов с помощью нескольких маленьких аккумуляторов.

Эффективность применения георадарной съемки зависит от наличия на участке контраста в электромагнитных свойствах исследуемых грунтов, в частности относительной диэлектрической проницаемости. Проведенная ранее магнитная съемка поселения [Носкевич и др., 2010] показала, что эффективное картирование фортификационных сооружений и интерьера городища по данным магнитометрии обусловлено присутствием обожженной глины на местах оборонительной стены, колодцев, очагов и хозяйственных ям. Слои обожженной или прокаленной глины являются хорошей отражающей границей для электромагнитных волн [Conyers, 2004, Носкевич и др., 2012].

На поселении георадарная съемка использовалась для уточнения положения внешней части оборонительной стены и рва. С этой целью был пройден профиль длиной 9,7 м на стыке северной и южной частей поселения. Для исключения влияния помех и сглаживания отражающих границ использовался дискретный режим измерений с интервалом по профилю 0,1 м. Профиль ориентировался перпендикулярно простиранию стены со рвом (рис. 1). Проверка полученных данных осуществлялась последующими раскопками.

Рассмотрим результаты обработки и интерпретации профиля (рис. 5, а). Отражающая граница рва начинается на пятом метре от начала профиля и доходит до глубины 1,25 м между 7-м и 8-м метрами. Дальнейшие раскопки подтвердили положение границы рва. На планах горизонтов (рис. 5, б) черным цветом показано положение слоев, наиболее контрастных по относительной диэлектрической проницаемости, и положение георадарного профиля. Эти слои, представляющие собой прокаленную глину (до состояния кирпича), согласуются с положением отражений на профиле.

Реконструкция истории жизни поселения

Факты, полученные благодаря применению геофизических и археологических методов, позволяют не только уточнить и скорректировать интерпретацию исходных данных, но и сформулировать вариант реконструкции истории жизни поселения, т.е. придать статичной картине археологического источника элементы динамики. С нашей точки зрения, единственным объяснением наблюдаемой сложной картины является длительность ее формирования.

На первом этапе были сооружены внешняя линия фортификации и связанные с ней блоки застройки. Подчеркнем, что северо-восточная и юго-западная части поселения, видимо, возводились одновременно. На исследованном участке разрыв в линии обороны связан с входом во внутренне пространство городища. На это указывают следы мощных столбов, заполненных прокаленным грунтом, которые расположены непосредственно на линии внешней стены. Расстояние между ними составляет около 3 м, что совпадает с ранее исследованным входом в северо-восточной стене [Корякова и др., 2011, с. 65]. В раскопе 8 обнаружено меньшее количество столбов, однако это может быть объяснено поздними разрушениями части системы и отсутствием следов ремонта (более короткой историей функционирования). Такая интерпретация косвенно подтверждается единством планировочной схемы двух частей поселения, которое было установлено в ходе исследования раскопа 7⁵.

При таком варианте интерпретации парадоксальный облик оборонительной системы с зияющим разрывом находит разумное объяснение, как и зафиксированная магнитосъемкой аномалия в напольной части. Последняя, скорее всего, является результатом вытаптывания участка на выходе из поселения. В ходе раскопок визуальных подтверждений реальности этой аномалии получено не было.

Следующая фаза истории памятника связана с сокращением площади поселения практически вдвое, о причинах которого можно только догадываться. На этом этапе продолжает функционировать северо-восточная половина. Особенности сплошной блочной застройки неизбежно требовали замкнуть контур с юго-запада, что и было сделано путем возведения новой стены и выкапывания рва. Не исключено, что для облицовки камнем этой конструкции плиты были взяты с заброшенных участков. Новый ров был соединен с существующим и частично уничтожил конструкцию входа.

Длительность существования поселения в таком виде не поддается надежной оценке, но следы ремонтов построек хорошо читаются, как подновления внешнего рва. На какое-то время площадка оказалась заброшена и все сооружения руинированы. Новые группы пришли сюда уже по прошествии значительного времени, хотя при возведении постройки 12 они явно использовали имеющиеся особенности рельефа⁶.

Заключение

Магнитная съемка многих поселений эпохи бронзы на Южном Урале хорошо зарекомендовала себя при картировании фортификационных сооружений и интерьера городищ. Это объяс-

⁵ На этом участке был исследован фрагмент «улицы» и обрамляющие ее по двум сторонам блоки построек. При этом «улица» в юго-западной части поселения располагалась в створе с северо-восточной половиной и выглядела как ее продолжение.

⁶ Это утверждение может быть распространено и на другие котлованы построек, из которых меньшинство исследованы раскопками. Границы их котлованов зачастую тяготеют к внутреннему контуру развала стены.

Возможности синтеза геофизической и археологической информации...

няется наличием в культурном слое обожженной глины и других грунтов с магнитными свойствами, повышенными по сравнению с окружающими почвами. Применение магнитной съемки в процессе раскопок позволяет повысить достоверность интерпретации аномалий и связать их с конкретными структурами археологических памятников.

Использование георадарной съемки на поселении Каменный Амбар также показало эффективность этого метода при оценке мощности фрагмента стены и глубины рва. Полученные результаты позволяют оптимизировать методику съемки. Благодаря контрасту электрических свойств различных слоев удалось выделить отражающие границы на разрезах вдоль профилей, что в перспективе дает возможность использовать георадар при исследовании многослойных археологических памятников.

В целом сопоставление геофизических и археологических результатов продемонстрировало высокую степень их сходимости. Однако методы являются не альтернативными, а взаимодополняющими, синтез информации обогащает возможности интерпретации. Нами продемонстрированы лишь некоторые из перспектив такого «сотрудничества», спектр которых заметно шире. Надеемся, что наш опыт будет способствовать максимально широкому привлечению геофизических методов к практике археологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — «Страна городов»: Пространство и образы. Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. 2011. № 4. С. 61–74.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Форнасье Й., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Носкевич В.В., Зайков В.В., Рассадников А.Ю. Новейшие исследования поселений эпохи бронзы в долине р. Карагайлы-Аят // XVIII Урал. археол. совещ.: Культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII Урал. археол. совещ. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 145–148.

Муравьев Л.А., Носкевич В.В., Федорова Н.В. Результаты магнитометрических исследований археологических памятников на Южном Урале // Урал. геофиз. вестн. 2009. № 1. С. 44–49.

Носкевич В.В., Федорова Н.В., Корякова Л.Н., Шарапова С.В. Геофизика и археология бассейна реки Карагайлы-Аят // УИВ. 2012. № 4. С. 60–69.

Носкевич В.В., Федорова Н.В., Муравьев Л.А. Использование магнитометрии при изучении археологических памятников эпохи бронзы на Южном Урале // Геофизика. 2010. № 4. С. 69–75.

Пунегов Б.Н. Микромагнитная съемка при археологических исследованиях (на примере Аркаима) // Урал. геофиз. вестн. 2009. № 1. С. 55–58.

Тибелиус В.Я. Результаты геофизических исследований на Аркаиме // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 2. Челябинск: ЧелГУ, 1995. С. 76–79.

Федорова Н.В., Носкевич В.В. Реконструкция планировки укрепленных поселений эпохи бронзы на Южном Урале: (Ольгино и Коноплянка по результатам детальной магнитной съемки) // Урал. геофиз. вестн. 2012. № 1. С. 52–59.

Хэнкс Б.К., Чечушков И.В., Дунан Р.К., Питман Д., Мужич Б., Медарич И., Мори М. Гл. 14: Новейшие результаты и перспективы исследований микрорайона древнего расселения Устье и долины реки нижний Тогузак // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виногорадов; Науч. ред. А.В. Епимахов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 393–416.

Conyers L.B. Ground-penetrating Radar for Archaeology. Walnut Creek: AltaMira Press, CA, 2004. 203 p.

Merrony C., Hanks B., Doonan R. Seeking the Process: The Application of Geophysical Survey on some Early Mining and Metalworking Sites // Metals and Societies: Studies in honour of Barbara S. Ottaway. Universitätsforschungen zur prahistorischen Archäologie. Bonn Rudolf Habelt. GMBH, 2009. P. 421–430.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals / R. Krause, L. Korjakova (eds). Frankfurt-on-Main: Rudolf Habelt. GMBH. 2013. 352 p.

*Челябинск, ИИА УрО РАН,
Южно-Уральский филиал
bersnatasha@mail.ru
eav74@rambler.ru

** Екатеринбург, Институт геофизики
им. Ю.П. Булашевича УрО РАН
ubistu@gmail.com
nataliafv50@mail.ru

Н.А. Берсенева, А.В. Епимахов, В.В. Носкевич, Н.В. Федорова

The article represents results of excavations and geophysical investigations at the Bronze Age settlement of Kamenny Ambar. They undertook correlation of the magnetic and GPR data with the excavation results. Using geophysical methods during excavations allows to increase the interpretation reliability of anomalies, connecting those with specific structures of archaeological sites. Subject to presentation being a reconstruction version of the settlement's life history.

Bronze Age, archaeology of settlements, the Sintashta culture, fortification, archaeological geophysics, magnetic observation, ground penetrating radar (GPR).

ХРОНОЛОГИЯ И МИФОЛОГИЯ АНДРОНОВСКИХ СОСУДОВ С ПОДКВАДРАТНЫМ УСТЬЕМ

И.В. Ковтун*, А.В. Нескоров**

Представлена наиболее полная сводка необычных андроновских сосудов с подквадратным устьем. На основе радиоуглеродных датировок из различных районов андроновского ареала, давших подобную посуду, отдельных металлических изделий, параллелей в андронидных комплексах и сопряженности с традицией валиковой орнаментации предлагается вероятная абсолютная хронология андроновской керамики с подквадратной формой устья. Рассматривается проблема смыслового значения и предназначения данных сосудов. По аналогии с нартскими параллелями и обско-угорскими орнаментальными соответствиями реконструируется причастность андроновских сосудов с подквадратным устьем к мифокалендарной обрядности и отправлению новогодних празднеств, связанных с содержанием основного мифа.

Андроновские сосуды, аналогии, хронология, мифокалендарная обрядность, нарты, обские угры, семантика орнаментации, основной миф.

Андроновские сосуды с подквадратным устьем (рис. 1–4) появляются на востоке культурного массива и известны только по погребальным памятникам собственно андроновской культуры. В настоящее время насчитывается не менее 18 образцов керамики с такой конфигурацией устья.

Введение

Крайние западные находки сосудов с подквадратным устьем сделаны в барабинских могильниках Преображенка III (рис. 2, 6, 10), Старый Тартас-4 (рис. 1, 1; 2, 7) и Старый Сад (рис. 3, 4; 4, 1–3). Наиболее удаленные, восточные образцы подобной посуды происходят из погребальных комплексов Среднего Енисея: Сухое озеро I (рис. 1, 2; 2, 3; 3, 1), Сухое озеро IA (рис. 2, 4) и Новая Черная II (рис. 2, 6; 3, 2). Между двумя этими предельными районами локализации рассматриваемых сосудов зафиксированы одиночные экземпляры в могильниках Новосибирского — Вахрушево (рис. 1, 3), и Томского — ЕК II (рис. 1, 4; 3, 3) Приобья, а также Ачинско-Мариинской лесостепи — Ашпыл (рис. 1, 5). При этом очевидно тяготение последнего к средне-енисейскому очагу андроновских древностей и территориальное примыкание первых двух находок к восточным рубежам Барабинской лесостепи.

Хронология

Андроновским влиянием объясняется появление двух сосудов с подквадратным устьем в комплексе развитой бронзы могильника у д. Окунево на правом притоке Иртыша р. Таре [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 71, 130, рис. 8, 1; с. 133, рис. 11, 1] (рис. 5, 1, 2).

О времени бытования этой немногочисленной серии андроновских сосудов могут свидетельствовать их другие морфологические параллели: из черкаскульского (или близкого ему) погребения могильника Такталачук в восточной Татарии (табл. 5, 3) [Казаков, 1979, с. 151, рис. 4, 9], сузгунский или пахомовский (раннесузгунский) четырехгранный сосуд с Красноярского городища в южно-таежном Прииртышье (рис. 5, 4), пахомовский (раннесузгунский) четырехгранный сосуд из могильника Старый Сад (рис. 5, 5) [Данченко, Полеводов, 2002, с. 25–26, рис. 1], в собственно андроновском комплексе которого также обнаружены сосуды с подквадратным устьем (рис. 3, 4; 4, 1–3).

Появление у андроновцев подквадратной посуды (рис. 1–4) отчасти совпадает с периодом (началом?) распространения валиковой орнаментации. Но хронологический горизонт сосудов с подквадратным устьем охватывает и более ранний период, тогда как бытование керамики с валиком продолжительнее по времени.

В барабинском могильнике Старый Тартас-4 обнаружены андроновские сосуды как с подквадратным устьем, так и с валиком. Более того, в погребении 1 кургана 16 этого памятника зафиксированы и сосуд с атипичной формой устья, и сосуд с «имитацией» валика. Авторы пуб-

ликация характеризуют последний как «сосуд с ребром, напоминающий алакульский тип» [Молодин и др., 2002, с. 58]. Именно в этом могильнике в андроновском погребении кургана, находящегося рядом с курганом, давшим сосуд с подквадратным устьем, обнаружен бронзовый вотивный топорик вислообушного типа (по: [Молодин и др., 1998, с. 294–297, рис. 1, 2, 3]). Собственно андроновские захоронения на некрополе Старый Тартас-4 [Молодин и др., 2002, с. 48–62] датированы по органическим материалам XVIII–XV вв. до н.э. [Молодин и др., 2011а, с. 251–252]. Поэтому, учитывая черкаскульские, пахомовские и сузгунские параллели, а также сочетания с валиком, нижнюю дату подобной керамики можно предположительно ограничить XVI–XV вв. до н.э.

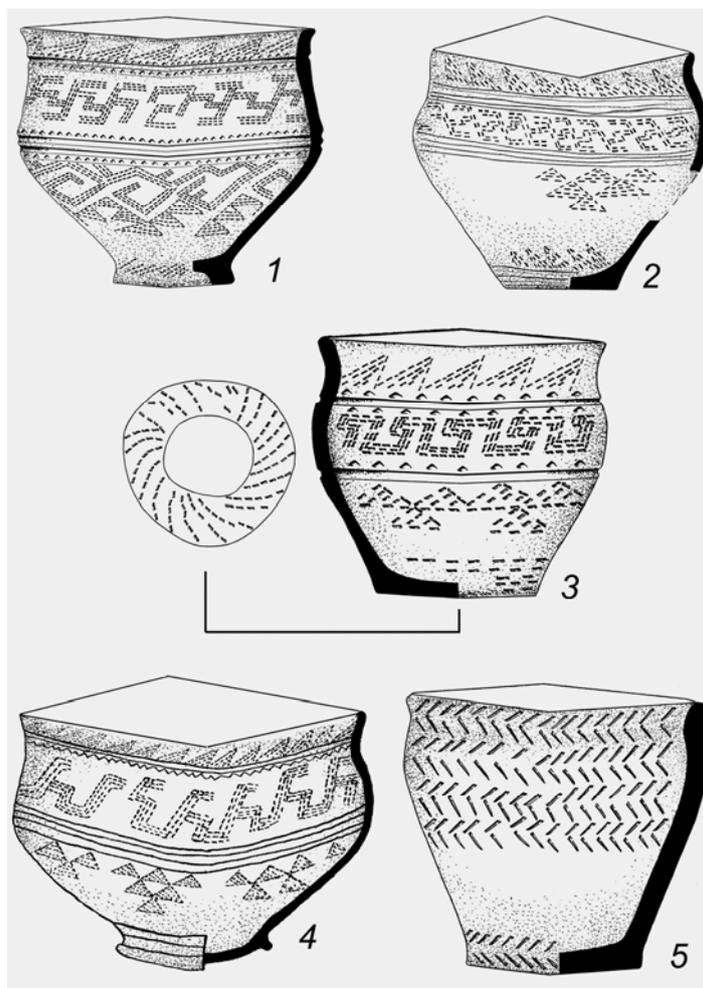

Рис. 1. Андроновские сосуды с подквадратным устьем: 1 — Старый Тартас-4; 2 — Сухое озеро I; 3 — Вахрушево; 4 — ЕК-II; 5 — Ашпыл.

Непосредственное сочетание подквадратного устья с валиком зафиксировано на двух андроновских сосудах из исследовавшегося А.В. Нескоровым могильника Старый Сад (рис. 4, 2, 3). Симптоматично, что в составе захоронений данного некрополя присутствует и своеобразный позднебронзовый комплекс [Молодин, Нескоров, 1992, с. 93–97; Молодин и др., 2011б, с. 195–198].

Четыре сосуда с подквадратным устьем из среднеенисейских могильников Сухое озеро I и Новая Черная II найдены в погребальных камерах, сооруженных с использованием цистовой кладки — позднеандоновского строительного приема, коррелирующегося с «модой на валик» в андроновском керамическом комплексе.

На Среднем Енисее андроновское время по ^{14}C датируется 1715 ± 65 и 1420 ± 40 гг. до н.э. [Gorsdorf et al., 2004, p. 88], а по другой процедуре подсчета тех же данных — с 1610 по 1410 г. до н.э. [Епимахов, 2005, с. 172–173]. В еще одной работе среднеенисейские андроновские па-

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

мятники датированы по ^{14}C в диапазоне 1744–1407 гг. до н.э. [Svyatko et al., 2009, p. 251]. Приведенные данные не противоречат предполагаемой нижней дате сосудов с подквадратным устьем из Барабы, и их нижняя дата предварительно также может быть определена XVI–XV вв. до н.э.

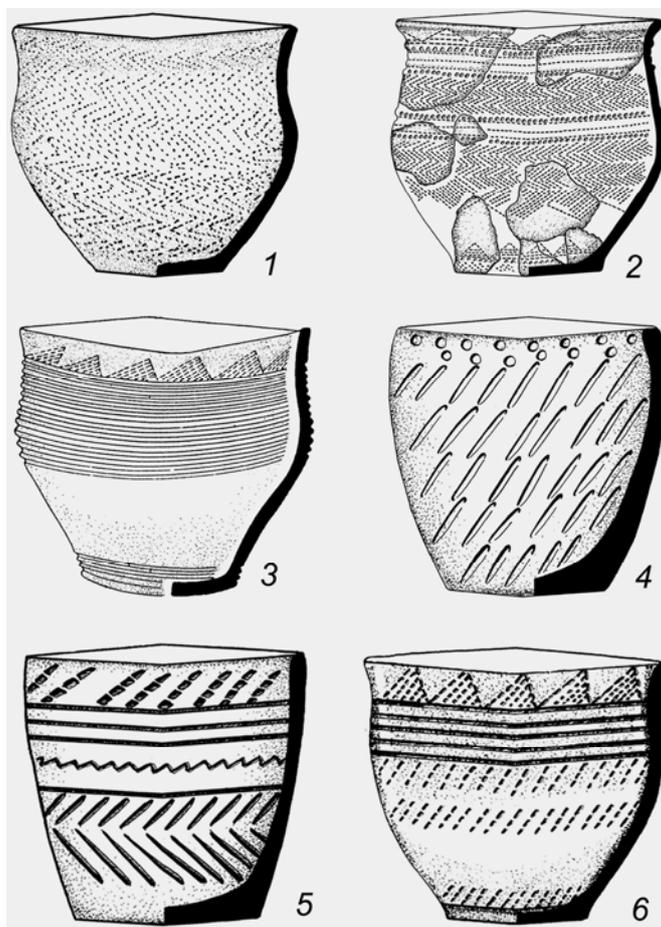

Рис. 2. Андроновские сосуды с подквадратным устьем.

1, 5 — Преображенка III; 2 — Старый Тартас-4; 3 — Сухое озеро I; 4 — Сухое озеро IA; 6 — Новая Черная II.

Мифология

Появление подквадратной формы устья андроновских сосудов связывалось либо с окуневским влиянием [Максименков, 1978, с. 63–66; Кузьмина, 1994, с. 43; и др.], либо с изобретением в собственной, андроновской среде, где известны своеобразные «прототипы» — четырехугольные блюда [Молодин, 1985, с. 102; Молодин и др., 1998, с. 296–297], происходящие, правда, главным образом из западной, зауральской части ареала (см.: [Ковтун, 1994, с. 128]). При различной трактовке происхождения подквадратных венчиков в традиции андроновского гончарства упомянутые авторы едины в представлении о ритуальной функции подобных сосудов [Кузьмина, 1994, с. 135–136; Молодин и др., 1998, с. 296–297].

Е.Е. Кузьмина соотносит андроновские сосуды с подквадратным устьем с ведийскими упоминаниями о многогранных сосудах: «...в Катха-чакха самхита (19, 5-7), в Капистхала самхита (30, 3-5), Тайтирия самхита (5, 1, 6-5, 1, 7) говорится, что укху надо делать четырех-, восьми- или девятигранной в магических целях 'против колдовства'» [1994, с. 135–136].

Подобная символизация и четырехгранная форма сосудов присуща и культовой самусьской керамике с антропоморфными изображениями. Данные сосуды удостоверяют присутствие индоарийского субстрата в составе самусьского комплекса [Ковтун, 2013, с. 300 и др.], расширившего свой ареал до Ачинско-Мариинской лесостепи [Ковтун, 2008, с. 97–98, 103] и хронологически синхронного андроновской экспансии на восток. Поэтому самусьские древности это еще вероятный источник заимствования ираноязычными андроновцами индоарийской идеи, олице-

творяемой четырехугольными горшками. Но не исключена и параллельность двух линий развития, при которой четырехгранная самусьская керамика, как и андроновская посуда с аналогичной формой устья, обоюдно восходят к мировоззренческой архаике индоиранского состояния. Изложенная версия продолжает ранее высказанное предположение о неантагонистическом характере самусьско-андроновских взаимоотношений [Ковтун, 1998, с. 248–249].

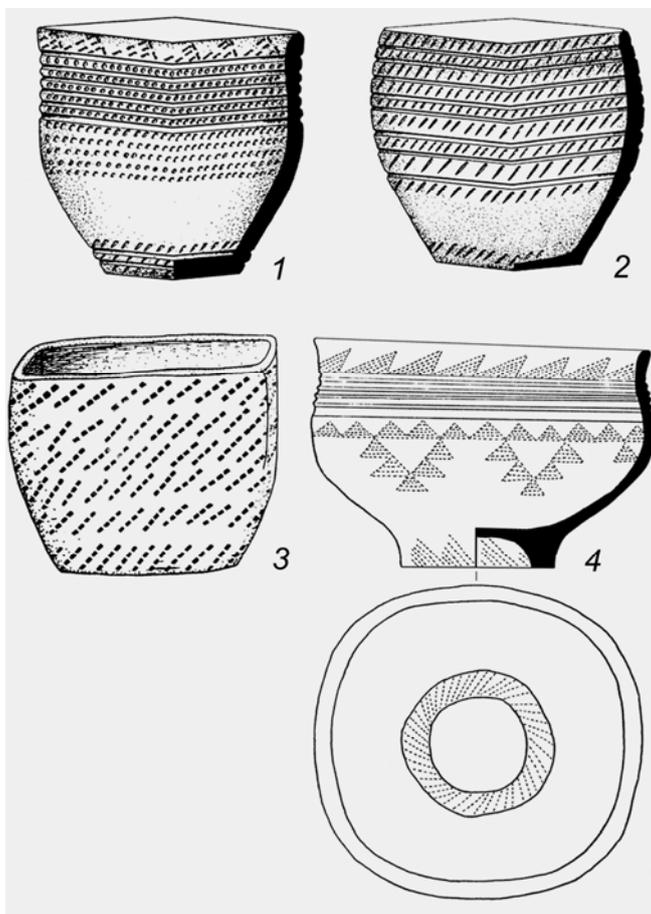

Рис. 3. Андроновские сосуды с подквадратным устьем:
1 — Сухое озеро I; 2 — Новая Черная II; 3 — ЕК II; 4 — Старый Сад.

Вероятность такого исторического сценария опосредованно подтверждается упоминанием подобного атрибута в нартском эпосе ираноязычных осетин, сохраняющих генетическую преемственность с языком аланов и скифов. Согласно упомянутому источнику, нарты совместно владели волшебной четырехугольной чашей, название которой — Нартамонга или Уацамонга означает «указующая героя». Чашу выносили на пирах, и она чудесным образом наполнялась и, поднимаясь к устам героев, переливалась через край, подтверждая заявления нартов о своих подвигах. Если нарт лгал, чаша не трогалась с места, тем самым опровергая безосновательное бахвальство [Дюмезиль, 1976, с. 45–46, 144–145; 1990, с. 175–177; Калоев, 1994, с. 543].

Характерные особенности нартской чаши — неиссякаемость и наполненность вкуснейшими напитками. Это напоминало Ж. Дюмезилью остатки мифа об амброзии [Дюмезиль, 1976, с. 45]. Но одновременно в некоторых сюжетных эпизодах с Нартамонгой/Уацамонгой очевидны и реминисценции основного мифа. Они сохранились в символизируемом чудесной чашей мотиве неиссякаемого изобилия. Так, аналогичный мотив материального процветания (= неиссякаемого изобилия) сопутствует победе Триты Апты над Вритрой [Топоров, 2006, с. 482] на стыке старого и нового (Первого) года. Поэтому «указующая героя», неиссякаемая четырехугольная чаша фигурально уподобляла подвиги героя-нарта дарующей изобилие и процветание победе божественного персонажа основного мифа.

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

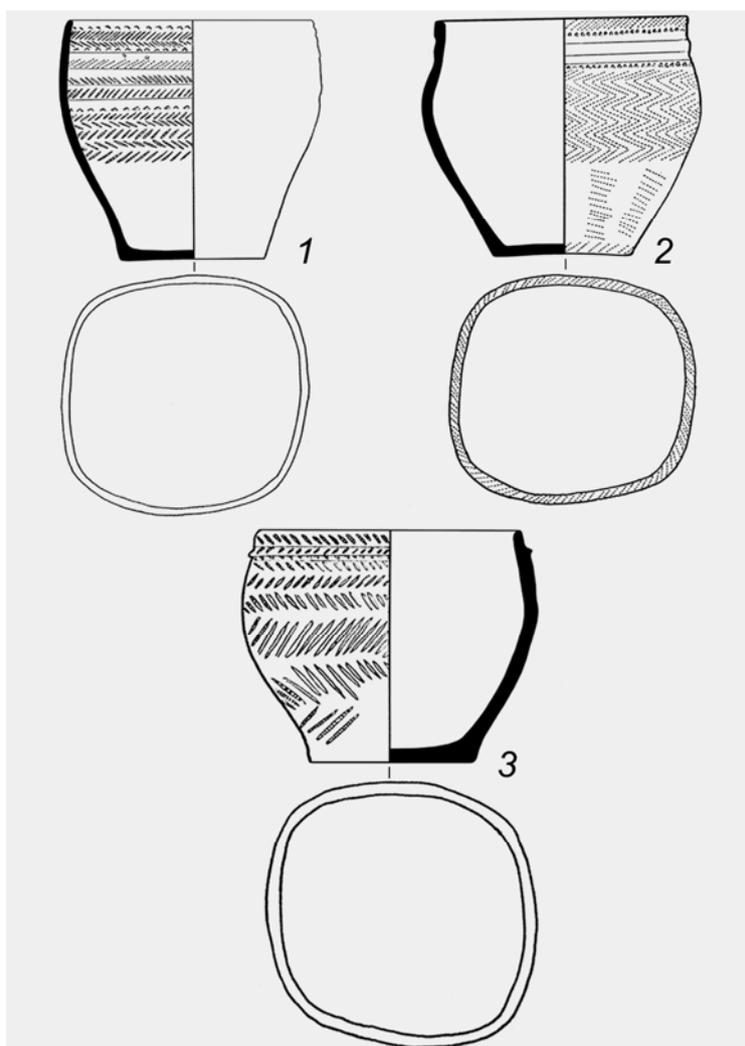

Рис. 4. Андроновские сосуды с подквадратным устьем из могильника Старый Сад.

Инвариантным остатком календарных ритуалов основного мифа, приуроченных к празднованиям Нового года, представляется и другая функция четырехугольной чаши — быть судьей состязаний на пирах нартов (по: [Дюмезиль, 1976, с. 171; 1990, с. 177]). Пир — значимые действия, отмечавшие важнейшие события и организующие сам ход жизни [Ковшова, 2013, с. 243]. По наблюдениям В.Н. Топорова, сочетание ритуального пиршества и состязания — тризны восходит к «пороговой» протоситуации кануна и начала нового года, когда победивший демиург переустроивает мироздание [Топоров, 1990, с. 17, 20, 22 и др.].

Хранение Нартамонги/Уацамонги и сбор нартов на пиры, где фигурирует волшебная четырехугольная чаша, считалось прерогативой одного из трех нартских родов — рода Алагата, сравнивающегося с магами [Дюмезиль, 1976, с. 171; 1990, с. 162–163, 177]. По аналогии с данным порядком вещей вполне вероятно, что и андроновские сосуды с подквадратным устьем составляли атрибутику ритуальных и (или) сакральных практик, осуществлявшихся лицами с особыми, по-видимому жреческими, полномочиями.

Культовое назначение андроновских сосудов с подквадратным устьем подтверждается и содержанием некоторых из украшающих их орнаментальных композиций. Так, в третьей зоне одного из старотартасских горшков фигурирует «ковровый» меандр А-типа, сочетающийся с сомкнутым меандром во второй зоне (рис. 1, 1). Смысловое значение подобного сочетания реконструируется по орнаментальной композиции браслета с конусовидными спиралями из могильника Лисаковский (рис. 6, 1), китайским параллелям и сходству с обско-угорским орнаментальным мотивом «соболь».

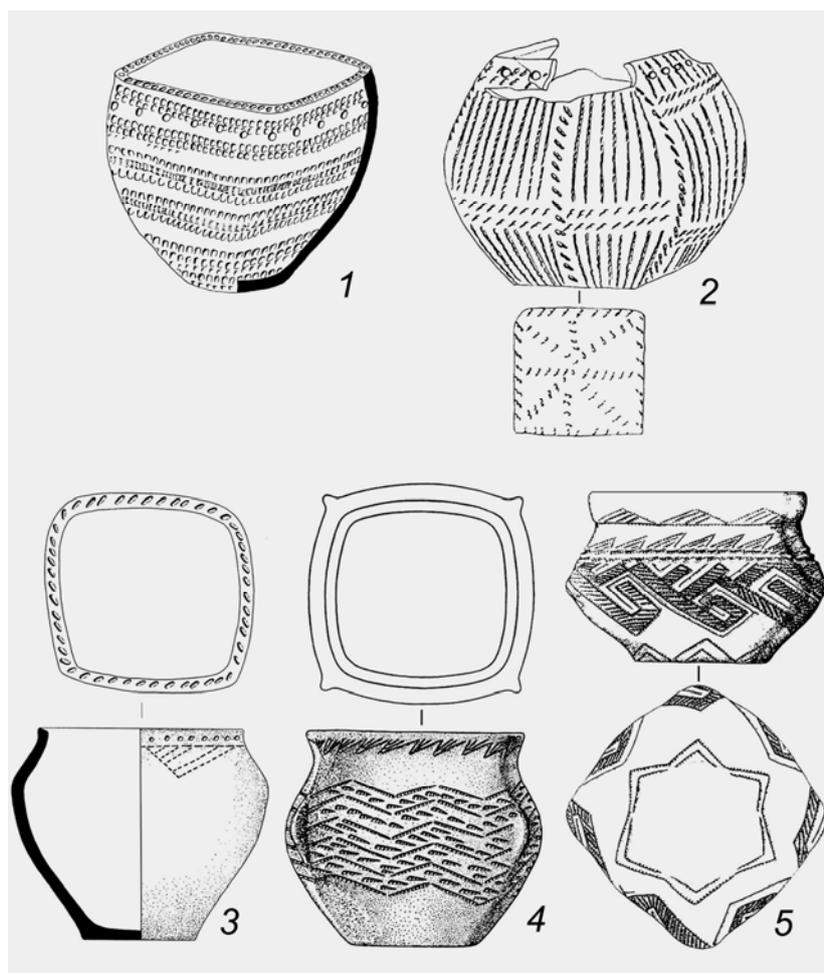

Рис. 5. Параллели андроновским сосудам с подквадратным устьем:
1, 2 — могильник у д. Окунево; 3 — могильник Такталачук; 4 — Красноярское городище; 5 — Старый Сад.

Предполагаемая имитация рогов барана-Индры/Веретрагны [Ковтун, 2013, с. 153–156] двумя конусовидными спиралями андроновского браслета соответствует смысловому значению подобного украшения, олицетворявшего баранью ипостась божества, связанную с идеей жертвоприношения [Там же, с. 153–160]. Аналогичную идею отражает и орнаментация лисаковского браслета, позволяющая реконструировать доктринальную сюжетную линию, символизируемую сочетанием декора на обруче изделия с его конусовидными окончаниями.

На браслете из Лисаковского фигурируют два мотива, сочетанием которых означалось некое содержание, соотносящееся с конусовидной имитацией бараньих рогов. На этом браслете сочетается совмещенный линейный меандр замкнутого и сомкнутого типов (рис. 6, 1, б) с «ковровым» меандром А-типа (рис. 6, 1, а). Смысловое значение последнего отчасти реконструируется по позднейшим обско-угорским параллелям. У хантов и манси мотив, идентичный андроновскому «ковровому» меандру А-типа, только с одним крючком, спущенным из вершины зигзага, имеет название «соболь» или «соболь с головой» [Иванов, 1963, с. 135–136, рис. 83; Рындина, 1995, с. 325; Молданова, 1999, с. 103–106, 233, рис. 18]. По наблюдениям Т.А. Молдановой, проводящей параллель с соответствующей разновидностью андроновской орнаментации, у хантов Казымского Приобья этот мотив, как и сам соболь, связан с лесными духами (миш) и символизирует идею изобилия [1999, с. 103–106, 139]. Орнаментальный мотив «соболь» и его разновидности употребляли не везде, так как считали, что соболь — священный зверек, за шкуру которого отдавали целого оленя [Сязи, 2000, с. 111]. Это также подтверждает связь соболя и его орнаментальных воплощений с идеей изобилия. Такая трактовка удостоверяется и предназначением вещей, на которые наносился подобный орнаментальный мотив, у разных

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

групп хантов Нижнего Приобья. Практически у всех групп нижеобских хантов «соболь» и его разновидности украшает сумки, реже — коробки и коробки для хранения швейных принадлежностей [Там же, 2000, с. 42, 44, 46, 55, 57, 58, 61–62, 63, 72, 74, 78, 84, 95, 106]. У различных же хантыйских групп «соболь» и его вариации используются для орнаментации платьев, халатов, шуб, подушек и покрывал, мужской обуви, малиц и мехового гуся [Там же, с. 61, 69, 73, 83, 89, 91, 99, 103, 107, 108]. Таким образом, очевиден классический случай метонимического тропа, в котором вместо содержимого фигурирует вместо содержимого. Поэтому повсеместное распространение мотива «соболь» на хантыйских сумках связывает их с идеей изобилия, восходящей к прото- или раннеугорской архаике.

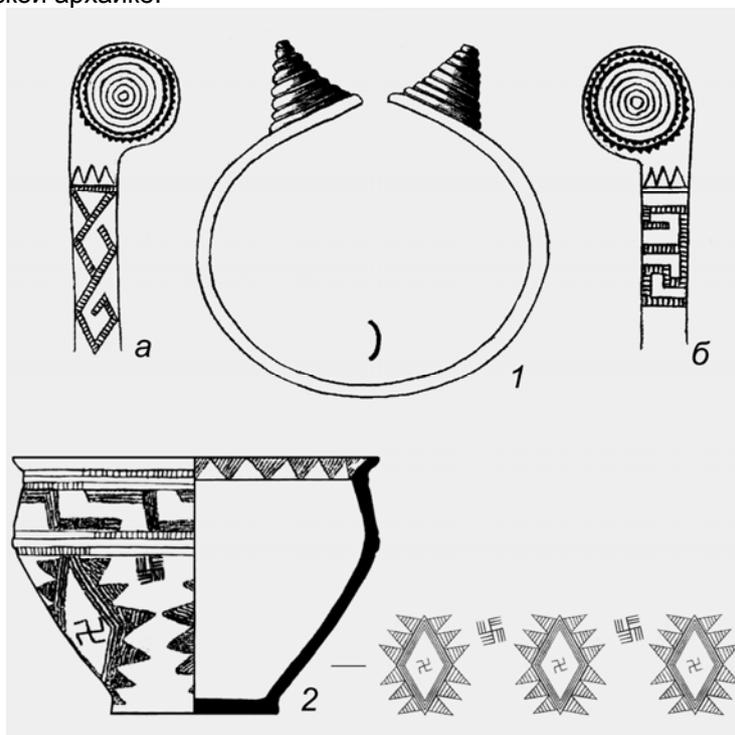

Рис. 6. Параллели андроновской орнаментации:
1 — могильник Лисаковский; 2 — могильник Танаберген II.

Именно идеей изобилия и плодородия, а равно возрождения новой жизни и процветания, идущих на смену «опустошению», пронизаны мифокалендарные представления индоиранских народов о переходном периоде от старого к новому году (см., напр.: [Топоров, 1990, с. 20; Элиаде, 2009, с. 258]). Вероятно, к архаичной древне- или праиранской идее новогоднего изобилия и самого Нового года как времени начала нового цикла, означавшего возрождение мироздания, восходит и орнаментальная символика андроновского «коврового» меандра А-типа.

Второй мотив андроновской композиции на лисаковском браслете представлен линейным меандром замкнутого и сомкнутого типов (рис. 6, 1, б). Самое известное представление о символике такого вида меандра связано с его непрерывностью, сочетающейся с изломом под прямым углом, а также отсутствием начала и конца, олицетворяющим вечность. Примечательно, что, например, в «Древнем Китае меандр соотносился с реинкарнацией и громом» [Топоров, 1994в, с. 273] и трактовался как «линия грома» и «грозовое облако» [Власов, 2001, с. 428]. При этом именно непрерывная волна прямоугольных меандровых узоров, т.е. линейный тип андроновского меандра, известен в китайском искусстве как «завиток молнии» или «полоса облака» [Бир, 2011, с. 378]. Персонификация подобных значений указывает на фигуру Громовержца — главного противника и победителя Мирового змея или дракона. Согласно фабуле основного мифа, именно с этим событием связываются новогодние празднества возрождения мироздания и начала нового жизненного и календарного цикла. Обоснованность китайских параллелей удостоверяется археологическими свидетельствами проникновения традиции андроновидной меандровой орнаментации, например, в культуре байцзиньбао в Северо-Восточном Китае, начало

которой приходится на IX в. до н.э., т.е. на средний этап Западного Чжоу (по: [Гребенщиков, 1990, с. 74–75, рис. 15, 11]).

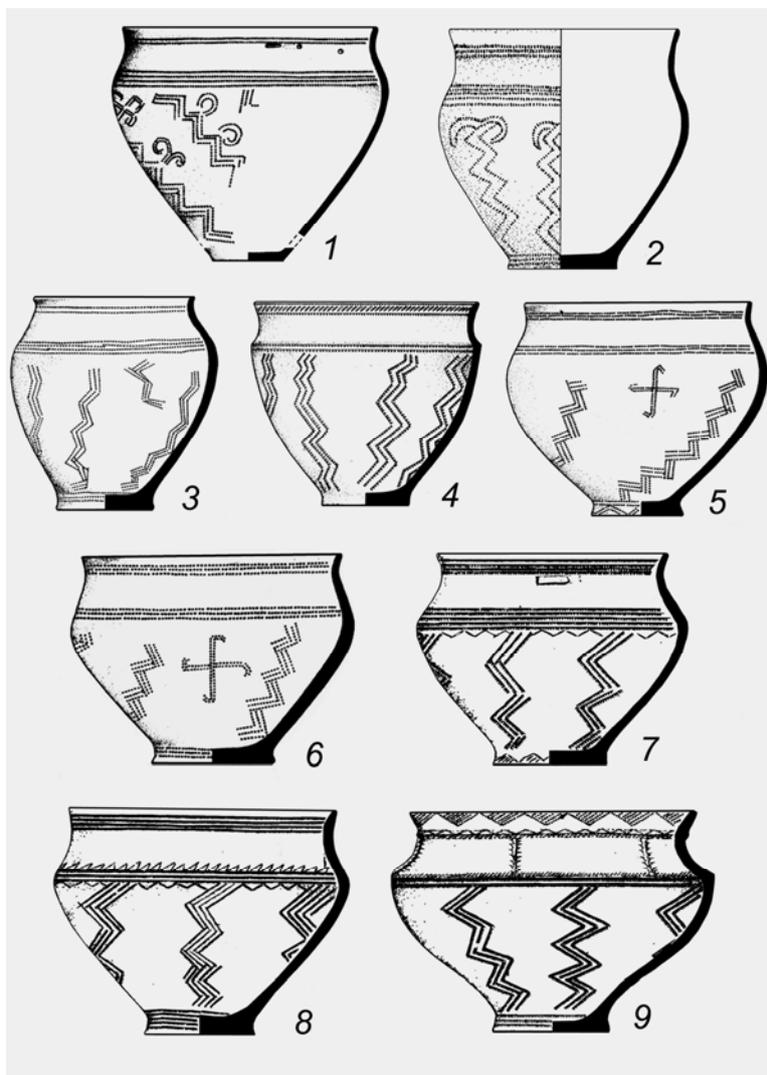

Рис. 7. Орнаментальный образ «козла-однонога»: 1, 3–9 — Синташтинский могильник; 2 — могильник Бестамак.

Таким образом, в рассматриваемой старотартасской композиции мотив второй зоны олицетворял образ и (или) идентифицирующую атрибутику громовника — демиурга-змее-/драконоборца. Мотив же третьей зоны символизировал идею изобилия и процветания, отражавшую мифокалендарную кульминацию сюжетного действия основного мифа при переходе от старого к новому году (рис. 1, 1).

Аналогичные смысловые значения присущи орнаментальным композициям на сосудах из Сухого озера I (рис. 1, 2), Вахрушево (рис. 1, 3) и ЕК II (рис. 1, 4). Вторая — средняя зона этих горшков декорирована линейным меандром сомкнутого и замкнутого типов, означавшим Громовержца/змее-/драконоборца и (или) его оружие — молнию. Треугольники пирамидального типа в третьей зоне — это восходящий к аркаимо-синташтинскому времени (рис. 6, 2) стилизованный календарный мотив, также соотносящийся с основным мифом и присущим ему новогодним ритуалом (см., напр.: [Топоров, 2006, с. 484–485]).

Треугольники пирамидального типа олицетворяли мифокалендарные значения змее-/драконоборческой темы — времени победы над чудовищем, знаменующей конец старого и начало нового года. Количественной символизацией такой кардинальной вехи представляются зачас-

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

тую сгруппированные по шесть треугольники пирамидального типа (рис. 1, 2, 4), вероятно означавшие отдельные полугодия — годы андроновского календарного цикла.

Истоки подобного значения этой орнаментальной схемы восходят к аркаимно-синташтинскому периоду и, в частности, к орнаментально-семиотическим схемам, подобным знаковому декору сосуда из могильника Танаберген II. В центре ромбических фигур, образующих раппорт третьей зоны, нанесена свастика, а противоположные стороны ромбов «окантованы» шестью треугольными фигурами, образующими 12-частную конструкцию (рис. 6, 2). Вероятно, такие мотивы послужили прообразом позднейших собственно андроновских «пирамидальных» и «окантовочных» построений из треугольных элементов в третьей зоне, но с уже утраченным изначальным смысловым значением данных орнаментальных символов. Поэтому количество треугольников, составляющих собственно андроновские «пирамидки», могло быть различным.

Иная орнаментальная композиция запечатлена на сосудах из Преображенки III (рис. 2, 5) и Старого Сада (рис. 4, 2). Это каннелюрно-«елочные» инвариантные комбинации, известные главным образом на востоке андроновского ареала. Они стилизованы, но их смысловая основа восходит к сюжету аркаимно-синташтинского периода, представленному на керамике из Синташтинского могильника и могильника Бестамак (рис. 7). Ключевым для интерпретации подобных композиций представляется стилизованное изображение «одноногого козла» на сосуде из могильника Бестамак (рис. 7, 2), напоминающее образ Аджи Экапада.

Стоящий у Мирового дерева и поддерживающий небо одноногий козел Аджа Экапад [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587] в Ригведе независимо упоминается лишь однажды. В остальных же четырех случаях его имя связано с именем «змея глубин» Ахи Будхнья, равно как и их объединение в домашнем ритуале. Подлинное имя божества, скрытое под эпитетом Аджа Экапад, осталось неизвестным. Но его связь со змеем Ахи, молнией, и одноногость [Топоров, 1994а] указывают на серпентоморфные признаки [Ковтун, 2013, с. 81]. Поэтому зигзагообразность синташтинского орнаментального символа одновременно олицетворяет и «змея глубин» Ахи Будхнья, связанного с одноногим козлом Аджа Экападом [Топоров, 1994б], имя и одноногость которого представляются метафорой молнии [Топоров, 1994а].

Андроновские реминисценции данного сюжета включают каннелюры во второй зоне, возможно означавшие небо и атмосферные воды, к которым причастны мифологические персонажи, восходящие к индоиранскому состоянию. Это змее-/драконоборец Трита, считавшийся божеством молнии, воплощением огня в молнии, рождающейся в тучах среди атмосферных вод, откуда его эпитет — Аптья, т.е. «Водяной», и родственник Трите «Сын Вод» Апам Напат, также олицетворявший молнию [Macdonell, 1897, p. 69–70; Эрман, 1980, с. 72]. Связанный с водой («Сын Вод») и огнем (молния) Апам Напат одновременно обнаруживает причастность к «змею глубин» Ахи Будхнье и одноногую козлу Адже Экападу [Топоров, 1994б], имя и одноногость которого, как уже отмечалось, выступают метафорой молнии [Топоров, 1994а].

Думается, что вертикальная «елочка» в третьей зоне рассматриваемых и им подобных сосудов передает декоративно стилизованный и содержательно стертый образ Аджи Экапада и его метафоры — молнии. Кроме того, зигзагообразность синташтинского орнаментального символа и его андроновских реминисценций олицетворяет «змея глубин» Ахи Будхнья, связанного с одноногим козлом Аджа Экападом [Топоров, 1994а, б]. Поэтому вертикальной «елочке» в каннелюрно-«елочных» инвариантных комбинациях, запечатленных на андроновских сосудах, вероятно, присуща еще серпентоморфная символика.

Итак, сочетанием каннелюр во второй зоне с вертикальной «елочкой» в третьей, вероятно, означалась космогоническая модель мироздания в семантическом преломлении основного мифа. Вторая зона сосуда, орнаментированная каннелюрами, по-видимому, сохранила смысловую символику стихийного начала (небесные/атмосферные воды), соотносимого с архаичным образом героя змее-/драконоборца. Такая интерпретация подтверждается уже схематичным образом бестамакского козла-однонога, подобно Адже Экападу поддерживающего «небо» (рис. 7, 2). На собственно андроновских сосудах его изображение окончательно редуцировано и орнаментализовано до мотива вертикальной «елочки» (рис. 2, 5; 4, 2).

Вероятно, мифологические представления о стоящем у Мирового дерева и поддерживающем небо одноногим козле, известном в Ригведе под именем Аджи Экапада [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587], в Северо-Западной Азии бытовали только в аркаимно-синташтинский период. Хронологически синхронные образы козлов с фигуральной «одноногостью» известны в окуневском могильнике Красный Камень в виде каменного жезла и сейминско-турбинском мо-

гильнике Ростовка в виде изображения на кельте с предполагаемым черенком-«ногой» [Ковтун, 2013, с. 81, 321]. Позднее эти эпохальные мифологические представления, вероятно, были утрачены собственно андроновским населением. В отличие от фигуративных сейминско-турбинских образов (напр.: [Ковтун, 2006, с. 65–72], «метаязык» андроновского искусства аниконичен и «изъясняется» комбинаторикой орнаментальных построений, подобно декору сейминско-турбинских кельтов [Ковтун, Марочкин, 2011, с. 70–71; Ковтун, 2013, с. 306–322, табл. 56–99]. Поэтому на андроновских сосудах изображался уже не конкретный персонаж, а орнаментальная символика с инвариантным остатком смысловых значений столпа, поддерживающего небо, молнии и морфологических признаков серпентоморфности.

Подобные семантические планы меандровых, меандрово-треугольных и каннелюрно-«елочных» орнаментальных композиций сосудов с подквадратным устьем (рис. 1, 1–4; 2, 5; 4, 2) удостоверяют особый функциональный статус этих горшков. Можно предположить, что подобно нартской Нартамонге/Уацамонге андроновские сосуды с подквадратным устьем использовались в качестве культовых атрибутов, принадлежащих особой социальной андроновской группе (как Алагата у нартов), ответственной за отправление ритуально-обрядовых практик. Смысловое значение ряда орнаментальных композиций, запечатленных на таких горшках, представляется свидетельством их употребления при проведении мифокалендарных обрядов. Содержание подобной обрядности, вероятно, иллюстрировало мировоззренческую доктрину сотворения мироздания, структуру миропорядка, установленного демиургом после низвержения своего противника, и сюжетные эпизоды основного мифа, сопровождавшие переход от старого к новому году.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.
- Власов В.Г.* Меандр // Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 8 т. Т. 4. СПб.: ЛИТА, 2001. С. 426–428.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. Т. I–II. 1328 с.
- Гребенщиков А.В.* Необычные сюжеты в орнаментике традиционного гончарства Приамурья в эпоху раннего железа // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1990. С. 54–79.
- Данченко Е.М., Полеводов А.В.* Четырехгранный сосуд с Красноярского городища в южнотаежном Прииртышье // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 24–26.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
- Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 229 с.
- Епимахов А.В.* О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 169–173.
- Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник: (По материалам XIX — начала XX в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.
- Казаков Е.П.* Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА. 1979. № 1. С. 145–160.
- Калоев Б.А.* Уацамонга // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994. Т. 2. С. 543.
- Ковтун И.В.* Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф.И. Александра: (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 122–134.
- Ковтун И.В.* Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: (Материалы междунар. симп.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I. С. 246–253.
- Ковтун И.В.* Фигуративные навершия выгнутообушковых ножей сейминско-турбинского типа // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 65–72.
- Ковтун И.В.* Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 97–104.
- Ковтун И.В.* Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Ковтун И.В., Марочкин А.Г.* Арчекасский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 69–76.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2013. 456 с.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
- Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. 223 с.
- Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 261 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.: Вел. Новгород, 2011а. Т. I. С. 251–252.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нескоров А.В. Завершение исследований могильника Старый Сад эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011б. Т. XVII. С. 195–198.
- Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990. М.: ИА АН РК, 1992. Ч. I. С. 93–97.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е. Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1998 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 294–299.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4: (Новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). С. 48–62.
- Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 640 с.
- Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 248 с.
- Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 12–47.
- Топоров В.Н. Аджа Экапад // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994а. Т. 1. С. 44.
- Топоров В.Н. Апам Напат // Там же. 1994б. С. 91.
- Топоров В.Н. Геометрические символы // Там же. 1994в. С. 272–273.
- Топоров В.Н. Авест. *Ōrita*, *Ōraētaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. С. 479–504.
- Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2009. 622 с.
- Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука, 1980. 231 с.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14 C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Acad. Publishers, 2004. P. 83–89.
- Macdonell A.A. Vedic mythology. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. 189 p.
- Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. № 1. P. 243–273.

*Кемерово, ИЭЧ СО РАН
ivkovtun@mail.ru
**wer900@mail.ru

The paper presents the most comprehensive summary of uncommon Andronian vessels with square mouth. Basing on the radiocarbon dating from different territories of the Andronian area which gave suchlike dishes, as well as on certain metal articles and parallels in the Andronoid complexes, also on the conjugation with a tradition of roller ornamentation, the authors propose a probable absolute chronology of the Andronian pottery with square mouth. Subject to consideration being a problem of semantics and purpose of these vessels. By analogy with dog-sledge parallels and Ob-Ugrian ornamental correspondences, subject to reconstruction being the involvement of the Andronian vessels with square mouth in the myth-and-calendar ritualism as well as performance of the New Year festivities associated with the contents of the basic myth.

Andronian vessels, analogies, chronology, myth-and-calendar ritualism, dog-sledge, the Ob Ugrians, semantics of ornamentation, basic myth.

ПОСЕЛЕНИЕ ОЛЬГА-10 В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИМОРЬЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ДИСКУССИИ О МАРГАРИТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

С.В. Батаршев*, Е.А. Сергушева**, О.Л. Морева**,
Н.А. Дорофеева**, Е.Б. Крутых*

Рассматриваются актуальные проблемы изучения маргаритовской археологической культуры Приморья. На основании исследований материалов поселения Ольга-10 разрабатываются технико-морфологические и типологические критерии маргаритовской культуры. Обосновывается хронологическое и стадийное положение маргаритовских комплексов, делается вывод об их принадлежности к периоду раннего палеометалла. Особый акцент сделан на изучении семян культурных растений с поселения Ольга-10, роли земледелия в жизнеобеспечении носителей маргаритовской культуры.

Ранний палеометалл, маргаритовская культура, типология, хронология, периодизация, земледелие, Приморье, Дальний Восток.

Введение

Начало эпохи металла на юго-восточном побережье Приморья традиционно связывают с появлением и распространением комплексов маргаритовской культуры [Андреева, 1970, с. 126–128; Андреева, Студзицкая, 1987]. К сожалению, долгое время исследователи не располагали материалами однослойных памятников. При отсутствии качественных источников было невозможно однозначно интерпретировать изученные комплексы и предложить развернутую характеристику культуры в целом. Ввиду этого многие вопросы изучения маргаритовской культуры по-прежнему остаются дискуссионными, в том числе: периодизация, стратиграфия, культурно-типологическая номенклатура комплексов; характеристика археологического инвентаря, жилых и хозяйственно-бытовых сооружений; знакомство носителей культуры с металлообработкой и производящим хозяйством и др.

Дальнейшее изучение указанных проблем было невозможно без раскопок хорошо стратифицированных памятников с замкнутыми комплексами, препятствующими горизонтальному перемещению археологического материала (жилища с углубленными в грунт котлованами, хозяйственные ямы). За последние два десятилетия различными исследователями были проведены раскопки на нескольких поселениях, которые можно рассматривать как эталонные памятники маргаритовской культуры: Глазковка-2 [Клюев, Яншина, 1997], Монастырка-3 [Дьяков и др., 2003], Преображение-1 [Слепцов, 2005], Ольга-10 [Батаршев и др., 2011]. Особое значение мы придаем материалам поселения Ольга-10, где изучены замкнутые комплексы маргаритовской культуры, представленные двумя долговременными жилищами, с углубленными в грунт котлованами, очагами и хозяйственными ямами, получена многочисленная коллекция керамических и каменных изделий. Кроме того, здесь проведена водная флотация культурных отложений с целью получения археоботанических остатков. В предлагаемой работе основное внимание уделяется решению проблемы периодизационного положения маргаритовской культуры, а также описанию и анализу археоботанической коллекции.

Археологический комплекс памятника Ольга-10

Памятник Ольга-10 находится на юго-восточном побережье Приморья в устье р. Аввакумовки (рис. 1). Занимает мысовидную оконечность горного отрога высотой около 40 м. Поселение представлено пятью западинами жилищ округлой формы, диаметром 6–6,5 м и глубиной 0,4–0,6 м. Четыре западины расположены в ряд в западной части поселения, еще одна — на удалении в его восточной части. Раскопки 2010 г. охватили два смежных жилища в западной части поселения (общая площадь раскопа составила 113 м²).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-12027 офи-м «Земледелие в периферийных районах восточно-азиатской геоэкологической зоны (причины появления, динамика, место в системах жизнеобеспечения)».

Поселение Ольга-10 в Юго-Восточном Приморье: новые материалы к дискуссии...

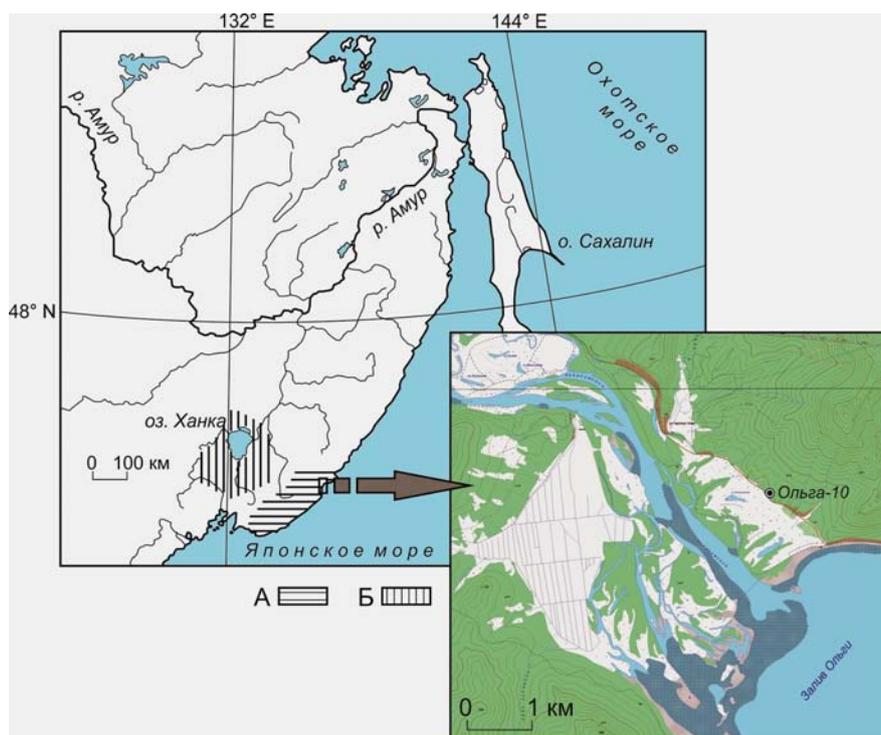

Рис. 1. Распространение памятников маргаритовской (А) и зайсановской (приханкайский вариант) (Б) культур в Приморье.

Жилище № 1 ориентировано по сторонам света, котлован квадратной формы (5,3×5,4 м, глубиной 0,3–0,4 м), общей площадью около 29 м². По центру котлована расположен прямоугольный очаг с углубленным основанием (№ 1). Возле восточной стенки котлована выявлен еще один углубленный очаг округлой формы (№ 2). С внешней стороны к северо-восточному углу жилища примыкает крупная хозяйственная яма овальных очертаний, в которой найдено семь керамических сосудов. На полу жилища расчищено не менее 27 столбовых ям.

Жилище № 2 было ориентировано по сторонам света, его котлован квадратной формы (6×7 м, глубиной 0,4–0,6 м) со скругленными углами, общей площадью около 42 м². К северо-восточному углу жилища примыкает хозяйственная яма с тремя керамическими сосудами. На полу жилища выявлена 61 столбовая яма, а также три хозяйственные ямы и четыре ямы неопределенного назначения.

По древесному углю из заполнения котлованов обоих жилищ получены радиоуглеродные даты: жилище № 1 (уголь из очага № 2) — 3300±45 л.н. (СОАН-8365), жилище № 2 (уголь от сгоревшей конструкции кровли) — 3515±65 л.н. (СОАН-8366), 3370±55 л.н. (СОАН-8367).

Коллекция археологического инвентаря памятника включает изделия из камня и керамики. Различий культурно-хронологического характера в материалах жилищ № 1 и 2 не выявлено.

Каменная индустрия поселения основана на использовании отщепов и удлиненных сколов в качестве заготовок для производства орудий; преобладании техник краевого и сплошного двухстороннего ретуширования; применении техники шлифования исключительно для производства украшений (бусин). Среди ретушированных изделий можно выделить несколько ведущих типов: треугольные наконечники стрел со скошенным насадом (рис. 2, 4); ромбически-черешковые наконечники стрел (рис. 2, 5); треугольно-черешковые наконечники стрел (рис. 2, 6); треугольно-удлиненные сверла (рис. 2, 11); треугольно-асимметричные вкладыши (рис. 2, 7, 8); треугольные вкладыши с асимметричной ретушью (рис. 2, 9); концевые скребки трапециевидно-удлиненной формы (рис. 2, 10).

Керамика Ольги-10 выглядит довольно однообразно. Для нее характерны следующие признаки: использование для приготовления глиняного теста минерального отощителя, в том числе дробленой породы (дресвы); покрытие стенок сосудов ангобом; сборка емкостей ленточно-кольцевым налепом по донной программе; оформление венчиков налепным валиком-карнизом;

сочетание в комплексе горшковидных сосудов со слабо выделенной горловиной и различных по форме чаш; орнаментация сосудов в накольчатой и накольчато-отступающей технике; нанесение орнамента преимущественно на верхние грани наlepных валиков (рис. 2, 16–21).

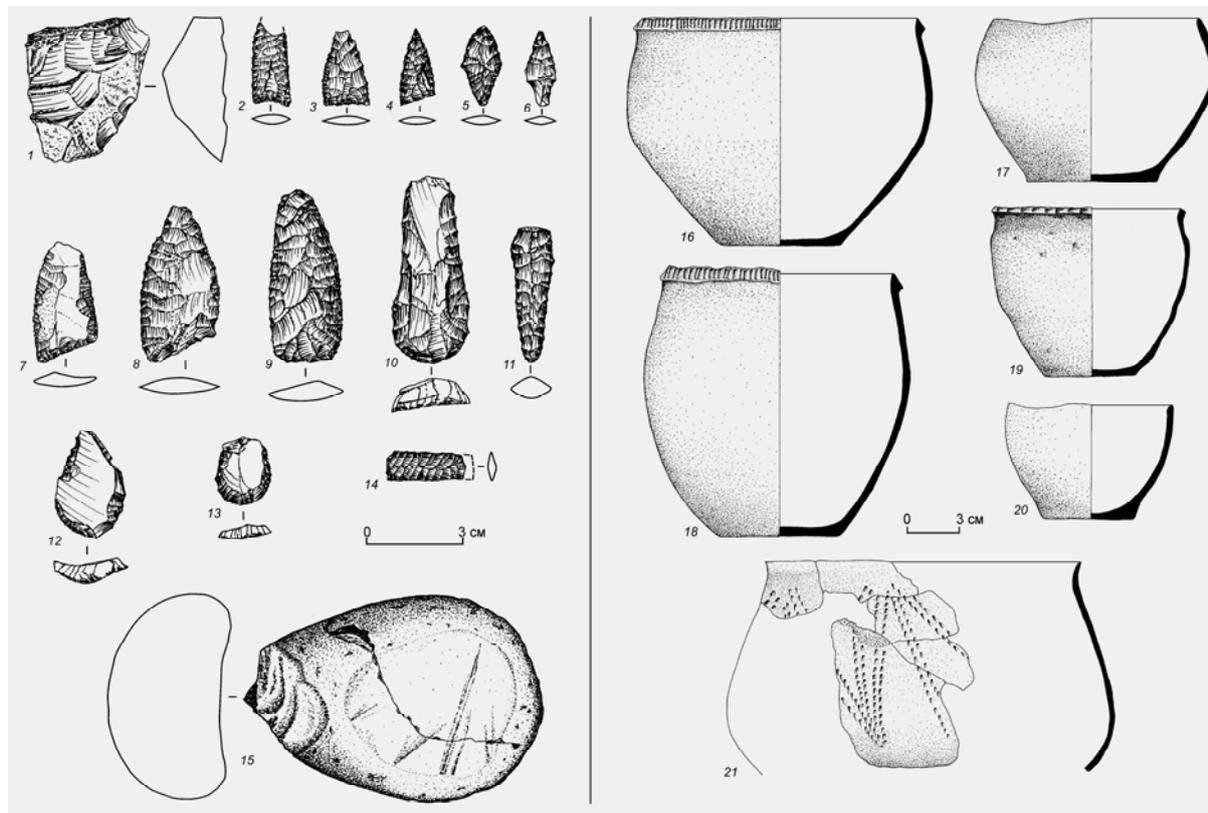

Рис. 2. Памятник Ольга-10. Изделия из камня (1–15) и керамики (16–21) маргаритовской культуры.

Помимо находок маргаритовской культуры, в жилище № 2 обнаружено несколько фрагментов керамики, не связанных с основным комплексом памятника и относящихся к более раннему этапу его заселения. Это фрагменты горловин с отогнутым венчиком, под которым прикреплен округлый в сечении наlepной волнистый валик. Подобные изделия известны в поздненеолитических комплексах поселений Рудная Пристань [Дьяков, 1992] и Валентин-перешеек [Валентин-перешеек..., 1987]. На Ольге-10 керамика этого типа встречается на плечах жилища № 2 и за его пределами. В частности, горловина сосуда была обнаружена на юго-западном участке плеча в слое, который для жилища № 2 являлся «материковым». Судя по малочисленности находок, поздненеолитическая керамика маркирует остатки кратковременной стоянки, которая была разрушена при строительстве маргаритовских жилищ. Авторы уже обращались к проблеме однородности маргаритовских комплексов, отмечая, что на некоторых памятниках (например, Киевка, Гроты) маргаритовская керамика смешана с зайсановской керамикой позднего неолита, причем относящейся к разным локально-хронологическим вариантам. На памятниках с «чистыми» маргаритовскими комплексами такая примесь отсутствует (Монастырка-3, Преображение-1) или четко выделяется стратиграфически и планиграфически (Глазковка-2, Заря-3, Ольга-10). В связи с этим есть все основания для исключения зайсановского компонента из типологического списка маргаритовской культуры [Батаршев и др., 2011].

Результаты археботанических исследований

Для получения карбонизированных семян и плодов (карпоидов) растений на памятнике было профлотировано 487 л грунта с пола обоих жилищ, получено 35 проб. Из них результативной оказалась 31 проба, содержащая 106 экз. семян и плодов (или их фрагментов). Среди них были идентифицированы карпоиды культурных, дикорастущих пищевых и сорных/фоновых растений (табл. 1).

Количественные данные о флотационных пробах поселения Ольга-10

Археологический комплекс	Количество профлотированного грунта, л	Число полученных проб	Число результативных проб	Количество грунта результативных проб, л	Число обнаруженных карпоидов	Количество фрагментов древесины со следами обработки	Насыщенность культурного слоя карпоидами. Число карпоидов на 1 л грунта
Жилище № 1	61	5	4	43	22	0	0,36
Жилище № 2	426	30	27	Нет данных	84	27	0,19
Общие подсчеты	487	35	31	Нет данных	106	27	0,21

Остатки культурных пищевых растений представлены единичными зерновками двух видов культурного проса — итальянского (*Setaria italica*) и обыкновенного (*Panicum miliaceum*). Они обнаружены только в пробах из отложения жилища № 2. Их отсутствие в пробах из жилища № 1 объясняется низкой насыщенностью карпоидами культуросодержащих отложений памятника и небольшим количеством профлотированного грунта из этого жилища.

Всего найдено 15 зерновок культурного проса, видовая идентификация 13 из них не вызывает сомнений. Остатки проса итальянского представлены 8 зерновками в 5 пробах (табл. 2). Их морфология типична для данного вида: слегка овальное или округлое очертание, уплощенное брюшко, что отчетливо фиксируется у наименее деформированных экземпляров, неширокая зародышевая впадина в форме перевернутой «V» занимает до 3/4 длины зерновок. Из-за карбонизации у большинства зерновок увеличена и видоизменена боковая проекция. Она имеет подквадратную форму с хорошо различимым желобком в месте стыковки брюшной и боковой сторон, образовавшимся при карбонизации. У одной из обнаруженных зерновок сохранился небольшой фрагмент внешней цветковой чешуи. На его поверхности хорошо прослеживаются мелкие складочки горизонтальной направленности. Совокупность этих морфологических признаков позволяет надежно идентифицировать данные зерновки. Кроме описанных имеется одна зерновка с не столь однозначной морфологией (проба № 29). Из-за нечетких морфологических признаков она идентифицирована как напоминающая просо итальянское (cf. *S. italica*). Повидимому, данная зерновка подверглась более сильной деформации, так как не была достаточно вызревшей на момент карбонизации.

Размеры зерновок проса итальянского с поселения Ольга-10 могут быть названы стандартными (табл. 2) и сравнимы с размерами аналогичных находок с поселения периода позднего неолита Реттиховка-Геологическая (1,2–1,14–0,85 мм) [Сергушева, 2006].

Остатки проса обыкновенного представлены 6 зерновками в 6 пробах. В отличие от проса итальянского они имеют овальное очертание, более широкую и короткую зародышевую впадину и выпуклую брюшную поверхность. У некоторых зерновок на брюшной и боковой поверхностях фиксируются небольшие складки, отсутствующие у зерновок итальянского проса. Цветковые чешуи отсутствуют у всех зерновок. По всей видимости, они были удалены в древности при обмолоте. О размерах обнаруженных зерновок судить сложно из-за их фрагментированности и малочисленности. Учитывая размеры наиболее сохранных, можно предположить, что в среднем они могли иметь длину от 1,5 мм, ширину от 1,2 мм и толщину от 1,06 мм (табл. 3).

Примерно такие же размеры зафиксированы у подобных находок с археологических памятников Приморья периодов позднего неолита и палеометалла (табл. 4). Сравнение таких параметров, как индекс отношения длины к ширине и индекс отношения толщины к ширине у зерновок проса обыкновенного с поселения Ольга-10 и других памятников, выявило их некоторое сходство по первому параметру с зерновками проса обыкновенного I типа с поселения Реттиховка-Геологическая. Значение этого показателя (более 120 %) свидетельствует о вытянутых очертаниях данных зерновок, в то время как зерновки проса обыкновенного с других памятников, указанных в табл. 4, имеют индекс около 100 %, что соответствует почти округлому их очертанию².

² Значение индексов отношения толщины к ширине из табл. 4 не анализируется, так как у зерновок пшеничных растений значения толщины при карбонизации подвержены большим изменениям.

Таблица 2

Размеры зерновок проса итальянского из котлована жилища №2 поселения Ольга-10

№	Длина (L), мм	Ширина (B), мм	Толщина (T), мм	Соотношение длина/ширина, L/B×100, %	Соотношение толщина/ширина, T/B×100, %	Местонахождение пробы и ее списочный номер	Примечание
1	1,4	1,1	1,0	127	91	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. Ж/15, 16; № 9	Деформирована в боковой проекции
2	1,05	1,1	0,9	95,5	82	Пол жилища, черно-коричневая мешаная углистая супесь, хозяйственная яма № 2, кв. Ж, 3/14, 15; № 10	Деформирована в боковой проекции
3	1,2	1,4	1,1	86	79	Там же	Хорошая сохранность
4	1,6	Более 1,2	—	—	—	Там же	Фрагмент с цветковой чешуей
5	1,35	1,15	—	117	—	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15–18; № 16	Деформирована, особенно в боковой проекции
6	1,15	1,2	1,1	96	92	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. И/16; № 26	Деформирована в боковой проекции
7	—	1,0	0,8	—	80	Пол жилища, серо-коричневая супесь, яма № 40, кв. Г, Д/16; № 33	Деформирована
8	—	0,9	—	—	100	Там же	Деформирована, идентификация предварительная
9	1,15	1,0	0,8	115	80	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. Ж, 3/12, 13; № 29	Невыположена, идентификация предварительная
Среднее	1,26	1,12	0,95	112,5	85		Просчитано по четырем (№ 1–4) зерновкам

Таблица 3

Размеры зерновок проса обыкновенного из котлована жилища № 2 поселения Ольга-10

№	Длина (L), мм	Ширина (B), мм	Толщина (T), мм	Соотношение длина/ширина, L/B×100, %	Соотношение толщина/ширина, T/B×100, %	Местонахождение образца и его списочный номер	Примечание
1	1,5	1,2	1,0	125	83	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15-18; № 19	—
2	1,55	1,3	1,3	119	100	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15-18; № 22	Деформирована в боковой проекции
3	1,65	1,1	1,2	150	109	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15-18; № 28	Идентификация предварительная
4	1,65	1,3	0,9	127	69	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. 3, И/15-18; № 31	Зерновка хорошей сохранности
5	Более 1,4	1,4	Более 0,9	—	—	Пол жилища, серо-коричневая супесь, яма № 16, кв. Д, Е/13; № 32	Фрагментирована, с характерным рисунком поверхности
6	1,2	1,18	1,0	102	85	Пол жилища, черно-коричневая супесь, кв. Ж, 3/12, 13; № 34	Невызревшая зерновка хорошей сохранности
Среднее	1,59	1,23	1,1	129	89	—	Просчитано по четырем (№ 1–4) зерновкам

**Средние размерные показатели зерновок проса обыкновенного
с археологических памятников позднего неолита и эпохи бронзы Приморья**

Памятник	Период	Средние размеры зерновок — длина (L), ширина (B), толщина (T), мм	Индекс отношения длины к ширине, L/B×100, %	Индекс отношения толщины к ширине, L/B×100, %	Примечание
Ольга-10	Ранний палеометалл	1,59-1,23-1,1	129	89	—
Гвоздево-4	Поздний неолит	1,63-1,65-1,43	99	87	—
Новоселище-4	Поздний неолит	1,55-1,51-1,19	103	88	—
Реттиховка-Геологическая	Поздний неолит	1,66-1,35-1,0 1,54-1,48-1,11	123 104	77 75	Зерновки I типа Зерновки II типа
Новоселище-4	Ранний палеометалл	1,59-1,55-1,19 1,43-1,44-1,03	103 99	77 72	5 пласт отложений 3 пласт отложений
Анучино-14	Ранний палеометалл	1,66-1,67-1,32	99	79	—

Остатки дикорастущих пищевых растений представлены фрагментами плодов дуба, сосны, маньчжурского ореха и лещины. Всего в коллекции обнаружено 57 фрагментов, все они имеют мелкие размеры. Преобладают среди них фрагменты скорлупы ореха маньчжурского (*Juglance mandchurica*) и остатки желудей дуба (по-видимому, монгольского — *Quercus mongolica*). Меньше встречено фрагментов скорлупы ореха лещины (*Corylus* sp.). Скорлупа ореха сосны (*Pinus koraiensis*) представлена единичным экземпляром.

Семью семенами представлены *остатки растений* фоновой и/или сорной растительности. Среди них идентифицированы горцы, марь, подмаренник и горошек. Из 106 карпоидов, найденных на поселении, не удалось идентифицировать 21 семя.

В целом археоботаническая коллекция поселения Ольга-10 отличается низким содержанием карпоидов. В среднем на 1 л грунта приходилось менее одного семени (средний показатель — 0,22) (табл. 1). Это дополнительное свидетельство краткосрочности периода функционирования жилищ.

Самым важным результатом изучения этой коллекции безусловно стали находки остатков культурных растений. Всего найдено 15 зерновок двух видов культурного проса. Первоначально их интерпретация вызвала сомнения, так как малочисленность этих находок, казалось бы, не подтверждала существование у обитателей поселения Ольга-10 собственного земледелия. Однако количественные соотношения между семенами культурных, дикорастущих, фоновых и неидентифицированных растений хотя и свидетельствуют о преобладании остатков пищевых дикорастущих растений, но дают основания предполагать более значительную роль культурных растений. Процентные подсчеты содержания семян растений во флотационных пробах из заполнения жилища № 2 показали, что на долю зерновок обоих видов проса приходится 18 % от общего числа обнаруженных карпоидов при 50 % остатков пищевых дикорастущих растений (табл. 5). Заметим, что существование земледелия у носителей зайсановской культуры в позднем неолите Приморья доказано на основе археоботанических данных, среди которых находки семян культурного проса составляли от 2 до 4 % (поселение Кроуновка-1) [Сергушева, 2008б, с. 187].

Дополнительным аргументом в пользу существования земледелия у носителей маргаритовской культуры служат археоботанические данные жилища № 1 поселения Заря-3³, где во флотационных пробах, взятых рядом с очагом, среди единичных находок карпоидов зафиксированы четыре зерновки просяных растений [Cassidy, 2004, p. 401–404]. Одна из них идентифицирована как возможно принадлежащая культурному виду рода щетинник (*Setaria* sp.), очевидно просу итальянскому (*S. italica*). Она имеет уплощенное брюшко, крупную со сходящимися краями зародышевую впадину. Ее длина 1,4 мм, ширина 1,0 мм, толщина из-за неудовлетворительной сохранности не замерялась. Остальные зерновки имели худшую сохранность. Две из них отнесены к щетиннику или куриному просу (*Setaria* sp./*Echinochloa* sp.). Размеры одной из них 1,3–1,2–0,7 мм. Четвертая зерновка определена как напоминающая просо обыкновенное (cf. *Panicum miliaceum*). Она сильно деформирована и фрагментирована. От других зерновок ее

³ Видовые определения археоботанической коллекции памятника Заря-3 осуществлены Е.А. Сергушевой.

отличают более крупные размерные значения (длина около 1,8 мм, ширина 1,7 мм, толщина около 1,6 мм).

Таблица 5

Общее число находок карпидов и их соотношение в коллекции поселения Ольга-10

Группа растений	Жилище № 1	Жилище № 2		Всего	
	Количество, шт.	Количество, шт.	%	Количество, шт.	%
Культурные	—	15	18	15	14
Пищевые дикорастущие	15	42	50	57	54
Фоновые / рудеральные	1	6	7	7	6,5
Неидентифицированные	6	21	25	27	25,5
<i>Итого</i>	22	84	100	106	100

Дж. Кэссиди, анализирувавший материалы памятника Заря-3, считал, что эти зерновки являются остатками культурного проса и предлагал два возможных варианта их происхождения. Согласно первому, они могли оказаться у обитателей Зари-3 в результате взаимодействия с населением континентальных районов Приморья. Другой вариант не исключал возможность существования земледелия у населения маргаритовской культуры, но при этом исследователь подчеркивал отсутствие находок земледельческих орудий на маргаритовских памятниках [Cassidy, 2004, p. 385, 434].

Вопрос об истоках земледелия у носителей маргаритовской культуры представляется далеким от окончательного решения. Археоботанический материал поселения Ольга-10 позволяет пока лишь выявить степень его сходства/различия с аналогичными находками с других синхронных или хронологически близких памятников Приморья. Серия ¹⁴C-дат для памятников маргаритовской культуры (3600–3300 л.н.; табл. 6) показывает, что они функционировали в то время, когда в Юго-Западном Приморье на территории Приханкайской равнины и по ее обрамлению были распространены памятники приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры (3900–3300 л.н.). Археоботанические данные, полученные для ряда этих поселений, свидетельствуют о существовании у данного населения земледелия, основанного на выращивании проса обыкновенного и итальянского [Сергушева, 2008б].

Таблица 6

Радиоуглеродные даты маргаритовской культуры Приморья

Памятник	Радиоуглеродный возраст, лет назад	Индекс и номер даты	Материал	Примечание	Источник информации
Глазковка-2	3605±35	AA-37114	Уголь	Жилище	[Яншина, Ключев, 2005а, с. 183]
	3580±40	UCR-3773			
Заря-3	3570±60	Beta-133846	Уголь	Участок А, жилище № 1	[Cassidy et al., 2003, с. 301]
	3520±40	Beta-172570		Участок В, жилище № 5	
	3540±70	Beta-172573			
Преображение-1	3510±70	Beta-172568	Уголь	Жилище № 11	[Слепцов, 2005, с. 157]
Монастырка-3	3420±40	ГИН-10218	Уголь	Жилище	[Дьяков и др., 2003, с. 147]
	3340±40	ГИН-10219			
	3400±40	ГИН-10220			
Ольга-10	3300±45	СОАН-8365	Уголь	Жилище № 1	—
	3515±65	СОАН-8366		Жилище № 2	
	3370±55	СОАН-8367			

Поселения других локально-хронологических вариантов зайсановской культуры не демонстрируют такого «единства» в наборе культурных растений. Так, на Гвоздево-4 (4130±40 л.н.) из остатков культурных растений зафиксированы только семена проса обыкновенного [Крутых и др., 2010, с. 185–186, 189]. На поселении Зайсановка-1 (4010±44 л.н., 3972±31 л.н.) [Кroupovka 1..., 2004, p. 54] в заполнении котлована жилища обнаружены семена двух видов проса. Одно — итальянское, другое — не идентифицированное до вида растение рода куриное просо (*Echinochloa* Beauv.). Его семена имеют морфологические признаки, которые могут быть расценены как переходные от дикорастущего (*Echinochloa crusgalli*) к культурному (*E. utilis*) [Сергушева, 2008б, с. 188].

Сведения о находках культурных растений Приморья на более поздних памятниках эпохи бронзы малочисленны. Семена культурных растений найдены на двух многослойных поселениях в отложениях, датируемых периодом палеометалла,— Новоселище-4 (2980±50 л.н.) [Сергушева, Ключев, 2006, с. 119] и Анучино-14 (2640±55 л.н.) [Яншина, Ключев, 2005б, с. 207]. В обоих случаях эти остатки представлены только зерновками проса обыкновенного [Сергушева, 2008а, с. 20; Сергушева, Ключев, 2006].

Таким образом, археоботанические материалы свидетельствуют о сходстве набора культурных растений у носителей маргаритовской культуры и приханкайского варианта зайсановской культуры и о вероятном отсутствии такого сходства между маргаритовскими поселениями и поселениями последующих культур эпохи бронзы. Это может служить наряду с другими наблюдениями косвенным основанием для предположения о различном происхождении (и, возможно, ином векторе движения) маргаритовского населения и носителей культур раннего палеометалла, известных в континентальной части Приморья.

Собирательство дикорастущих растений обитателями поселения Ольга-10 реконструируется условно, так как количество обнаруженных остатков дикорастущих растений и их видовой набор невелики. Но показательно, что эти остатки составляют почти половину всех карпоидов из археоботанической коллекции памятника. Это можно расценивать как свидетельство широкой эксплуатации дикорастущей флоры. Но с другой стороны, нельзя забывать о тафономических аспектах формирования археоботанических источников. Карпоиды с плотной оболочкой (к которым относятся орехи) изначально лучше сохраняются в отложениях археологических памятников и преобладают среди остатков других объектов собирательства, что искажает существовавшие в древности реальные соотношения между ними. В то же время в коллекции поселения Ольга-10 присутствуют находки желудей дуба. Так как желуди плохо сохраняются в отложениях археологических памятников Приморья, данная находка может расцениваться как показатель относительно высокой насыщенности заполнения жилища этой категорией карпоидов и соответственно широким использованием этого вида пищевых дикорастущих ресурсов. Материалы памятника Заря-3 подтверждают этот вывод [Cassidy, 2004].

Обсуждение результатов

Комплекс археологических и археоботанических материалов поселения Ольга-10, в совокупности с данными других памятников Приморья, позволяет перейти к рассмотрению некоторых дискуссионных проблем. Наиболее актуальной из них является проблема стадияльного положения маргаритовских комплексов. Ряд авторов, основываясь на анализе материалов поселений Глазковка-2, Заря-3 и Преображение-1, считают, что признаки, характерные для гончарства и каменной индустрии этой культуры, соотносятся скорее с неолитом, чем с эпохой палеометалла. По их мнению, на неолитический возраст указывает хронология маргаритовских комплексов и отсутствие в них находок металлических изделий и их реплик [Ключев и др., 2010; Яншина, Ключев, 2005а, б; Cassidy et al., 2003]. Действительно, на маргаритовских поселениях не обнаружено прямых свидетельств знакомства их обитателей с металлообработкой или металлическими изделиями. Поэтому при решении проблемы стадияльного положения маргаритовской культуры приходится исходить из имеющегося материала и учитывать прежде всего особенности традиций изготовления каменных орудий и керамической посуды.

Своеобразие комплекса каменного инвентаря маргаритовских памятников заключается в наличии развитого набора ретушированных орудий при практически полном отсутствии шлифованных (техника шлифования применялась только для изготовления украшений и каменных «шашек»). Это, по мнению исследователей, сближает каменный инвентарь маргаритовской культуры с эпохой неолита [Андреева, Студзицкая, 1987, с. 355; Бродянский, 1987, с. 157] и является одним из аргументов для отнесения данной культуры к периоду финального неолита [Ключев и др., 2010, с. 97]. Однако при сравнении каменного инвентаря маргаритовских памятников с инвентарем памятников эпохи бронзы (Лидовка-1, Благодатное-3 и др.) [Дьяков, 1989; Сидоренко, 2007] отмечается практически полное совпадение основных типов ретушированных орудий. Шлифованные орудия, появившиеся в классических памятниках эпохи бронзы, не вытесняют ретушированные, а лишь дополняют их в тех сферах жизнедеятельности, где применение техники шлифования камня было целесообразнее (шлифованные наконечники стрел, крупные рубящие орудия для деревообработки, жатвенные ножи). В то же время в синхронных комплексах приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры на-

блюдается деградация техники отжимного ретуширования (она применяется для производства практически одной массовой категории орудий — наконечников стрел) и широкое использование именно шлифования камня [Крутых, Коломиец, 2010, с. 86–87]. Поэтому такой признак, как развитый набор ретушированных орудий, сам по себе не является маркером ни позднего, ни тем более финального неолита и в равной степени может характеризовать эпоху как неолита, так и палеометалла. На наш взгляд, длительное сохранение традиции ретуширования камня на памятниках эпохи палеометалла Юго-Восточного Приморья связано с наличием здесь месторождений качественного каменного сырья, пригодного для расщепления. Что касается находок шлифованных наконечников копий и кинжалов, имитирующих металлические оригиналы (реплики), то они встречаются на более поздних памятниках эпохи бронзы Приморья. Однако, являясь неутилитарными предметами, знаками социального престижа, реплики показывают лишь то, что у людей сформировалось устойчивое представление о внешней форме и цвете металлических оригиналов, их ценности, а не свидетельствуют о степени их знакомства с металлообработкой.

В связи с проблемой знакомства носителей маргаритовской культуры с металлообработкой авторы хотели бы остановиться на находках трех абразивов в жилищах поселения Ольга-10. Все они характеризуются небольшими размерами и мелкозернистой структурой. Отметим абразив из осланцованного известняка с характерным участком сработанности округлой формы (диаметром 4,5 см), на поверхности которого расположен желобок с ярко выраженными линейными следами (рис. 2, 15). Он имеет очень тонкозернистую структуру и малую твердость, поэтому применение его возможно только для обработки металла [Деревянко, 2013, с. 291]⁴. На более поздних памятниках эпохи палеометалла Приморья портативные абразивы пирамидальной формы с тонкозернистой структурой становятся обычной находкой.

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что комплекс каменного инвентаря маргаритовской культуры имеет больше черт, сближающих его с эпохой бронзы, чем с неолитом. Другими словами, в каменной индустрии маргаритовской культуры наблюдаются признаки, которые спустя несколько столетий практически полностью войдут в типологию памятников эпохи бронзы юго-восточного побережья Приморья (лидовской культуры).

Основные признаки керамического комплекса маргаритовской культуры некоторыми исследователями также оцениваются как неолитические [Яншина, 2004, с. 113; Яншина, Ключев, 2005а, с. 184]. Однако следует отметить, что степень сходства маргаритовской керамики с синхронными или хронологически близкими керамическими комплексами неолита и палеометалла Приморья прослеживается по отдельным признакам или общим тенденциям в развитии гончарства. Своеобразие изучаемой керамики состоит прежде всего в том, что различные технико-технологические, морфологические и орнаментальные признаки соответствуют традициям двух стадийных уровней развития гончарства — позднему неолиту и палеометаллу.

1. Признаки, характерные для гончарства позднего неолита: температурный и газовый режим обжига посуды; простейшие формы сосудов без четко выделенной горловины; наличие сосудов с угловым перегибом тулова в зоне экватора (рис. 2, 16–20); присутствие в комплексе «изящных» сосудов (рис. 2, 21), отличающихся от основной кухонной посуды лучшим качеством лощения, формой и орнаментацией.

2. Признаки, появившиеся в позднем неолите и закрепившиеся в эпоху бронзы: обмазка стенок дополнительным слоем глины с последующим лощением; окрашивание сосудов в малиновый цвет; оформление венчика сосудов треугольным налепным валиком с его последующей орнаментацией; наличие в ассортименте посуды мисок и чаш.

3. Признаки, характерные для керамических традиций эпохи бронзы: использование дробленого моллюска в качестве отошующей примеси в формовочных массах; конструирование сосудов из лент со специально уплощенными краями для крепления внахлест; применение выбивки при формовке изделий; локализация орнамента на венчике и гладкие стенки тулова.

«Изящные» сосуды маргаритовской культуры с зауженным устьем и орнаментом на плечах в виде расходящихся лучей, выполненных в технике отступания, находят аналоги в материалах поселения эпохи бронзы в Пади Харинской, хотя мотивы орнамента различны [Дьяков, 1989, табл. 47]. К уникальным чертам маргаритовского керамического комплекса, отличающим его от

⁴ Окончательный вывод о функциональной принадлежности этих находок возможен после проведения ряда анализов.

комплексов позднего неолита и эпохи бронзы, следует отнести орнамент из вертикально ориентированных оттисков штампа, нанесенных вдоль края сосуда на верхнюю грань венчика-карниза, а также ассортимент посуды, в котором отсутствуют вытянутые по вертикали формы и специализированные тарные емкости.

Совокупность перечисленных признаков позволяет сделать вывод о переходном характере маргаритовского гончарства, в котором сохраняются и развиваются некоторые поздненеолитические традиции и появляются новации, ставшие традиционными в последующее время в культурах эпохи бронзы.

Заключение

Таким образом, учитывая особенности изготовления каменных орудий и керамической посуды, маргаритовскую культуру в стадильном отношении логичнее отнести к началу эпохи палеометалла. На основе некоторых поздненеолитических традиций в этой культуре формируются признаки, которые вместе с другими новациями эпохи палеометалла станут характерными для классических культур эпохи бронзы (прежде всего лидовской культуры). Несмотря на выявленную преемственность от поздненеолитических традиций мы пока не можем однозначно определить комплексы, на основе которой могла возникнуть маргаритовская культура. В литературе проблема формирования культур эпохи палеометалла Приморья не нашла достаточного обоснования. Чаще всего маргаритовскую и лидовскую культуры связывают с зайсановскими памятниками Юго-Восточного Приморья (Рудная Пристань, Под липами, Сопка Большая, Евстафий-4) на основании сходства в оформлении венчика наlepным валиком [Дьяков, 1989, с. 220; Сидоренко, 2007, с. 117–118; Яншина, Ключев, 2005б, с. 204], что, на наш взгляд, явно недостаточно.

Находки остатков культурного проса в двух маргаритовских памятниках, по нашему мнению, позволяют сделать вывод о присутствии у маргаритовцев земледелия, основанного на выращивании двух видов культурного проса. Земледелие, вероятно, не являлось ведущим компонентом экономики маргаритовского населения. На это указывают прямые и косвенные признаки: преобладание среди обнаруженных карпоидов поселения Ольга-10 остатков пищевых дикорастущих растений, состав каменного инвентаря маргаритовских комплексов (доминирование среди морфологически выраженных изделий орудий охоты и обработки добычи), топография памятников, приуроченных к морскому побережью или устьям рек, что свидетельствует о большом значении эксплуатации водных (морских, речных) биоресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреева Ж.В. Древнее Приморье: (Железный век). М.: Наука, 1970. 145 с.
- Андреева Ж.В., Студзицкая С.В. Бронзовый век Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 351–363.
- Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л., Шаповалов Е.Ю. Пхусунский комплекс памятника Ольга-10 в Восточном Приморье: Проблемы выделения и культурно-хронологической интерпретации // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 230–243.
- Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. 276 с.
- Валентин-перешеек — поселок древних рудокопов / Ж.В. Андреева, А.В. Гарковик, И.С. Жущиховская, Н.А. Кононенко. М.: Наука, 1987. 248 с.
- Деревянко Е.И. К проблеме бронзового века на Дальнем Востоке // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию акад. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 287–297.
- Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1989. 296 с.
- Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1992. 140 с.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. Комплекс эпохи палеометалла памятника Монастырка-3 // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: (Материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 141–147.
- Ключев Н.А., Гарковик А.В., Яншина О.В., Слепцов И.Ю. Финальный неолит Приморья: К итогам разработки некоторых проблем // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальными и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 88–97.
- Ключев Н.А., Яншина О.В. Новые материалы по эпохе палеометалла Приморья. Поселение Глазковка-2 // Вопр. археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1997. С. 18–30.

С.В. Батаршев, Е.А. Сергушева, О.Л. Морева, Н.А. Дорофеева, Е.Б. Крутых

Крутых Е.Б., Коломиец С.А. Финальный неолит Приморья: Состояние изученности, концепции, перспективы исследований // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 79–93.

Крутых Е.Б., Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Сергушева Е.А. Проблемы интерпретации неолитического комплекса памятника Гвоздево-4 (Южное Приморье) // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток: Рея, 2010. С. 176–190.

Сергушева Е.А. Семена и плоды с поздненеолитического поселения Реттиховка-Геологическая: (Предварительные результаты) // Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia 2. Univ. of Kumamoto, 2006. P. 1–11.

Сергушева Е.А. Использование растительных ресурсов населением Приморья в эпоху неолита — раннего металла (По археоботаническим данным поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008а. 30 с.

Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: Археоботанические исследования // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2008б. Вып. 6. С. 180–195.

Сергушева Е.А., Ключев Н.А. К вопросу о существовании земледелия у неолитических обитателей поселения Новоселище-4 (Приморский край) // Пятые Гродековские чтения: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2006. Ч. I. С. 119–127.

Сидоренко Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука, 2007. 271 с.

Слепцов И.Ю. Жилища маргаритовской культуры: (По материалам полевых исследований поселения Преображение-1) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. Ч. I. С. 154–158.

Яншина О.В. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 212 с.

Яншина О.В., Ключев Н.А. Маргаритовская археологическая культура Приморья и ее место в археологической периодизации // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005а. Ч. I. С. 181–185.

Яншина О.В., Ключев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: Критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005б. С. 187–233.

Cassidy J.D. The Margarita Culture of Coastal Primorye: An Examination of Culture Change During the Middle Holocene on the Northern Sea of Japan: Dissertation for the degree of PhD in Anthropology. Santa Barbara: Univ. of California, 2004. 479 p.

Cassidy J., Kononenko N., Sleptsov I., Ponkratova I. On the Margarita archaeological culture: Bronze Age or Final Neolithic? // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 300–302.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of excavation in 2002 and 2003. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto, 2004. 58 p.

**Владивосток, Дальневосточный федеральный университет
batar1980@mail.ru
krutykh_e@mail.ru
**ИИАЭ ДВО РАН
lenaserg@front.ru
morevaol@gmail.com
dnaal@list.ru*

The article considers topical problems of studying the Margaritovka archaeological culture in Primorye. Basing on the investigations of materials from the settlement of Olga-10, subject to development being technical-morphological and typological criteria of the Margaritovka culture. The authors substantiate a chronological and stadial position of the Margaritovka complexes, drawing a conclusion on their belonging to a period of early paleometal. A strong emphasis is made on studying seeds of cultivated plants from the settlement of Olga-10, and a role of agriculture in the sustainment of the bearers of the Margaritovka culture.

Early paleometal, the Margaritovka culture, typology, chronology, periodization, agriculture, Primorye, Far East.

УСТРОЙСТВО ВХОДА-ВЫХОДА В ЖИЛЫХ ПОСТРОЙКАХ КУЛЬЁГАНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА КАК ЭЛЕМЕНТ ДОМОСТРОИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Е.А. Юдина

На примере памятников кульёганского культурного типа рассмотрены возможности использования планиграфического анализа распределения фрагментов керамики как дополнительного источника информации для реконструкции элементов жилой планировки. Намечены пути поиска локальных вариаций в рамках предполагаемого культурного стереотипа.

Кульёганский культурный тип, эпоха бронзы, планиграфический анализ, домостроительная традиция, жилище, внутренняя планировка, устройство входа-выхода, локальные культурные различия.

Впервые гребенчато-ямочная керамика, отнесенная впоследствии к кульёганскому типу, была обнаружена на Барсовой Горе разведкой УАЭ в 1968 г. Термин для ее обозначения был предложен позже, в 1995 г., В.И. Стефановым и В.А. Борзуновым после открытия подобных древностей на реках Быстрый Кульёган и Моховая [Стефанов, 2002, с. 109; Чемякин, 2008, с. 43–44].

К кульёганскому культурному типу исследователи относят древности раннего этапа бронзового века (первая половина — середина II тыс. до н.э.) на территории Сургутского Приобья, реже — более удаленных территорий. Известны крупные и малые поселения, одиночные дома, в том числе укрепленные. Среди устойчивых характеристик объектов указываются каркасно-столбовая конструкция построек, неглубокий прямоугольный котлован, устройство выходов (в виде дверных проемов в одной из стен или выступающих наружу крытых тамбуров) и очагов (открытые кострища, нередко на песчаных возвышениях). Главным диагностическим критерием отнесения памятника к кульёганскому типу служит керамическая посуда. Это толстостенные сосуды, изготовленные из рыхлого шамотного теста, плоскодонные, удлинённых баночных форм, с плоским венчиком, орнаментированные по всей поверхности, включая срез венчика и дно. В орнаментации преобладают оттиски гребенчатого штампа, ямочные наколы, некоторые сосуды украшены желобками. В верхней части сосудов нередко присутствуют зигзаговые узоры, выполненные в различной технике [Стефанов, 2002, с. 110; Чемякин, 2008, с. 44–45].

В настоящее время к кульёганскому типу отнесено более трех десятков памятников. В то же время статус выделенного культурного образования остается спорным. Длительный процесс стихийного формирования понятия и отбор подразумеваемого под ним содержания, от изучения коллекций с ограниченной территории (урочище Барсова Гора) до распространения на удаленные памятники, привел к некоторому размыванию лежащих в основе выделения типа критериев. Предложив общую характеристику кульёганских древностей, коллектив исследователей отметил, что за этим понятием может скрываться нечто большее, чем просто тип памятников или керамики [Стефанов, 2002, с. 109–111].

Данная статья не предполагает собственно рассмотрения обозначенной ситуации. Тем не менее приведенные далее планиграфические наблюдения не только позволяют получить информацию об объектах. Они представляются особенно актуальными именно в связи с указанной проблемой некоторой «культурной неопределенности» (хотя предложенный метод может быть полезен и при анализе менее «проблемного» материала). По этой причине кратко остановимся на некоторых общих моментах методико-методологического характера, от которых будем отталкиваться.

О каком бы культурном образовании ни шла речь, его проявления, в том числе в материальной сфере, не могут быть механически сведены к одному «диагностическому» признаку. Оно неизбежно порождает множество характерных маркеров, которые могут сменять либо дополнять друг друга в зависимости от конкретного исторического контекста, восстановить который

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

не всегда удается даже при наличии письменных свидетельств. Отдельно взятая категория источников может отражать линию «субкультурную», что прекрасно показано в том числе на археологических материалах [Lang, 2005], длительное время сохраняются в качестве своеобразного реликта. Отсюда — необходимость работы с максимальным количеством данных, которые, как сетка с различной ячейкой, помогают «улавливать» культурные изменения, нашедшие отражение на разных уровнях и в разной форме. Такая работа помогает вычленивать элементарные составляющие искомого «культурных границ» — говорим ли мы о поиске локальных вариаций в рамках типа или разделении ошибочно объединенных самостоятельных традиций.

Это положения очевидные, хотя на археологических материалах их не часто удается наглядно проиллюстрировать в силу плохой сохранности источников, иногда ограничивающих возможности исследования одной-двумя категориями находок. Возвращаясь к памятникам кульгганского культурного типа, нужно отметить, что связанные с ними коллекции артефактов редко отличаются представительностью. Сами исследуемые объекты (постройки различного назначения) не всегда позволяют провести полноценную реконструкцию, выходящую за пределы констатации общих показателей, в которых сложно выявить некую культурную специфику. Тем не менее мы постараемся подойти к поиску альтернативных источников «культурно значимой» информации именно с этой стороны.

В этнографии жилище рассматривается как одна из ярких составляющих традиционной культуры, а его планировка — как устойчивый и «чуткий» элемент, нередко упоминаемый среди «этнодифференцирующих». Поскольку значительная часть интерьера и конструктивных особенностей построек в процессе археологизации разрушается, зачастую не оставляя достаточных следов для реконструкции, восстановление обобщенных планировочных схем жилых помещений приходится проводить по косвенным данным, и среди прочих — по планиграфии фрагментов керамики, являющейся основной частью комплекса находок интересующих нас памятников.

Планиграфический анализ подразумевает изучение взаиморасположения объектов либо их фрагментов, представляющих собой некое логическое единство (например, относящихся к одному горизонту, одной постройке, памятнику и т.д.). Метод в равной степени применяется при анализе распределения и каменных артефактов, и других категорий находок, в том числе керамических изделий [Глушков, 2011; Жульников, 2003, с. 70–74; Рыжкова, 1993; Усачева, 2005; и др.]. Материал, из которого изготовлен тот или иной предмет, определяет как его использование, так и наиболее характерные «метаморфозы» после его выхода из актуальной культуры. Для керамики специфической оказывается корреляция между размерными показателями фрагмента, местом (относительно элементов конструкции и зон повышенной либо пониженной активности обитателей) и глубиной (относительно уровня земляного пола либо уровня обитаемой дневной поверхности) залегания².

В качестве источников было выбрано три памятника, отнесенных исследователями к кульгганскому культурному типу: селище Барсова Гора II/19 (объект 1), поселение Чернореченское I (объекты 1 и 15) и селище Савкинская Речка I. Состояние всех трех памятников к моменту начала раскопок оценивалось как аварийное, что известным образом сказалось на характере полученного материала. Мы сосредоточили внимание на одном из относительно устойчивых для кульгганских объектов элементов: особым образом организованных выходах. С одной стороны, достаточно сложная, повторяющаяся на ряде памятников конструктивная деталь сама по себе привлекает внимание и начинает восприниматься как отличительная черта построек культурной традиции; с другой — она реконструируется не на всех объектах, что автоматически намечает некую внутреннюю дифференциацию.

Селище Барсова Гора II/19, жилище 1

Селище находится в одноименном урочище, в 14–15 км к северо-западу от г. Сургута. В 2008 г. на памятнике был заложен раскоп площадью 88 м² (раскопки Е.Н. Дубовцевой) [Дубовцева и др., 2010]. Культурный слой на всей площади раскопа был сильно поврежден. В ходе работ исследована центральная часть жилища 1 кульгганского типа эпохи бронзы: в пределы раскопа не вошли северо-западный и юго-восточный углы постройки. Котлован объекта имел правильную прямоугольную форму и был ориентирован длинными сторонами по оси север — юг. Его размеры составляли 6,2×5,3 м. Высота стенок варьировалась от 40–45 см в северной

² В связи с характером и степенью сохранности источников мы будем работать прежде всего с первыми двумя характеристиками.

Устройство входа-выхода в жилых постройках кульёганского культурного типа...

части постройки до 30–35 см в южной части (из-за общего наклона древней поверхности). Очаг размерами 1,2×1,2 м находился в центре жилища. Определение места расположения выхода по данным полевых исследований оказалось затруднено.

В качестве объекта планиграфического анализа использовалась выборка находок по дну жилища и реконструируемой древней дневной поверхности. Визуально в постройке выделяется одно крупное скопление находок, занимавшее центр западной половины котлована (рис., 1).

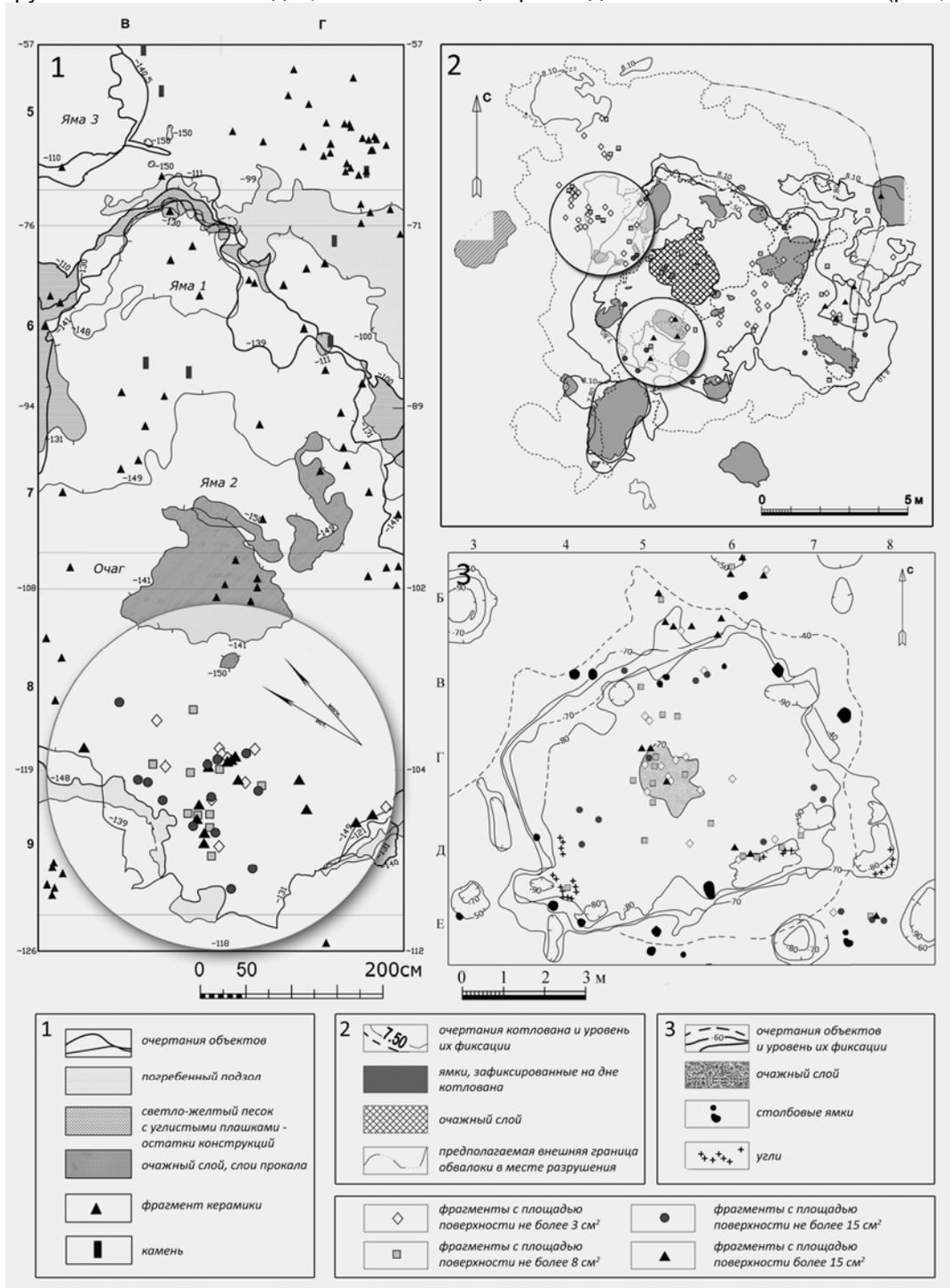

Рис. Распределение фрагментов керамики различных размерных групп по площади жилых построек: 1 — селище Барсова Гора II/19, жилище 1; 2 — селище Савкинская Речка 1; 3 — поселение Чернореченское I, жилище 1.

Рассмотрение составляющего скопление материала по отдельным размерным группам фрагментов позволяет несколько конкретизировать его структуру³. Первая группа включает фрагменты, с площадью поверхности не более 3 см², которые маркируют зоны повышенной активности. Эти фрагменты относительно равномерно распределены вдоль западной стенки за исключением юго-западного угла (здесь, у самой стенки, залегает единственный осколок). Следующая группа включает фрагменты площадью не более 8 см² — это своеобразный размерный максимум для активно эксплуатируемых зон (прежде всего — активного передвижения обитателей). Зона залегания этих фрагментов отчасти повторяет локализацию находок предыдущей группы, вписывается в нее, занимая ее южную часть. Площадь фрагментов, входящих в следующую, третью группу, не превышает 15 см². Для фрагментов этой группы можно предположить незначительное (возможно, непродолжительное) механическое воздействие. Зона их залегания несколько смещается к югу. При этом читавшаяся ранее достаточно четко южная граница скопления «размывается». Фрагменты последней, четвертой группы, предположительно не испытывавшие сколько-нибудь серьезного физического воздействия, «очерчивают» юго-западный сектор постройки, образуя две полосы, расположенные почти под прямым углом друг к другу.

Формально выделяется три варианта «связей» по фрагментам: между осколками, залегавшими за пределами постройки; осколками, залегавшими как внутри, так и за пределами постройки; «связи», локализованные в пределах жилища. Для нас наибольший интерес представляет третий вариант: почти все они ограничены западной половиной жилища. Кроме того, именно здесь сконцентрирована наибольшая часть «связей» по подклеивающимся фрагментам. Стоит отметить: скопление в юго-западном секторе, его «границы», пространство вокруг очага и вдоль стенок котлована маркированы фрагментами разных сосудов, т.е. указанные выше закономерности характеризуют не ситуацию поломки конкретного изделия, а более продолжительные процессы, протекавшие в помещении постоянно либо периодически.

Попытаемся объяснить такое пространственное распределение материала. Очевидно, мы наблюдаем естественную для приочажной зоны картину: примыкающие к очагу участки равномерно покрыты мелким керамическим крошевом, которое образовалось здесь в результате постоянных активных действий и перемещений. Непосредственно к западу от очага картина примерно такая же. По мере приближения к юго-западному сектору количество чуть более крупных фрагментов (до 8 см²) увеличивается, однако фрагменты и первой, и второй групп, т.е. демонстрирующие достаточно высокую степень механического воздействия, весьма четко очерчивают некий разрыв в юго-западном углу. Вероятно, граница распределения фрагментов этих групп совпадает с границей некой зоны покоя, в которой сохранились самые крупные фрагменты (очевидно, что-то защищало их сверху). Ее расплывчатость, а также наличие связей между двумя фрагментами, залегавшими на разных сторонах-«гранях» разрыва в скоплении, говорят о том, что на уровне пола преграда не была непроницаемой. О том же косвенно свидетельствует наличие в юго-западном секторе фрагментов третьей размерной группы: очевидно, как и несколько более мелкие, они могли отлететь сюда в результате непродолжительного воздействия.

В соответствии со всем вышеописанным можно предположить наличие в юго-западном секторе невысокого помоста — ступеньки. Видимо, помост был стационарным, по крайней мере, его расположение в жилище было постоянным либо изменялось не часто. Вероятно, именно с ним связана некоторая неровность западной стенки котлована: помост мог несколько выдаваться в этом направлении. Его присутствие объясняет и хорошую сохранность фрагментов на этом участке (концентрация здесь «связей» между подклеивающимися фрагментами). Интересно также, что скопления на других участках мешали обитателям значительно больше и почти все образуют «связи» второго типа, в которых, очевидно, нашел отражение процесс целенаправленного удаления фрагментов за пределы жилища.

Реконструированное оформление юго-западного угла постройки можно рассматривать в качестве одного из возможных устройств входа-выхода. В таком случае мы можем предполагать существование в жилище 1 неуглубленного выхода, смещенного к углу котлована, с дополнительным элементом в виде деревянной ступеньки.

³ Основанием для группировки послужили экспериментальные данные по процессам археологизации керамики в различных условиях [Глушков, 1996, с. 87–91; Юдина, 2009, 2011]. Было выделено четыре размерных группы: до 3; до 8; от 8 до 15; свыше 15 см².

Поселение Чернореченское I, жилища 1 и 15

Поселение находится в административной черте г. Сургута, на правом берегу р. Черной — притока Оби. Памятник расположен в непосредственной близости от садоводческого товарищества «Газовик-2», что неблагоприятно отразилось на его сохранности: часть объектов поселения погибла под садовыми участками [Косинская, 1998, с. 87–94]. Двумя раскопами площадью 164 и 152 м² в 1993–1994 гг. были исследованы жилищные впадины 1 и 15 (раскопки Л.Л. Косинской).

Котлован жилища 1 (глубиной 0,5–0,6 м) имел форму прямоугольника размером 7,5×5-6 м, длинной осью ориентированного с юго-запада на северо-восток. Очаг — открытое кострище располагался посреди углубленной части постройки. Выходы располагались в западной и северной стенках, ближе к юго-западному и северо-восточному углам котлована. Западный вход, обращенный к реке, представлял собой короткую прямоугольную канавку, отделенную от котлована углистой полосой — остатками деревянного порога. Вторым выходом — неуглубленный прослеживался в виде «языка» культурного слоя на уровне древней поверхности и был обращен на север [Косинская, 1998, с. 91].

Прямоугольный котлован жилища 15 имел размеры 6,5×4,5–5,4 м, глубину 0,35–0,4 м и был ориентирован длинными сторонами по оси север — юг. Расположение и устройство выходов реконструируется аналогично объекту 1: западный в виде короткой канавки и северный неуглубленный, смещенные к углам котлована. У стенки котлована перед северным выходом зафиксирована невысокая земляная ступенька, заканчивающаяся следами деревянного порога. Автором раскопок высказано предположение о возможной сезонной специализации двух выходов, поскольку рядом с северными неуглубленными выходами обоих жилищ, в отличие от западных углубленных, на древней дневной поверхности залегала керамика [Косинская, 1998, с. 93–95].

Отдельно отметим, что коллекция памятника была обработана достаточно давно. Поэтому все «связи» по ремонту уже были восстановлены, фрагменты подклеены, что во многих случаях затруднило корректное измерение площади отдельных черепков.

В качестве объекта планиграфического анализа использовалась выборка по дну жилища и реконструируемой древней дневной поверхности. В нее вошла почти вся керамика, связанная с объектом 1. В заполнении котлована зафиксировано менее 10 фрагментов. Один фрагмент залегал несколько выше уровня дна в районе реконструируемого «порога» углубленного западного выхода (на данном участке это была единственная находка керамики).

Выборку по дну визуально можно разделить на три скопления: вокруг очага, перед юго-восточной нишей, у северного выхода (рис., 3). В очаге залегала керамическая крошка (площадь фрагментов менее 3 см²), что объясняется его постоянным активным использованием. Несколько чуть более крупных фрагментов приурочены к ямкам, расположенным по краям очага с севера и юга (возможно, это основание стоек надочажного устройства). Вокруг очага пространство практически свободно от находок, на расстоянии около 1 м от него фиксировалось «кольцо» мелких (площадью не более 8 см²) черепков плохой сохранности. Таким образом, мы наблюдаем типичную картину естественного распределения материала в приочажной зоне жилого помещения [Юдина, 2009, с. 62]. «Кольцо» разрывается только к северо-западу от очага (в направлении предполагаемого места отдыха), что можно трактовать как свидетельство, во-первых, более редких перемещений от костра в указанном направлении, а во-вторых, наличия на этом участке некой преграды для перенесения бытового мусора. Последнее предположение подкрепляется близостью материкового останца, который, вероятно, служил для разделения помещения на две части [Косинская, 1998, с. 91].

Второе скопление — полоса находок, протянувшаяся на расстоянии около 0,5 м перед стенкой котлована в районе юго-восточной ниши. Оно включало разные по размеру фрагменты (в том числе с площадью поверхности более 15 см²) различной степени сохранности. Можно предполагать, что оно формировалось постепенно и факторы его образования действовали одинаково на разные размерные группы осколков. Такие условия могли сложиться при наличии в данном углу стационарной перегородки на уровне пола, изолирующей пространство вдоль стенки котлована (деревянные нары, отгороженное место для хранения чего-либо и т.д.). Логично предположить, что в организованный таким образом угол помещения была включена и юго-восточная ниша.

Отдельно стоит упомянуть наличие фрагментов от тех же сосудов, что залегают в самом скоплении, уже за пределами постройки, на расстоянии более 1 м от его юго-восточного угла. Поскольку находок вокруг жилища немного и они в основном локализируются в районе северного выхода, указанные осколки сразу обращают на себя внимание. Тем более что среди них численно преобладают крупные фрагменты, которые вряд ли были перемещены сюда случайно, в результате многократного ненаправленного механического воздействия. Скорее всего, они маркируют край неуглубленной части постройки либо лежат за ее пределами, отмечая в таком случае еще один участок, где существовал если не выход, то нечто наподобие дымового/светового окна либо иной способ сообщения с пространством за пределами жилища.

Третье крупное скопление находок локализовано у северного выхода и охватывает как участок внутри котлована, так и пространство за его пределами — на уровне древней дневной поверхности. В котловане оно представляет собой такую же узкую полосу находок на расстоянии около 0,5 м от стенки. Точно указать размер залегающих здесь черепков невозможно в связи со сложностью, возникшей при замере склеенных фрагментов. На расстоянии около 40–50 см от полосы есть еще одно маленькое скопление. Судя по глубинам залежавших здесь находок и их небольшим размерам, его возникновение связано с локальным понижением (утоптанность перед выходом?).

На уровне дневной поверхности залегают крупные фрагменты, что говорит, скорее, об их целенаправленном перемещении на этот участок (случайным образом попасть сюда фрагменты из котлована не могли, по крайней мере в таком количестве). Можно предположить, что их переносили в процессе очистки жилища к краю постройки, оставляя на незначительном удалении от выхода (вероятно, подразумевая их вторичное использование).

«Связи» по фрагментам сосудов маркируют в основном два направления перемещения материала: от очага к северному выходу либо от очага в сторону юго-восточной ниши. Первое направление, очевидно, соответствует наиболее частым перемещениям в жилище (от хозяйственной зоны к выходу), в том числе вектору целенаправленного выноса бытового мусора. Второе направление предположительно маркирует сходные процессы, однако не столь частые и интенсивные. Если основная хозяйственная деятельность протекала между очагом и северным выходом, то второе направление становится менее актуальным и находит слабое отражение в выбранном материале уже в силу меньшей вероятности поломки здесь глиняной посуды.

Подведем итог. Несмотря на принципиальную возможность перемещения керамики к западному выходу (один фрагмент туда все же попал), этот участок остается пустым от находок. По этой причине выбранный метод анализа не дает никаких дополнительных данных для его реконструкции. В рассмотренном случае, однако, это также значимый результат. Поскольку материалы полевых исследований позволяют вполне однозначно реконструировать на этом участке выход, его отсутствие в планировочной схеме, восстанавливаемой по распределению керамических фрагментов, означает, что он использовался тогда, когда наиболее активная хозяйственная деятельность перемещалась из жилища в другое место. Например, на площадку перед постройкой, что возможно в теплое время года. Это возвращает нас к предположению о сезонной специализации выходов, которая, таким образом, получает дополнительное обоснование и несколько конкретизируется.

Северный выход соответственно становится автоматически «осенне-зимним», что логично увязывается с его местом в планировочной схеме помещения: он более удален от зоны отдыха, да еще и отгорожен от нее очагом (а возможно, и перегородкой, приуроченной к материковым останцам). Характер залегания находок внутри котлована позволяет предполагать использование (так же как и перед западным выходом) дополнительных деревянных конструкций — ступеньки (ступенек?), пандуса или помоста, выступавшего примерно на 0,5 м от края котлована. Вероятно, в данном случае (в отличие от устройства выхода в жилище 1 селища Барсова Гора II/19) конструкция плотно стояла на дне котлована, не оставляя зазора для попадания под нее осколков керамики, т.е. конструктивно была решена по-другому. Что характерно, аналогичная ситуация фиксируется и в юго-восточном углу котлована. Возможно, функционально она объясняется несколько иначе, но формально можно предполагать ее сходное конструктивное решение (т.е. речь может идти о некоем стандарте).

Материал *объекта 15* оказался менее благодарным: связанная с ним коллекция численно невелика, а замеры большинства осколков были затруднены из-за того, что реконструкция сосудов уже была произведена.

Устройство входа-выхода в жилых постройках кульёганского культурного типа...

В выборку по дну и уровню погребенной дневной поверхности вошла вся коллекция керамики, соотносимая с объектом. Большого разброса фрагментов нет: осколки, как крупные, так и мелкие, лежали на незначительном расстоянии друг от друга (почти все подклеиваются) и от стен котлована. Условно выделяется два аморфных скопления: у северо-западного и юго-восточного угла помещения. Связей с фрагментами за пределами постройки нет, в центре котлована керамики тоже практически нет. Иными словами, планиграфия фрагментов керамики не дает оснований реконструировать интенсивную, постоянную и направленную деятельность в постройке: осколки почти не расталкивались и не дробились, за пределы котлована не перемещались (ни случайно, ни специально). Все эти факты наводят на мысль о специализированном характере постройки (возможно, даже не жилым). В любом случае, новой информации по устройству и использованию выходов из объекта планиграфический анализ не дает.

Селище Савкинская Речка I

Селище находится в Нижневартовском районе ХМАО — Югры, в 5,3 км к юго-востоку от п.г.т. Излучинск, на левом берегу р. Вах — правого притока Оби. Состояние памятника к началу раскопок оценивалось как аварийное: в процессе прокладки трассы трубопровода была уничтожена восточная часть селища. Раскопом общей площадью 408 м² был вскрыт единственный уцелевший объект, частично перекрытый переотложенным грунтом (раскопки С.А. Мызникова). Это объясняет нарушения культурного слоя памятника, а также специфику полученной коллекции: часть артефактов соотносится с объектом, часть — с перекрывающим его песком, перемещенным в том числе с разрушенной части селища [Мызников и др., 2012, с. 60].

В процессе раскопок исследованы остатки углубленной каркасно-столбовой жилой постройки. Размеры прямоугольного котлована (глубиной до 1 м) составили 6,7×6,5 м. Основание стен, вероятно, было удалено от краев котлована на расстояние 1,5–2 м, общие предполагаемые размеры постройки составляли около 9,5×12 м. В центре котлована находился напольный очаг, вход в виде тамбура — с юго-западной стороны. По мнению исследователей, возможно несколько вариантов интерпретации восточной части объекта: неуглубленная часть жилища, пристройка либо переход, если жилище было двухкамерным и его восточная половина не сохранилась [Мызников и др., 2012, с. 61].

В связи со спецификой коллекции в выборку попали не все фрагменты: значительное их количество найдено в переотложенном грунте — керамическое крошево и достаточно крупные фрагменты, видимо, изъятые целыми скоплениями и перемещенные на незначительное расстояние.

Самое крупное скопление керамики залегало на уровне древней дневной поверхности, к западу от края котлована (рис., 2). Состояло оно в основном из очень мелких фрагментов (площадь большинства не превышает 3 см²). При этом глубина их залегания заметно варьируется: общий разброс по вертикали достигает 30–35 см. На расстоянии 1,3–1,4 м к северу от этого скопления находилось еще одно, аналогичное по составу, но гораздо меньших размеров. И первое, и второе скопления пространственно совпадают с «языком» культурного слоя, отходящим от котлована в западном направлении.

У той же западной стенки, но уже на уровне дна котлована фиксировалось еще одно небольшое скопление: неширокая полоса находок, включавшая осколки разных размеров (в том числе весьма крупные, до 15 см²). Она шла под углом к стене котлована, начинаясь на расстоянии около 0,7 м и заканчиваясь почти вплотную к ней, совпадая с полукругом столбовых ямок.

Данная планиграфическая ситуация находит ряд аналогий с описанной для привходового участка жилища 1 селища Барсова Гора II/19, а также северного выхода объекта 1 поселения Чернореченское I. Принципиальным отличием, на наш взгляд, являются размерные показатели находок, формирующих основное скопление. С одной стороны, ввиду столь малых размеров маловероятно сознательное перемещение сюда этих осколков как бытового мусора. С другой — значительный перепад высот между дном котлована и уровнем неуглубленной части постройки исключает вариант случайного перемещения сюда такого количества черепков.

Первое возможное объяснение описанной ситуации: мы наблюдаем знакомую по другим памятникам картину удаления крупных обломков с пола жилища к выходу. На самом краю котлована действительно встречена пара более крупных фрагментов сосудов, остальные части которых залегают на дне постройки. Такие «связи» немногочисленны: большая часть фрагментов настолько малы, что их сложно отнести к конкретной емкости. Последующее измельчение

материала может объясняться сменой функции участка. Например: выход перестает функционировать, и участок перед ним, без предварительного выноса материала, перекрывается чем-то жестким.

Второе возможное объяснение — измельчение материала уже в процессе археологизации или еще позже, в период частичного разрушения памятника. Последнее предположение связано с тем, что выше основного скопления встречались фрагменты, относящиеся к переотложенным сосудам (хотя в процессе раскопок следов нарушений на этом участке зафиксировано не было).

Наконец, третий вариант: фрагменты были перемещены сюда уже измельченные и, вероятно, не со дна котлована. Это предположение связано с тем, что основную часть скопления образуют фрагменты сосудов, от которых нет материала в самом котловане (за единичными исключениями, когда обломки того же сосуда лежат сразу под западной стенкой). Напомним также, что глубина залегания фрагментов здесь сильно варьируется. Перемещение могло произойти как во время функционирования постройки, так и после, в процессе нарушения культурного слоя. В первом случае это могла быть песчаная подсыпка внутрь постройки или снаружи, на ее основание. При этом попавший сюда вместе с песком материал мог как относиться к периоду функционирования того же жилища, так и иметь иное происхождение. Как мы помним, селище предположительно состояло не из одного объекта; вполне возможно, что время функционирования некоторых из них сильно различалось, так что песок мог быть взят с участка, использовавшегося ранее⁴.

Других крупных скоплений в постройке не было. В очаге керамика почти отсутствовала (за исключением единичных мелких фрагментов, приуроченных либо к краю кострища, либо к зафиксированной в нем ямке, очевидно, от стойки надочажного устройства). На расстоянии около 1 м вокруг очага читалось «кольцо» разрозненных керамических осколков, маркирующих зону активной хозяйственной деятельности.

Самые крупные фрагменты залегали рядом с южным выходом: по краям материкового останца-ступени, расположенной перед ним ямы, а также на самом останце. Последний момент свидетельствует, что песчаный останец должен был иметь жесткое перекрытие (как вариант — деревянное), обеспечившее сохранность попавших сюда осколков.

Выводы

В жилище 1 селища Барсова Гора II/19 место расположения выхода изначально определить не удалось. Результаты планиграфического анализа фрагментов керамики позволили предполагать, что он располагался в южной стенке постройки (ближе к юго-западному углу). Судя по всему, он был неуглубленным и имел дополнительное оформление в виде стационарной ступеньки (ступенек/пандуса/уступа) размерами примерно 0,5х0,4 м. Поскольку иных следов существования элемента не осталось, можно допустить, что он был изготовлен из какого-то органического материала, например древесины. Точнее реконструировать его устройство по имеющимся данным не удастся. Можно только констатировать, что он не представлял собой глухую непроницаемую преграду на уровне самого дна, поскольку под него периодически попадали фрагменты керамики.

В жилищах 1 и 15 поселения Чернореченское I по материалам раскопок сразу было реконструировано два выхода, смещенных к углам постройки (в обоих случаях — углубленный с западной стороны и наземный с северной), в оформлении которых фиксировался как минимум деревянный порог (а в жилище 15 еще материковый уступ-ступенька). Планиграфический анализ подтвердил сезонную специализацию выходов в жилище 1, а также позволил предполагать наличие деревянной конструкции шириной около 0,5 м перед его неуглубленным северным выходом. Здесь же было зафиксировано планомерное удаление крупных фрагментов керамики с пола котлована на привходовой неуглубленный участок.

Общая планировочная схема постройки с селища Савкинская Речка I остается пока не совсем ясной (особенно если принять предположение о двухкамерности постройки). На данный момент можно говорить о наличии двух выходов. Первый, южный — углубленный, имел довольно сложное оформление привходовой зоны (материковый останец, перекрытый деревян-

⁴ Отчасти это коррелируется с характеристикой некоторых «проблемных» сосудов в коллекции [Мызников и др., 2012, с. 66–67].

Устройство входа-выхода в жилых постройках кульёганского культурного типа...

ным настилом, перед которым зафиксирована глубокая яма — углубление для установки опоры?). Второй выход, обращенный на запад, был наземный. В пределах котлована фрагменты керамики очерчивали перед ним некую преграду (под которую, впрочем, периодически попадали обломки посуды). Для крепления реконструируемого элемента, очевидно, использовался ряд стоек-опор, следы которых шли полукругом вдоль стенки котлована на расстоянии около 0,5 м от нее.

Сопоставим полученные по нескольким объектам результаты.

На всех рассмотренных объектах подтвердились строительные стереотипы, характерные для построек кульёганского культурного типа: это наземные выходы и коридорообразные углубленные выходы⁵. Более того, по материалам рассмотренных памятников можно говорить о том, что своеобразным стереотипом является именно *наличие двух выходов различной конструкции*. На селище Барсова Гора II/19 углубленный выход зафиксирован не был. Стоит, однако, учитывать, что, во-первых, в связи с плохой сохранностью материала даже наземный выход был реконструирован по данным планиграфии находок, а в случае сезонной специализации (по примеру объектов на поселении Чернореченское I) «летний» выход в распределении фрагментов керамики читаться не будет; во-вторых, часть постройки не попала в пределы раскопа. Пример объекта с селища Савкинская Речка I подтверждает существование сходной традиции на кульёганских памятниках даже на более удаленных от Сургутского Приобья территориях.

С другой стороны, более тщательный анализ одного элемента планировки и конструкции позволяет выявить значительное количество вариаций. Так, *расположение выходов* может варьироваться, и если для памятников Сургутского Приобья можно предполагать использование типичного «углового» обустройства выходов, то вахская постройка демонстрирует иной вариант расположения выходов — по центру стен. Однако в ней, как и в объектах с поселения Чернореченское I, одинаково реализовано взаимное расположение выходов — на смежных сторонах постройки.

Ориентировка выходов относительно ближайшего элемента гидросети различается. В обеих чернореченских постройках (даже предположительно нежилой, специализированной) явно читается стандартизированное расположение выходов (вне зависимости от ориентации самой постройки: углубленный выход — к реке, неуглубленный — параллельно руслу). Аналогично расположение выходов и в савкинском объекте. А вот на барсовогорском в сторону реки обращен единственный реконструированный, неуглубленный выход.

Еще один стереотип — *использование деревянных конструкций при оформлении привходового устройства* (причем, опять же по материалам поселения Чернореченское I, в постройках различного назначения). Конкретные способы обустройства выхода в деталях, а возможно, и конструктивно различались. Однозначно об этом говорить сложно, ибо ни в одном случае привходовая конструкция полностью не реконструируется. По косвенным признакам можно предполагать, что в барсовогорской и савкинской постройках деревянные элементы не были глухо закреплены на дне, т.е. оставался зазор между ними и дном котлована. В савкинской постройке это, судя по всему, было решено за счет использования отдельных опор, поддерживавших деревянное перекрытие. Перед ее южным углубленным выходом был сохранен и материковый останец. Аналогичное устройство углубленного выхода реконструировано в объекте 15 поселения Чернореченское I. Другие выходы в объектах данного поселения, судя по всему, так же укреплялись деревянными элементами, которые во всех случаях оказывались непреодолимой преградой на пути бытового мусора (видимо, их крепление отличалось от того, что использовалось на Барсовой Горе и Савкинской Речке).

Иными словами, при более подробном анализе отдельного элемента конструкции и планировки, с одной стороны, подтверждается некий общий строительный стереотип (по крайней мере, это оказалось справедливо для рассмотренных объектов, причем даже для тех, где изначально этот стереотип не выявлялся), с другой — в рамках этого стереотипа проявляются вариации. Различаются конкретные конструктивные решения, местоположение элемента в общей планировочной схеме и т.д. Мы не всегда можем их уловить, даже с привлечением дополнительных источников информации, однако в тех случаях, когда они намечаются, они могут стать отправной точкой для сопоставления и поиска культурных различий.

⁵ Более полная их реконструкция, на наш взгляд, пока затруднена. Однако можно отметить, что во всех случаях в районе неуглубленных выходов фиксировался длинный и четкий «хвост» находок, что позволяет предполагать для них более сложное устройство, нежели проем в стене.

Очевидно, что в нашем случае объем рассмотренного материала недостаточен для выводов и обобщений по проблеме конкретного культурного образования; впрочем, задача исследования была иной: попробовать уловить различия (потенциально — культурно значимые) и границы по «альтернативным» источникам и наметить дополнительные пути их поиска на уровне отдельных комплексов. Часть перечисленных моментов, несомненно, может быть продиктована конкретными природными факторами и т.д. Это, однако, не отменяет их способности периодически служить также культурными маркерами для того или иного образования либо фоном для развития культурных вариаций, не всегда заметных исследователю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Глушков И.Г. Индивидуальная фиксация и интерьерно-планиграфические особенности жилых комплексов // Игорь Геннадьевич Глушков: Сб. избр. ст. Сургут: РИО СурГПУ, 2011. Ч. 2. С. 200–202.
- Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 221–240.
- Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 200 с.
- Косинская Л.Л. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. С. 87–102.
- Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1: Новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 62–70.
- Рыжкова О.В. Использование метода связей для социальных реконструкций: (По материалам поселения Ташково II) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 170–180.
- Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. С. 97–112.
- Усачева И.В. К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Приобья // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2005. С. 155–163.
- Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.
- Юдина Е.А. Экспериментальные данные в планиграфических исследованиях: Пространственное распределение фрагментов керамики // Актуальные проблемы истории и археологии: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвященной празднованию 5-летия НСОИИА 14 ноября 2008 г. Шадринск: Изд-во ШГПИ, 2009. С. 58–65.
- Юдина Е.А. Эксперимент в планиграфических исследованиях: (Анализ распределения фрагментов керамики в изучении интерьера жилых построек) // Шестые Берсовские чтения: Сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 182–185.
- Lang V. Archaeological cultures and ethnic history: Some examples from the East Baltic Early Iron Age // Culture and material culture: (Papers from the First theoretical seminar of the Baltic archaeologists (BASE) held at the University of Tartu, Estonia, October 17th–19th, 2003). Tartu; Riga; Vilnius, 2005. P. 11–28.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
kveten@gmail.com

By the example of sites of the Kulyogan cultural type, subject to consideration being a potential of using a planigraphic analysis for distribution of pottery fragments as an additional information source for reconstruction of residential layout elements. The author outlines ways of searching the local variations within the suggested cultural stereotype.

The Kulyogan cultural type, Bronze Age, planigraphic analysis, house-building tradition, dwelling, inner layout, arrangement of the entrance-exit, local cultural differences.

«СИМВОЛИЧЕСКИЕ» ЗАХОРОНЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА¹

Н.Н. Серегин

Представлен опыт обобщения сведений о «символических» захоронениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Подробно рассмотрена традиция сооружения кенотафов, определены варианты таких объектов. К особым видам «символических» захоронений отнесены «ритуальные» курганы, основной характеристикой которых являлось возведение обычной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры, а также некоторые каменные оградки. Концентрация этих объектов на ранних этапах развития тюркской культуры отражает процесс формирования традиций погребально-поминальной обрядности кочевников во второй половине V — VI в. н.э.

Раннесредневековые тюрки, Алтае-Саянский регион, «символические» захоронения, кенотафы, «ритуальные» курганы, оградки.

Введение

Комплекс ритуальных действий древних и средневековых обществ характеризуется сложностью, многоэлементностью и полисемантической. Помимо объектов, связанных с реализацией только погребальной или поминальной практики, известны памятники, характер которых сложно определить однозначно. Нередко такие комплексы обозначаются как «символические» захоронения. Однако данный термин носит весьма широкий характер и может быть использован для характеристики совершенно различных по семантике и функциям памятников. Между тем распространение каждого из видов объектов демонстрирует существование особых традиций, связанных с комплексом представлений конкретной группы населения. Поэтому интерпретация «символических» захоронений требует детального анализа всех имеющихся археологических материалов с привлечением дополнительных источников (письменных, этнографических и др.).

Одной из территорий, на которых получил распространение обычай совершения «символических» захоронений, является Алтае-Саянское нагорье. Традиция сооружения кенотафов населением данной историко-культурной области достоверно фиксируется начиная со скифосакского периода [Грач, 1980, с. 77; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 266] и существует вплоть до этнографического времени [Тоцакова, 1978, с. 135]. Пожалуй, наиболее вариабельны «символические» захоронения Алтае-Саянского региона раннего средневековья. Во второй половине I тыс. н.э. кочевниками сооружались разнообразные объекты, в значительной степени связанные с погребальной обрядностью, но отличавшиеся по ряду показателей, главный из которых — отсутствие умершего человека. В последние годы автором данной статьи неоднократно, в том числе совместно с коллегами, предпринимался опыт анализа и интерпретации кенотафов, «ритуальных» курганов, «самостоятельных» захоронений лошадей, а также специфических каменных оградок раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона [Серегин, 2008, 2010а; Дашковский, Серегин, 2008; Тишкин, Серегин, 2013; и др.]. Все перечисленные объекты в той или иной степени демонстрируют различные варианты традиции сооружения «символических» захоронений, что определило необходимость обобщения полученных сведений.

Изучение традиций сооружения «символических» захоронений раннесредневековыми тюрками Алтае-Саянского региона основывалось на детальном анализе материалов раскопок памятников кочевников. Привлекались главным образом погребальные комплексы, а также каменные оградки, интерпретация которых как исключительно «поминальных» объектов не представляется однозначной. Кроме того, круг затрагиваемых вопросов и решаемые проблемы интерпретации «символических» захоронений потребовали привлечения археологических материалов, полученных в ходе полевых работ на сопредельных территориях.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), государственного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Варианты сооружения кенотафов

Наиболее распространенным видом «символических» захоронений во второй половине I тыс. н.э. являлись кенотафы. Анализ материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона позволил выделить 25 объектов, демонстрирующих различные традиции совершения «пустых» погребений. Зафиксированные характеристики комплексов демонстрируют существование нескольких вариантов кенотафов.

Самый распространенный вариант рассматриваемых захоронений — **«классические» кенотафы**. Такие объекты характеризуются соблюдением всех основных норм погребальной практики, присущих конкретной общности, при отсутствии самого умершего (рис. 1). К «классическим» кенотафам отнесено 22 объекта, исследованных на территории Алтая и Тувы [Грач, 1960а, с. 137, 141, рис. 83; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VIII–X; Кубарев Г.В., 2005, табл. 71, 109; и др.]. Они составляют большую часть «пустых могил» и около 7 % от общего количества известных погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона.

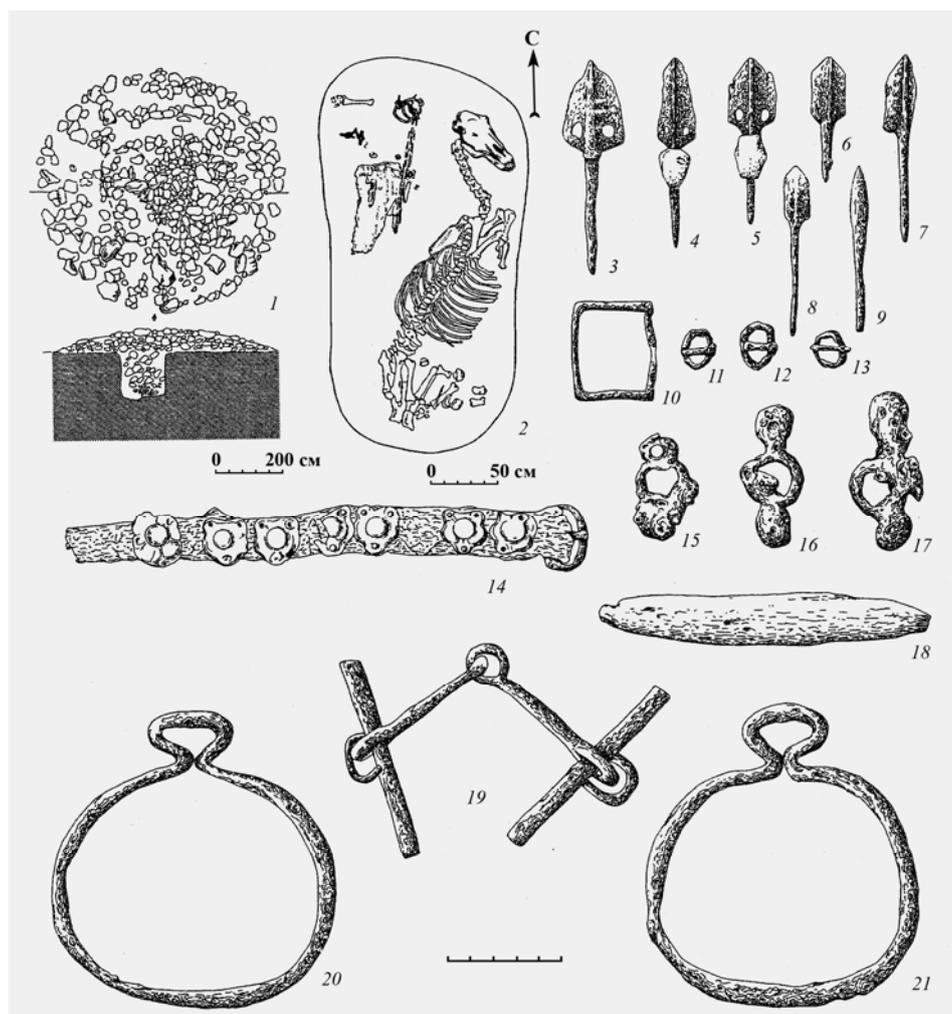

Рис. 1. «Классический» кенотаф. Мойгун-Тайга-58-V:
1 — план насыпи; 2 — план могилы; 3–21 — предметный комплекс (по: [Kenk, 1982, Abb. 16]).

В ходе раскопок «классических» кенотафов раннесредневековых тюрок зафиксирована наибольшая степень схожести со «стандартными» погребениями. Главным образом это относится к структуре наземных и подкурганых конструкций. В восьми случаях сопроводительное захоронение животного, помещенное в кенотаф, отделено от места предполагаемого погребения человека грунтовой, каменной перегородкой или рядом кольев. Погребальная камера в виде каменного ящика для отсутствовавшего покойного зафиксирована лишь однажды [Кубарев В.Д., 1985,

«Символические» захоронения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона

рис. 7]. Сопроводительное захоронение животного находилось почти во всех «классических» кенотафах. Чаще всего это одна лошадь, дважды отмечена пара животных и лишь однажды — три. В одном случае вместо лошади была положена овца [Бородаев, Мамадаков, 1985, рис. 13]. Ориентировка сопроводительных захоронений животных в целом стандартна. Наиболее распространенным является западное направление, однако присутствует также северная ориентировка.

В рамках группы «классических» кенотафов наблюдаются вариации некоторых признаков. В частности, при изучении «пустых могил» на памятниках Барбургазы I и Монгун-Тайга на месте предполагаемого погребения человека зафиксировано изделие, напоминающее куклу [Грач, 1960а, с. 137, 141, рис. 83; Кубарев Г.В., 2005, с. 19] (рис. 1, 2). Подобная традиция встречена при исследовании раннесредневековых некрополей и на других территориях [Грязнов, 1982, с. 98]. Не исключено, что редкость обозначенных находок в кенотафах тюрков Алтае-Саянского региона объясняется плохой сохранностью органических материалов, из которых могла быть изготовлена кукла.

Второй вариант — «**парные**» кенотафы. Специфика объектов заключается в том, что «пустая могила» предназначалась для двух мужчин-воинов. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, наличие двух лошадей, а также другие элементы ритуала. «Парные» кенотафы встречены при исследовании двух памятников раннесредневековых тюрков на Алтае [Гаврилова, 1965, с. 27, табл. XXIII, XXIV; Савинов, 1982, рис. 2, 5]. Интересной особенностью указанных объектов является разное социальное положение предполагаемых погребенных. Наиболее ярко эта черта прослеживается в составе сопроводительного инвентаря из кургана № 2 могильника Узунтал I, анализ которого позволил Д.Г. Савинову [1982, с. 120] предположить, что кенотаф был сооружен в честь знатного воина, принадлежавшего к дружинной аристократии, и его спутника.

Третий вариант — **кенотаф с зависимым захоронением**. Его отличительной особенностью является наличие так называемого подчиненного погребения наряду с отсутствием основного, принадлежавшего человеку, имевшему при жизни более высокий социальный статус. Памятник с таким набором признаков исследован вместе с другими кенотафами на могильнике Боротал I на Алтае [Кубарев В.Д., 1985, рис. 4] (рис. 2). Основаниями для отнесения умершего к зависимым слоям населения можно считать его нестандартное положение и ориентировку, а также отсутствие инвентаря [Кубарев Г.В., 2005, с. 17]. Подобный ритуал отмечен и при изучении «стандартного» погребения тюркской культуры на могильнике Курай IV [Киселев, 1951, с. 535]. Отметим, что схожие признаки выделены В.А. Ильинской [1966, с. 166–171] для захоронений «рабов» в скифских курганах.

Рассматривая традицию сооружения кенотафов раннесредневековыми тюрками, необходимо кратко остановиться на проблеме их сравнения с отдельными захоронениями лошадей. Такие объекты известны в основном по материалам раскопок на территории Алтая [Гаврилова, 1965, табл. VII, IX, А; Могильников, 1994, с. 105–106, рис. 23–28; Савинов, 1994, с. 91–92, рис. 112–117; Илюшин, 1995, с. 122, рис. 1, А, Б, 1–3; и др.]. Кенотафы и отдельные захоронения лошадей нередко путают, что объясняется главным образом неразработанностью дифференцирующих признаков таких объектов [Савинов, 1994, с. 151]. При этом основные показатели, характерные для «самостоятельных» захоронений животных, обозначены специалистами. Прежде всего, это отсутствие сопроводительного инвентаря для человека [Нестеров, 1990, с. 80] и места для его погребения [Кубарев Г.В., 2005, с. 20]. На наш взгляд, можно выделить и некоторые другие признаки, отличавшие кенотафы от захоронений лошадей: 1) внутримогильное сооружение, отделявшее лошадь от места предполагаемого погребения человека (каменные плиты, «перемычка» из слоя нетронутого материка и др.); 2) погребальная камера, предназначенная для помещения в нее умершего человека (сруб, каменный ящик).

Археологические памятники раннесредневековых тюрков демонстрируют высокий уровень социальной дифференциации в обществе номадов [Серегин, 2013]. Она нашла отражение и в материалах кенотафов. К признакам, показывающим различный прижизненный статус предполагаемых погребенных, относятся такие элементы обряда, как количество лошадей, наличие зависимого захоронения человека, размеры наземных и внутримогильных конструкций и т.д. Основным показателем является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Помимо достаточно редких предметов вооружения и воинского снаряжения (фрагменты доспеха, копья), в «пустых могилах» фиксируются также детали одежды и бытовые изделия, зачастую выделяющие кенотафы среди других памятников некрополя [Грач, 1960а, с. 129–143; Савинов, 1982, рис. 6–7; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117]. С другой стороны, в ряде случаев

при исследовании таких объектов отмечен весьма ограниченный набор вещей. Обозначенные характеристики подтверждают, что за умершим человеком, в честь которого сооружался кенотаф, сохранялись прижизненный социальный статус и имущественное положение [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 270].

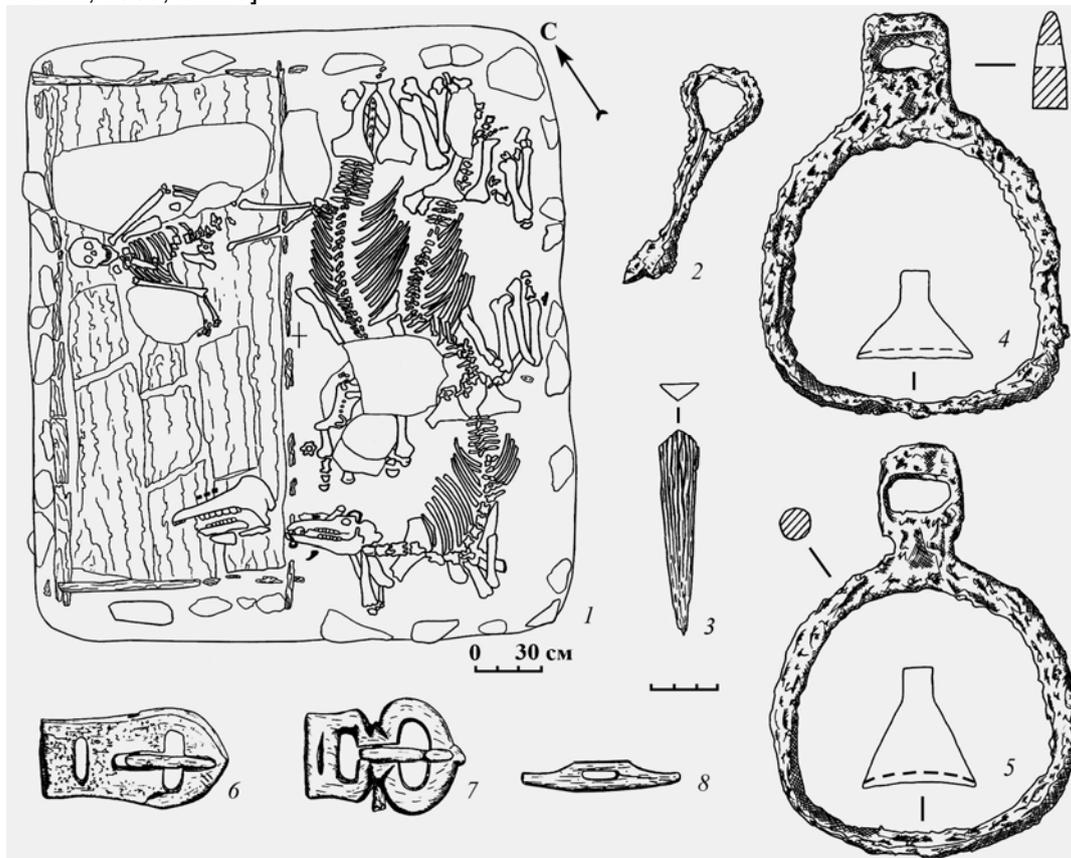

Рис. 2. Кенотаф с сопроводительным захоронением Боротал I, курган № 50:
1 — план могилы; 2–8 — предметный комплекс (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 107, 108]).

Традиция сооружения кенотафов раннесредневековыми тюрками Алтае-Саянского региона существовала на протяжении довольно длительного промежутка времени. Такие объекты появляются уже на раннем этапе развития культуры кочевников [Савинов, 1982, рис. 2, 6; 3]. Однако большая часть кенотафов относится ко второй половине VII — VIII в. н.э. Вероятно, их распространение связано с частым ведением военных действий в Центральной Азии в указанный период [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 118]. Косвенно это подтверждается тем, что большинство кенотафов содержало сопроводительный инвентарь, предназначавшийся для мужчины-воина. Почти полное отсутствие «пустых» могил на начальных этапах развития культуры раннесредневековых тюрков может объясняться наличием других традиций, в том числе связанных с сооружением «ритуальных» курганов и оградок. Возможности интерпретации таких объектов рассмотрены далее.

«Ритуальные» курганы

Особую группу памятников раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона представляют «ритуальные» курганы. Именно так, на наш взгляд, предпочтительно называть объекты, основной характеристикой которых является наличие курганной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры.² При изучении «ритуальных» курганов основные задачи следующие: 1) выделение при-

² Варианты обозначения подобных комплексов достаточно многочисленны. Они определяются исследователями как курганы культового и специального назначения, «ложные» курганы, ритуальные курганы, кенотафы, поминальные кенотафы (см. обзор: [Серегин, 2010а, с. 78–79]).

«Символические» захоронения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона

знаков для уточнения хронологической и культурной принадлежности объектов; 2) интерпретация и определение функций таких памятников, что будет способствовать также их более точному терминологическому обозначению.

Анализ археологических комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона при учете результатов исследований памятников более раннего времени на обозначенной территории позволяет выделить признаки, на основе которых возможна хронологическая и культурная атрибуция «ритуальных» курганов: 1) особенности планиграфии объектов; 2) структура и размеры курганной насыпи; 3) предметы, в ряде случаев обнаруживаемые под наземной конструкцией.

Представим более подробно основные характеристики «ритуальных» курганов раннесредневековых тюрок. Чаще всего рассматриваемые объекты расположены в одной группе с погребальными или «поминальными» комплексами рассматриваемой общности. Такая ситуация зафиксирована на ряде памятников Алтая и Тувы [Грач, 1960а, б; Бородовский, 1994; Мамадаков, Горбунов, 1997; и др.]. Характерной является идентичность не только размеров, но и структуры курганной насыпи. В данном случае имеется в виду, например, наличие такой же крепиды, что зафиксирована при изучении «стандартных» объектов на некрополе [Бородовский, 1994, рис. 3; Цзэвдорж и др., 2008, рис. 9, 10]. Своеобразная ситуация отмечена на могильнике Белый Яр II [Поселянин и др., 1999, с. 93] в Минусинской котловине. Под насыпью одного из курганов комплекса, помимо обычных погребений, зафиксированы две выкладки, под которыми отсутствовали какие-либо конструкции.

Наиболее точная атрибуция «ритуальных» курганов возможна в случае обнаружения предметов под насыпью. Такая ситуация зафиксирована в ходе раскопок объектов раннего средневековья на памятниках Кок-Паш, Усть-Карасу, Катанда III [Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI, 24, 25; Бобров и др., 2003, рис. 55, 7, 8] на Алтае и Хар-Ямаатын-Гол [Цзэвдорж и др., 2008] в Монголии. В трех случаях найдены предметы конского снаряжения, также обнаружены санцирные пластины, перстень и часть керамического сосуда.

Наибольшую сложность представляет вопрос, связанный с определением функций «ритуальных» курганов. Нет сомнений, что такие объекты сооружались не случайно. Объем трудозатрат на их возведение был таким же, как и для обычных памятников, за исключением отсутствия внутримогильных конструкций. Сомнения вызывает предположение, что «ритуальные» курганы сооружались для маскировки «стандартных» погребений и дезориентации возможных грабителей [Грач, 1960б, с. 65].

Наиболее обоснованный вариант интерпретации традиции сооружения «ритуальных» курганов предложен исследователями, которые обозначают подобные объекты как «поминальные» кенотафы [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 267]. Однако в этом случае остается не совсем понятным соотношение «ритуальных» курганов с «классическими» кенотафами раннесредневековых тюрок. К примеру, известны случаи, когда «ритуальные» курганы были сооружены рядом с «пустыми» могилами и установлена их синхронность [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 1].

Следует отметить, что в тех случаях, когда в ходе раскопок «ритуальных» курганов зафиксированы датирующие предметы, объекты относятся к начальным этапам развития тюркской культуры — второй половине V — VI в. Безусловно, данное обстоятельство не является основанием для утверждения о принадлежности к этому времени и всех остальных подобных комплексов. Вместе с тем не исключено, что традиция возведения «ритуальных» курганов на ранних этапах тюркской культуры была связана с представлениями, позже нашедшими отражение в сооружении «классических» кенотафов.

Тюркские оградки как особая форма кенотафов

В последнее десятилетие в работах многих исследователей фигурирует тезис, что каменные оградки раннесредневековых тюрок не представляется возможным рассматривать исключительно как поминальные объекты [Кубарев В.Д., 2001, с. 42; Кубарев Г.В., 2007, с. 50; Суразаков и др., 2008, с. 80–86; Серегин, 2010б, с. 203; и др.]. В связи с тем что предположение о погребальном характере таких комплексов не находит объективного подтверждения в материалах раскопок, одним из вариантов интерпретации является их рассмотрение как своего рода кенотафов.

Впервые подобная трактовка «поминальных» объектов была предложена В.А. Могильниковым [1992, с. 185–186]. Археолог обратил внимание, что такие характеристики оградки № 109 памятника Кара-Коба I, как захоронение лошади, отделенное каменной перегородкой, и находившаяся рядом деревянная колода имеют аналогии в погребальном обряде раннесредневеко-

вых тюрок. В связи с этим исследователь предположил, что раскопанный объект можно рассматривать как кенотаф, отметив в то же время поминальный характер большинства других оградок. По мнению В.А. Могильникова [1992, с. 192], есть также некоторые основания для отнесения к «пустым» могилам сооружения, исследованного В.Д. Кубаревым в урочище Ян-Гобо (рис. 3). Анализ материалов раскопок археологических памятников раннесредневековых тюрок позволяет утверждать, что по ряду показательных признаков каменные оградки могут быть сопоставлены с кенотафами [Тишкин, Серегин, 2013]. Суммируем основные доводы в пользу данной точки зрения.

Одной из отличительных характеристик каменных оградок раннего этапа тюркской культуры является наличие небольших каменных ящичков, в которых нередко находились предметы вооружения и снаряжения верховой лошади [Гаврилова, 1965, табл. III–V; Могильников, 1992, рис. 10, 11; Мамадаков, 1994, рис. 2, 7–12; Илюшин, 2000, рис. I, II; и др.]. Весьма вероятным представляется предположение, что такие конструкции в раннетюркских оградках отражают преемственность с традициями погребально-поминальной обрядности населения Алтая предшествующего периода, демонстрируя схожесть по ряду показателей с устройством «миниатюрных» кенотафов булан-кобинской культуры [Матренин, Сарафанов, 2006, с. 210]. В свою очередь, обряд захоронения лошадей в округлых оградках, получивший распространение у кочевников региона во второй половине V — первой половине VI в., близок традициям конских захоронений в «ритуальных» курганах «булан-кобинцев» [Матренин, Шелепова, 2007, с. 85]. Данные факты указывают на возможность, что в материалах оградок, относящихся к ранним этапам развития тюркской культуры, получили отражение обычаи, связанные с сооружением кенотафов населением Алтая предшествующего периода.

Важным элементом «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок были сооружения, находящиеся рядом с оградками: изваяния, стелы, балбалы, каменные кольца, пристройки и др. Исследование погребальных комплексов показывает, что такие сооружения фиксируются и рядом с курганами тюркской культуры [Серегин, 2010б]. «Околокурганные» объекты в большинстве случаев расположены с восточной стороны от основного объекта (в данном случае кургана), что характерно и для оградок. Важно отметить, что нередко «околокурганные» сооружения обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами — памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства таких комплексов и каменных оградок.

Отдельного рассмотрения заслуживает традиция сооружения смежных оградок. Не исключено, что в ряде случаев они представляют собой единый комплекс. К примеру, характерная ситуация зафиксирована в ходе раскопок памятника Мендур-Соккон I на Алтае [Соенов, Эбель, 1997, рис. 1, 2]. В одной из смежных оградок комплекса исследовано захоронение лошади, а во второй — миниатюрный каменный ящик, содержащий предметы вооружения. В данном случае наблюдаются некоторые параллели с погребениями и кенотафами кимакской культуры. Их специфика заключается в том, что сопроводительное захоронение животного совершалось в отдельной яме, но под одной подпрямоугольной насыпью-оградой с могилой, содержащей инвентарь мужчины-воина [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 142–144].

Характерной чертой, которая некоторым образом объединяет каменные оградки раннесредневековых тюрок с кенотафами, а также, в меньшей степени, с «ритуальными» курганами, является преимущественное обнаружение при исследовании этих объектов частей доспеха. Панцирные пластины и фрагменты кольчуги весьма редко встречаются в погребениях тюрок. Остатки защитного вооружения зафиксированы лишь однажды при раскопках «элитного» захоронения [Кубарев Г.В., 2005, табл. 132, 133]. Кроме единичной находки на поселении, все остальные части доспеха обнаружены в кенотафах, оградках и «ритуальных» курганах (см. обзор: [Тишкин, Серегин, 2013, с. 78]). Не исключено, что защитное вооружение в данном случае являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения — наконечников копий. Такие находки, крайне редкие в погребениях раннесредневековых тюрок, неоднократно зафиксированы при исследовании кенотафов [Кубарев Г.В., 2005, табл. 73, 10; 145, 1] и, особенно, каменных оградок на различных территориях [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3, 2; Загородний, Григорьев, 1998, рис. 3, 22; Досымбаева, 2006, рис. 8, 4; и др.]. Весьма своеобразная ситуация наблюдалась в ходе исследования центральной оградки комплекса Жайсан-1, где вотивная модель копья была изготовлена из панцирной пластины [До-

«Символические» захоронения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона

сымбаева, 2006, фото 9]. Нельзя исключать, что определенные отголоски данной традиции отмечены в этнографических сведениях о погребально-поминальном обряде киргизов и казахов, у которых копьё, наряду с лошадьё и одеждой, выполняло роль временного «заместителя» умершего человека [Фиельструп, 2002, с. 134, 166–167, 178–179].

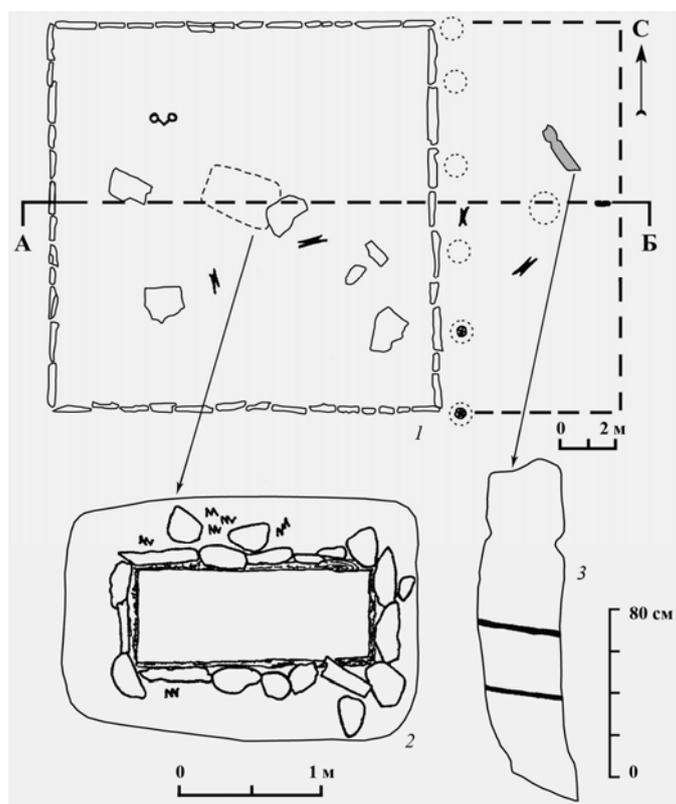

Рис. 3. Оградка в местности Ян-Гобо:

1 — план оградки; 2 — сооружение в центре оградки в виде сруба, обложенного камнями; 3 — каменное изваяние (по: [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX]).

Итак, изучение каменных оградок и кенотафов раннесредневековых тюрок демонстрирует сходство по целому ряду показателей. Особое внимание привлекают отдельные «поминальные» комплексы, наиболее полно соответствующие «пустым» могилам по характерным конструкциям, в том числе связанным с оформлением захоронения лошади, и составу сопроводительного инвентаря [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX; Могильников, 1992, с. 184–185, рис. 13, 14; Соенов, Эбель, 1996; 1997, рис. I–IV; и др.] (рис. 3). Существенным фактором является принадлежность большинства таких объектов к ранним этапам развития тюркской культуры (вторая половина V — первая половина VII в.). Интересно, что к этому же времени относится ряд достоверно датированных «ритуальных» курганов рассматриваемой общности [Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. VI, 24, 25; Бобров и др., 2003, рис. 53, 14–21; 55, 7, 8]. Вероятно, концентрация подобных комплексов на начальных этапах культуры раннесредневековых тюрок отражает период формирования традиций и канонов погребально-поминальной обрядности кочевников. Поэтому не исключено, что в более позднее время функции оградок и соответственно представления, связанные с их созданием, могли трансформироваться.

Заключение

Исследование особенностей погребально-поминальной обрядности кочевников Алтае-Саянского региона второй половины I тыс. н.э. продемонстрировало существование у раннесредневековых тюрок устойчивой и разнообразной традиции сооружения «символических» захоронений. Наиболее распространенным видом таких объектов были кенотафы, вариативность которых дает основания для выделения нескольких видов «пустых» могил. Кроме того, к

«символическим» захоронениям по ряду показателей относятся «ритуальные» курганы, основной характеристикой которых являлось сооружение обычной курганной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры. Вероятно, особым видом кенотафов на начальных этапах развития тюркской культуры были каменные оградки. На это указывает совокупность показателей, характерных для отдельных объектов (захоронение лошади, каменный ящичек с инвентарем для человека и другие сооружения, характерный набор предметов и др.). Концентрация «ритуальных» курганов и каменных оградок, напоминающих кенотафы, на ранних этапах развития тюркской культуры, редкость «классических» кенотафов в тот период, а также схожесть рассмотренных комплексов с некоторыми сооружениями булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени не случайны. Очевидно, это отражает процесс формирования традиций погребально-поминальной обрядности кочевников во второй половине V — VI в. н.э.

Представленный опыт интерпретации «символических» захоронений требует подтверждения и конкретизации, и, вполне вероятно, с появлением новых материалов выводы будут скорректированы. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят более подробно и обоснованно рассматривать процессы сложения и эволюции традиций обрядовой практики ранне-средневековых тюрков, а также реконструировать комплекс представлений, сопровождавший сооружение рассмотренных объектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т.* Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–88.
- Бородовский А.П.* Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. С. 75–82.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грач А.Д.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге: (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. Т. I. С. 73–150.
- Грач А.Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве: (Полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. Т. I. С. 7–72.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов М.П.* О кенотафах // Проблемы археологии и этнографии. Иркутск: ИрГУ, 1982. С. 98–99.
- Дашковский П.К., Серегин Н.Н.* Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. II. С. 83–100.
- Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат: Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие, 2006. 168 с.
- Загородний А.С., Григорьев Ф.П.* Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопр. археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.
- Ильинская В.А.* Скифские курганы около г. Борисполя // СА. 1966. №3. С. 152–171.
- Илюшин А.М.* Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 117–119.
- Илюшин А.М.* Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае: (Датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. 1995. Вып. V. Ч. 1. С. 122–125.
- Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 136–148.
- Кубарев В.Д.* Изваяние, оградка, балбалы: (О проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 24–54.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая: (По материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В.* Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 50–59.

«Символические» захоронения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. С. 58–63.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э.: (Булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 84–90.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Культурные кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала: (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 88–94.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов: (По материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2010а. Вып. IV. С. 78–83.

Серегин Н.Н. «Околокурганые» сооружения тюркской культуры: (Систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Изв. АлтГУ. Сер. История, политология. 2010б. № 4/2 (68/2). С. 201–205.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: (По материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 206 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 115–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. 112 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 2 (8). С. 75–81.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона // Вестн. археологи, антропологии и этнографии. 1999. Тюмень: ИПСО СО РАН, Вып. 2. С. 136–145.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв). Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 302 с.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Kenk R. Frühmittelalterliche Graber aus West-Tuva. München: Verlag C.H. Beck, 1982. 100 p.

Алтайский государственный университет
nikolay-seregin@mail.ru

The article presents the experience of summarizing data on «symbolic» burials with early medieval Turks from Altai-and-Sayan region. Subject to a detailed description being a tradition of making cenotaphs, specifying variants of such objects. Particular types of «symbolic» burials include «ritual» mounds which basic characteristic was making a common mound with no burial chamber underneath, as well as certain stone enclosures. The concentration of these objects during the early development stages of the Turkic culture reflects a process of developing traditions in funeral rites with nomads in the late V — VI c. B.C.

Early Middle Ages Turks, Altai-and-Sayan region, «symbolic» burials, cenotaphs, «ritual» mounds, enclosures.

КАРЫМСКАЯ КЕРАМИКА ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ¹

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Представлена характеристика четырех типов карымской керамики. Три из них (I, II, IV) продолжают линию развития местной кулайской посуды, один (III), вероятно, связан с проникновением в таежное Приобье групп охотников-рыболовов из Восточной Сибири. Установлено различие керамики северных и южных карымских территорий. Специфика карымских материалов южно-таежной зоны была обусловлена влиянием на переселенцев с севера культуры местного лесостепного населения.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымский этап, керамика.

Общая характеристика керамики

В.Н. Чернецов выделенную им в 1957 г. карымскую керамику с ямочным, гребенчатым и фигурно-штампованным декором с городища Ус-Толт (2-я группа) в бассейне Юконды, а также из неизвестного памятника в устье р. Большой Салым не разделял на типы [1957, с. 160–163, табл. IX, X]. В 1980-е гг. в ходе раскопок карымских поселений в Сургутском и Нижнем Приобье (городища Барсов городок II/6, 7, 9, 10, Кинтусовские II, IV и др.) археологами Уральского государственного университета был определен новый, инородный для этих территорий тип ранне-средневековой посуды, украшенной многорядными поясками желобков. До этого в западно-сибирской тайге подобная керамика в небольшом количестве была зафиксирована в составе релкинских комплексов Нарымского Приобья. Краткая характеристика этой группы карымской керамики, наряду с описанием традиционной гребенчатой и фигурно-штампованной, была дана свердловскими археологами в новой периодизации культур Сургутского и Нижнего Приобья [Федорова и др., 1991, с. 131–133, рис. 2, 3–10; Морозов и др., 1995, с. 10]. В 2006 г. А.П. Зыков разделил карымскую керамику по орнаменту на три типа (I–III) [2006, с. 114]. Практически одновременно с ним С.Ю. Каменский и Е.А. Жирных при анализе находок с городища Евра 25 в бассейне р. Конды [2006, с. 171, ил. 1, 2, 6, 8–15], а также Т.А. Говейлер [2007] выделили четыре группы карымской посуды. При этом первые три группы совпадали с соответствующими типами А.П. Зыкова, а четвертая как самостоятельная была охарактеризована впервые (у А.П. Зыкова она была включена в I тип). Поддерживая последнюю типологию [Чемякин, 2008б, с. 221, 223], мы предлагаем распространить ее на весь массив карымской посуды.

Данная классификация построена на специфике декора сосудов, отчасти — на морфологии и технике их изготовления. По орнаменту карымская керамика подразделяется на четыре типа: гребенчатую (I), фигурно-штампованную (II), желобчато-валиковую (III), обедненную ямочно-насечковую и ямочно-жемчужную (IV) (рис. 1–4). К последнему типу условно отнесены также единичные неорнаментированные емкости (рис. 2, 21)². Для большинства сосудов всех типов характерен поясок одинарных глубоких конических, реже подпрямоугольных в профиле ямок (обычно круглых) на шейке под венчиком или по ее основанию. Иногда здесь встречаются ямки, расположенные зигзагом. В целом же пояски из ямок с эпохи неолита являются характерной чертой керамики таежного Приобья. Изредка на шейках карымских сосудов отмечаются ямки в комбинации с жемчужинами или одни жемчужины. Такой декор появился еще на калинкинской и, позже, кулайской посуде. На исследованных карымских поселениях доминирует керамика первых двух типов. Сосуды третьего типа составляют от нескольких единиц до трети каждой коллекции, емкости четвертого типа — самые малочисленные.

Технология производства и форма сосудов первых двух и четвертого типов (рис. 1, 2) сходна. Для изготовления керамики использовалась хорошо промешанная и отмученная глина с примесью шамота и органики, реже — дресвы (мелкодробленый гранит, кварц, сланец) или песка с зернами кварца. Формовка сосудов происходила способом ленточного налепа. Емкости горшковидные, круглодонные, с небольшой и средней высоты дуговидной или прямой шейкой, слегка отогнутой наружу, у отдельных экземпляров — с дуговидной слабо вогнутой. Единично

¹ Продолжение статей: [Борзунов, Чемякин, 2013а, б; 2014].

² При подготовке иллюстраций керамики, помимо опубликованных рисунков [Федорова и др., 1991, рис. 2, 3–10; Чемякин, 2008а, рис. 94–98], использованы архивные материалы Ю.В. Семакова [А–2003].

Карымская керамика таежного Приобья

встречаются котловидные сосуды и закрытые чаши: без шейки, с наклоненными внутрь верхними частями стенок, выпуклым туловом, округлым или приостренным дном. Венчики обычно плоские, скошенные внутрь, часто имеют профиль желобка и карнизик с внутренней стороны. Реже формовались простые уплощенные и округлые венчики. Плечики и стенки горшков выпуклые, придонные части вытянутые зауженные или скругленные. Обломков плоских дниц у емкостей данных типов пока не обнаружено. То же можно сказать и относительно поддонов, зафиксированных у части кулайской, а также более ранней калинкинской и белоярской посуды, имитирующей скифо-сарматские бронзовые котлы.

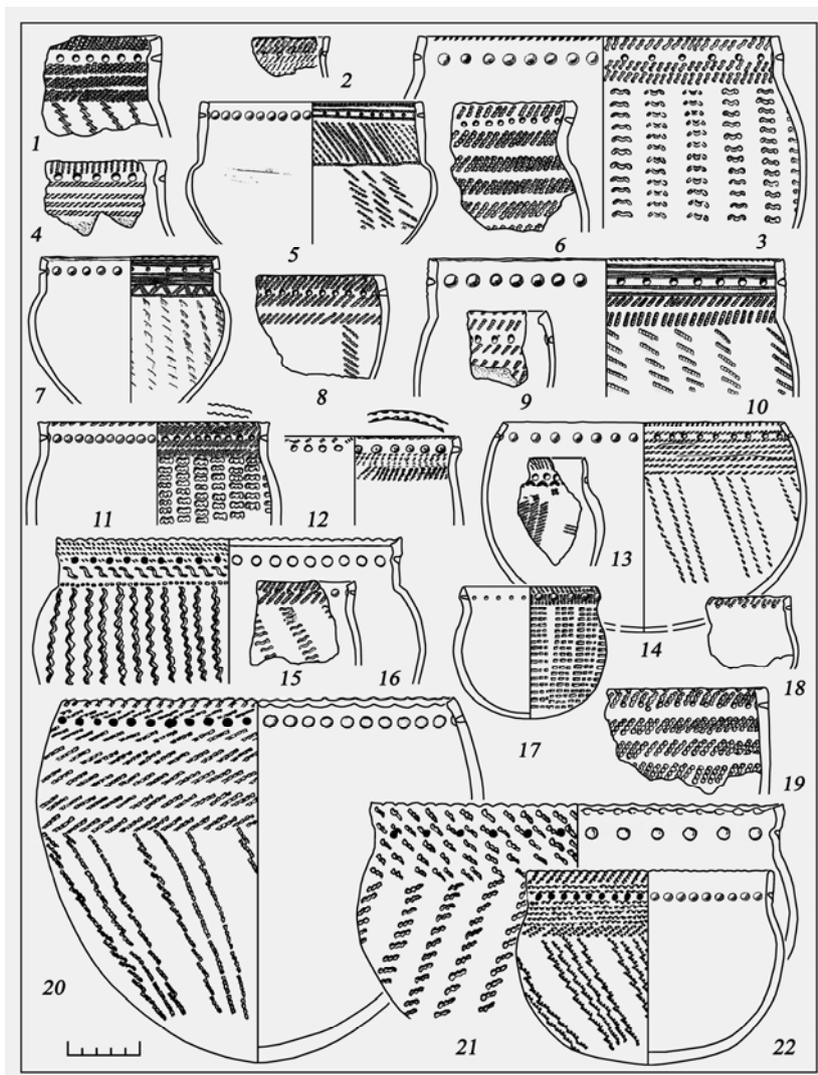

Рис. 1. Карымская керамика с гребенчатой орнаментацией (тип I) Сургутского Приобья: 1, 3–5, 7, 10, 15, 16, 20–22 — городище Барсов городок II/6; 2, 9, 18 — городище Барсов городок II/9; 13 — городище Барсов городок II/7; 14 — городище Барсов городок II/10; 6, 8, 11, 12, 17, 19 — селище Сартым-урий 17; 1–11, 13–15, 17–19 — по Ю.В. Семакову; 16, 20–22 — по Н.В. Федоровой, А.П. Зыкову, В.М. Морозову, Л.М. Тереховой.

Керамика первых двух типов (I и II) более нарядная и изящная. Горшки тонкостенные, с тщательно заглаженной внешней и внутренней поверхностью, со сложным декором, выполненным в основном тонкими средней величины и миниатюрными чеканами. На сосудах I типа орнамент нанесен гребенкой, преимущественно с мелкими зубцами, или мелкоструйчатым штампом, известными в регионе еще с эпохи бронзы. В ряде случаев мелкоструйчатый декор имитировался косо поставленной мелкой гребенкой. На керамике II типа узоры выполнены фигурными чеканами, в том числе в виде змейки и утки, однако ее «опознавательным знаком» являются ромби-

ческие штампы различных модификаций — с четырьмя мелкими жемчужинами внутри («глазчатый»), двойной рамчатой уточкой, а также рамчатая одинарная уточка, рамчатый S-видный и др. На ряде сосудов встречаются оттиски тонких меандридных двух- и трехчленных штампов, традиционно связываемых с ярсалинской посудой. (Соотношение ярсалинского и карымского типов посуды (и памятников) — отдельный сюжет. Заметим только, что нам известно лишь одно частично раскопанное поселение с чистым комплексом ярсалинской керамики [Гордиенко, 2013].) Изредка встречаются отпечатки фигурного треугольного штампа. Орнамент покрывал верхнюю половину или две трети сосуда. Особенно плотный он на шейке и плечиках. На днищах и в придонной части декор отсутствовал. Верхний срез сосуда (венчик) обычно украшался косыми насечками по всей ширине либо по краю — с внешней и/или внутренней стороны. Кроме пояса из ямок, иногда в сочетании с жемчужинами, выступавшего своеобразным разделителем, шейка декорировалась горизонтальными концентрическими поясками из наклонных или горизонтальных оттисков гребенки, змейки, уточки и рамчатых штампов. Последние обычно располагались в шахматном порядке или образовывали треугольные фигуры. Особую нарядность керамике I и II типов придают длинные «свисающие» вертикальные и наклонные столбики-ленты, составленные из оттисков гребенки, змейки и мелкоструйчатого штампа, завершающие орнаментальную композицию.

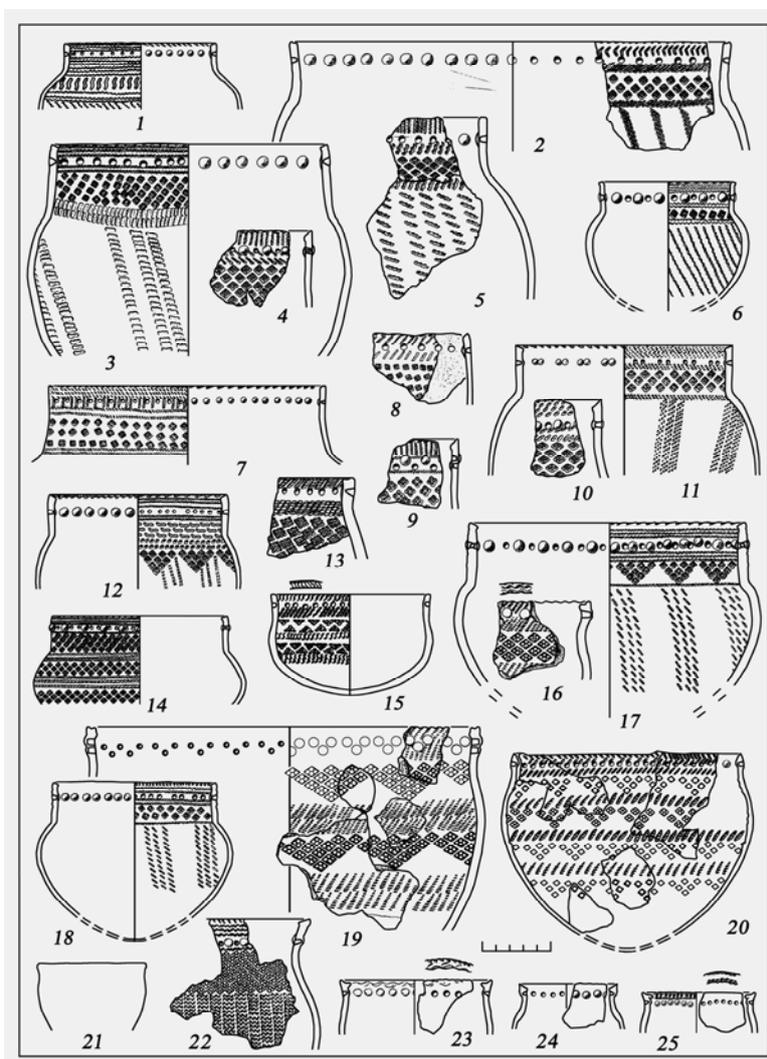

Рис. 2. Карымская керамика Сургутского Приобья:

1–20, 22 — с фигурно-штампованной орнаментацией (тип II); 21, 23–25 — с обедненным ямочно-жемчужным декором и без орнамента (тип IV): 1–3, 5, 6, 14, 17, 18 — городище Барсов городок II/6; 4, 8–10 — городище Барсов городок II/9; 7, 11, 12 — городище Барсов городок II/7; 13, 15, 21 — селище Сартым-урий 17; 16, 19, 20, 22–25 — городище Сартым-урий 18; 1, 6 — по Н.В. Федоровой, А.П. Зыкову, В.М. Морозову, Л.М. Тереховой; 14, 17, 18 — по Ю.В. Семакову.

Карымская керамика таежного Приобья

Керамика III типа в основном (и единичные сосуды IV типа) массивная, толстостенная и грубая (рис. 3). В глиняное тесто при ее производстве добавляли шамот, песок, дресву и органику. Диаметры емкостей по устью достигали 35 см. Есть и небольшие горшки, но в целом создается впечатление, что сосуды данных типов были больше других. Они представляли собой горшки и котлы со средней высоты и высокой шейкой, слегка отогнутой наружу, слабо профилированными плечиками и туловом, вытянутой и зауженной придонной частью. Посуда круглодонная, но на селище Сартым-урий 16 был найден сосуд III типа, имевший неорнаментированный поддон [Фефилова, Чемякин, 2009, с. 240, ил. 9, 1]. Среди посуды IV типа (рис. 2, 21, 23–25) известны как обычные горшки и котлы, так и небольшие тонкостенные сосудики «закрытой» формы — с наклоненными внутрь емкости стенками, выпуклым туловом и плоским, слегка скошенным внутрь венчиком с закраиной либо едва намеченной и чуть отогнутой наружу шейкой. Орнаменты на посуде III и IV типов выполнены толстыми заостренными палочками, а также шпателями с плоскими зубцами шириной 4–5 мм или узкими лопатками с коротким (5–6 мм) и длинным (5–6 см) гладким рабочим краем.

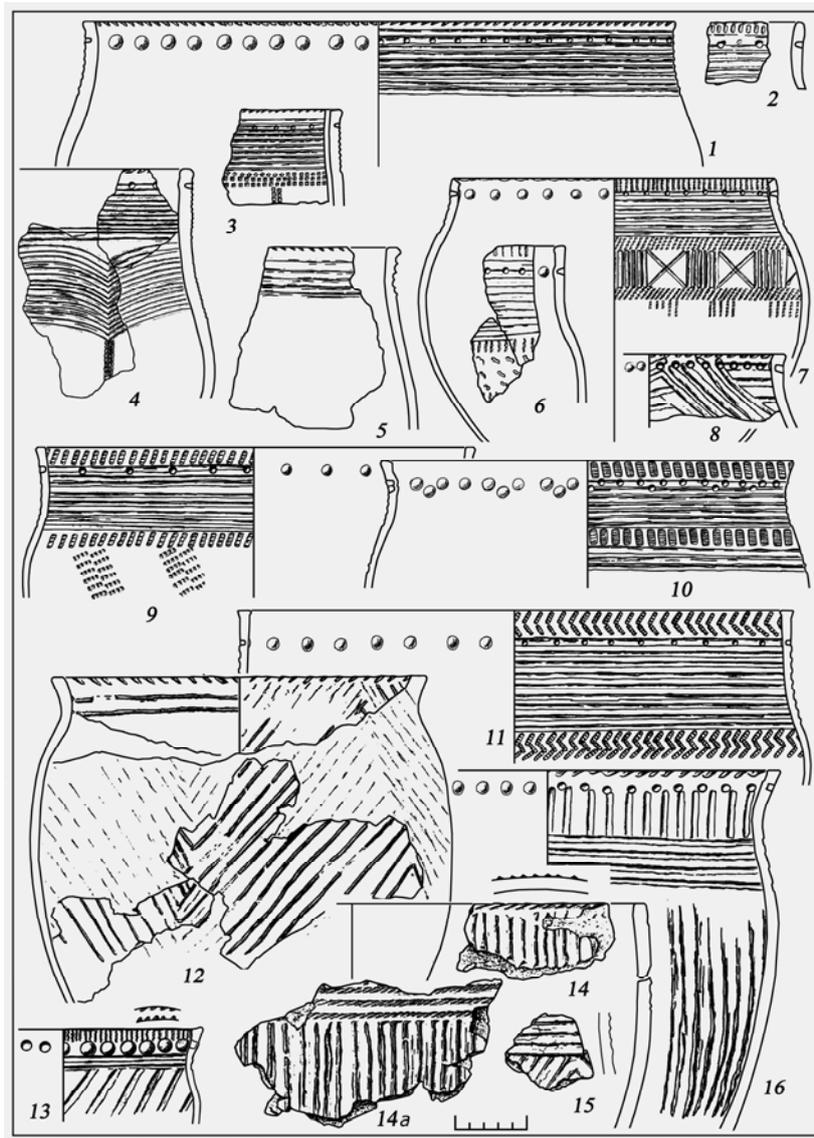

Рис. 3. Карымская керамика Сургутского Приобья с желобчато-валиковой орнаментацией (тип III): 1, 3–5, 7 — городище Барсов городок II/6; 2, 6 — городище Барсов городок II/9; 10 — городище Барсов городок II/7; 9, 11 — городище Барсов городок II/10; 12, 14–16 — городище Сартым-урий 18; 8, 13 — селище Сартым-урий 17: 1–6, 8–11, 13 — по Ю.В. Семакову; 7 — по Н.В. Федоровой, А.П. Зыкову, В.М. Морозову, Л.М. Тереховой.

Венчики у сосудов III типа — средней ширины (около 1 см), уплощенные горизонтальные со скругленными краями или такие же и более узкие, слегка наклоненные внутрь емкости. Края венчиков изнутри и/или снаружи обычно украшены косыми насечками. На шейках под венчиками фиксируется поясok ямок: круглых, единично — иных форм. Внешняя поверхность большинства сосудов декорирована узкими желобками прямоугольного, подтрапециевидного и дуговидного профиля, между которыми фиксируются подобия плоских валиков. Такой орнамент получался в результате выдавливания неглубоких желобков гладким или зубчатым шпателем на влажной глине сосуда перед его обжигом. На части емкостей желобки выдавливались пальцами, и в этом случае между ними формировались узкие валики треугольного сечения. Встречаются и налепные валики такого же сечения. Орнаментальные композиции обычно простейшие — чередующиеся многорядные горизонтальные, вертикальные, наклонные и выстроенные зигзагом (горизонтальной елочкой) валики-желобки. На отдельных черепках прослеживаются многорядные волнистые линии — остатки арочного орнамента, а также выполненные длинным гладким шпателем крестовидные фигуры. Спорадически в желобчато-валиковый декор включались горизонтальные, вертикальные и наклонные оттиски гребенки либо мелкие квадратные вдавления, выстроенные в шахматном порядке.

Венчики у сосудов IV типа разнообразны: широкие плоские с резким наклоном внутрь емкости и внутренним карнизиком; средней ширины уплощенные со скругленными краями, небольшим наклоном внутрь и карнизиком; узкие уплощенные горизонтальные без наплывов. Обычный декор этой группы керамики — наклонные насечки на краях венчиков и поясok круглых ямок на шейках. Единичные емкости, в основном малые, вообще лишены орнамента.

Территориальное распределение типов карымской керамики

В средней и северной тайге Приобья были распространены все типы карымской посуды (рис. 1–3). В южно-таежной полосе керамика IV типа пока не выделена. Здесь доминируют сосуды II типа, емкости с простым ямочно-гребенчатым орнаментом встречаются значительно реже (рис. 4), а горшки и котлы с валиками и желобками единичны. Керамика обычно тонкостенная или средней толщины, хорошо обожженная, изготовлена из глины с примесью песка и шамота. Внешняя поверхность сосудов тщательно заглажена, но на их внутренней стороне иногда прослеживаются следы расчесов «гребенкой» или щепой. По форме сосуды I и II типов, обнаруженные на южной периферии карымского ареала, близки керамике северных приобских территорий. Это преимущественно горшки средних и высоких пропорций, с вертикальной или наклоненной внутрь емкости невысокой шейкой, округлым или округло-приостренным дном. Две небольшие группы образуют приземистые, близкие чашевидным круглодонные горшки, а также чашевидные формы (рис. 4, 2, 5, 8). Последняя группа — единичные высокие кринковидные емкости с зауженными прямыми или дуговидными горловинами, резким переходом к раздутому тулову и плоским либо округлым дном. Венчики у них, как правило, плоские, скошенные внутрь, с характерным карнизиком изнутри (рис. 4, 9, 11).

Проблема происхождения карымской керамики

Посуда I, II и IV типов по многим параметрам сходна с позднекулайской сургутской, саровской и нижнеобской ярсалинской. Это указывает на их родство, а также формирование ранне-средневекового карымского этноса на местной кулайской основе. Кроме того, преемственность карымской посуды двух первых типов от позднекулайской подтверждает керамика переходного ярсалинско-карымского облика, обнаруженная в трех жилищах позднесаргатского поселения Ипкуль XV в Нижнем Притоболье, предварительно датированного второй четвертью — серединой I тыс. н.э. [Корякова и др., 1988, с. 120–125, рис. 1, 2; Зыков, 2006, с. 113–114]. Некоторые карымские и кулайские (в первую очередь ярсалинские и поздние сургутские) сосуды почти идентичны. В ряде случаев это даже усложняет проблему культурной диагностики некоторых памятников. Керамика III типа, наоборот, не имеет прообразов в культурах бронзового и раннего железного веков таежного Приобья, в том числе Сургутского и Томско-Нарымского [Чиндина, 1977, с. 130; Чиндина и др., 1990, с. 44; Федорова и др., 1991, с. 131, 133, 144, рис. 2А, 5; Морозов и др., 1995, с. 10]. Относительно ее происхождения высказываются разные суждения.

Автором первой, миграционной, гипотезы являются томские археологи. В конце 1940-х гг. при публикации посуды городища Басандайка К.Э. Гриневиц отметил инородность валикового орнамента в Томском Приобье, сходство среднеобской и восточно-сибирской валиковой керамики, а также высказал гипотезу о переселении части носителей этого декора из Восточной Си-

Карымская керамика таежного Приобья

бири в Западную [1974, с. 145, 147]. В конце 1970-х гг. Л.А. Чиндина, опираясь на эти заключения, а также результаты анализа материалов выделенной ей релкинской культуры, аргументировала данное предположение [1977, с. 130–131]. К их точке зрения присоединились О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева, утверждавшие, что «...какие-то группы населения из Восточной Сибири в начале эпохи средневековья проникали на Обь, вступая во взаимодействие с аборигенами Томско-Нарымского Приобья» [1983, с. 118–123]. Учитывая это, современные сторонники миграционной теории считают, что истоки валиковой керамики Нарымского Приобья (III тип релкинской посуды VII–IX вв.), валиково-желобчатой Томского Приобья (III тип керамики памятников V–VIII вв.), а также карымской керамики III типа Сургутского и Нижнего Приобья, Конды, низовий Иртыша и лесного Обь-Иртышья следует искать в Восточной Сибири, в том числе в Якутии и Забайкалье. На последних территориях посуда с наlepными валиками бытует с неолита до позднего средневековья, а «обмазочные» валики и валиково-желобчатые декоры встречаются на сосудах первой половины I тыс. н.э. (поселения Казачка на р. Кан, Айканка на р. Енисей, стоянка Тумул и др.) [Мандрыка, 1997, с. 209–216].

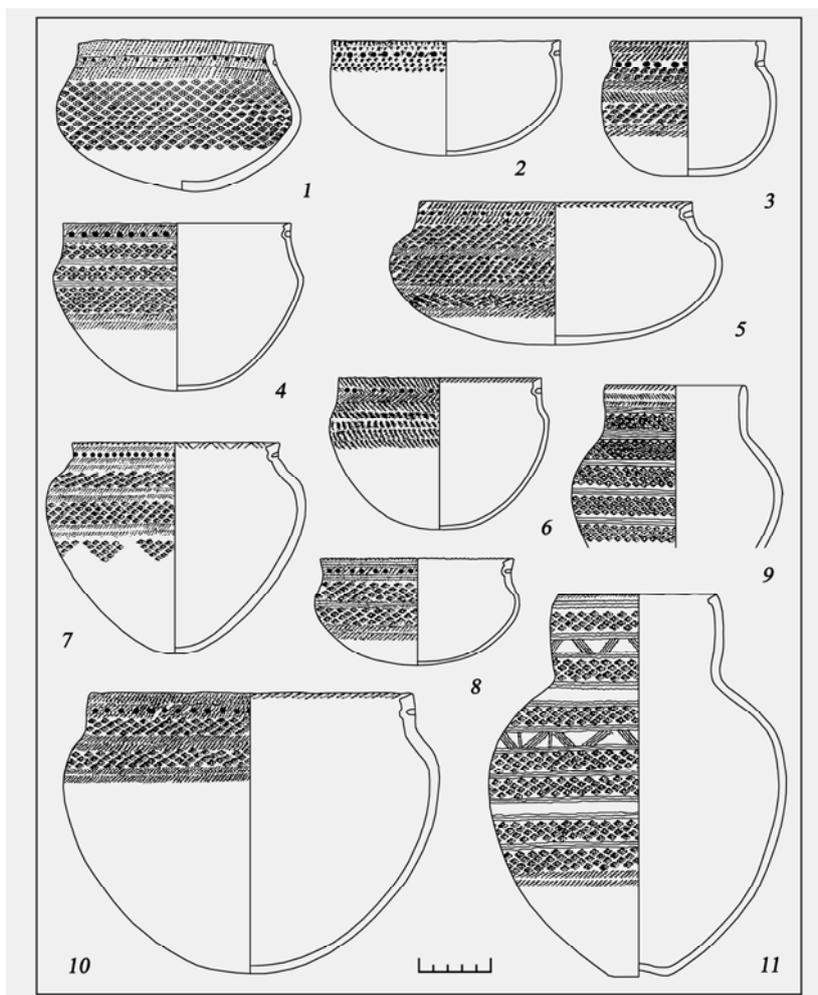

Рис. 4. Карымская керамика могильников южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья с фигурно-штампованной и ямочно-гребенчатой орнаментацией:

1 — Козловский могильник; 2–11 — Усть-Тара VII:

1 — по Н.П. Матвеевой; 2–11 — по И.Е. Скандакову, Е.М. Данченко.

Между тем время этой миграции также вызывает споры. Л.А. Чиндина, отмечая важную роль в сложении релкинской культуры V–IX вв. пришлого юго-восточного населения, принесшего с собой специфическую валиковую керамику и принцип сооружения в жилищах канов (обогреваемых нар-лежанок), не исключает, что переселение с востока могло произойти в период

передвижения на запад северных хунну во II–III вв. Вместе с тем релкинские комплексы с валиковой керамикой, считает она, не выходят за пределы VII–IX вв. Поэтому делает заключение, что, «скорее всего, это движение было вызвано завоеваниями тюрков периода каганатов, когда какая-то часть населения вынуждена была уйти на запад и осесть в Среднем Приобье» [Чиндина и др., 1990, с. 45].

Возможно, так и было. Но это была поздняя миграция, в результате которой в Томско-Нарымском Приобье появились каны, курганы, кенотафы, тайники-скопления, захоронения лошадей, миниатюрные изделия, южные орнаменты в изобразительном искусстве, новая керамика и другие элементы тюркской и «тюркизированной» культуры. Что же касается первых волн переселений носителей валикового декора из Восточной Сибири, то они наблюдались явно раньше: в конце кулайской «эпохи» и начале средневековья, в том числе во время Великого переселения народов. Этот вариант не исключала и Л.А. Чиндина [1977, с. 131]. О ранней миграции, на наш взгляд, свидетельствует желобчато-валиковая посуда, найденная в ареале таштыкской и близких ей культур Хакасско-Минусинской котловины и Тувы II в. до н.э. — V в. н.э., а также часть керамики карымских поселений IV — начала VI в. таежного Приобья.

Не исключая возможность переселений носителей валиковой посуды из Восточной Сибири, екатеринбургский исследователь К.Г. Карачаров высказал иное предположение: «Отдельные сосуды (с многорядными тонкими желобками и наклепными валиками-косичками. — *Азм.*) могли попадать из Восточной Сибири на Среднюю и Нижнюю Обь и без каких-либо крупных миграций населения, например, в результате браков, товарного обмена и иных культурных контактов» [Чемякин, Карачаров, 1999, с. 43]. При этом он отметил сходство сургутской карымской желобчато-валиковой посуды с III типом керамики релкинской культуры, выделенной Л.А. Чиндиной [1991, с. 48–49]. Кроме того, желобчатая и валиковая керамика, близкая карымской, в небольшом количестве была найдена К.Г. Карачаровым на селищах IV–VI вв. бассейна р. Аган (Нёх-Урий 1; Вор-сап 2, 4, Сардыковы, Варьёган 15, Усть-Ваньёган 2)³, где, по его утверждению, отсутствует карымская посуда с мелкоребенчатым и сложным фигурно-штампо-ваннным орнаментом. На основании этого К.Г. Карачаров выделил аганские памятники раннего средневековья из карымского ареала и включил в состав некоей иной, четко не обозначенной им историко-культурной области Среднеобского района [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 72]. Опираясь на его выводы, можно предположить, что восточная граница расселения карымских общин проходила между Тромьёганом и его левым притоком — р. Аган. Вместе с тем в бассейне Агана раскопаны лишь единичные объекты «аганского типа», и только новые исследования могут подтвердить или опровергнуть правомерность его выделения. Тем более что комплексы, сопоставимые с карымскими, известны восточнее, на территории релкинской культуры (поселение Круглое озеро II и др.) [Чиндина, Балакин, 1976, табл. V].

Оригинальную версию происхождения западно-сибирского желобчатого декора, укладывающуюся в рамки теории культурного заимствования, предложили два других исследователя из Екатеринбурга — А.П. Зыков и Н.В. Федорова. По их представлениям, такая орнаментика, присутствующая на части глиняной посуды таежного Приобья I тыс. н.э., была заимствована с юга и являлась репликой узора гуннских бронзовых котлов с рельефными валиками. Они считали, что такие орнаменты должна была бы иметь и пока еще не известная гуннская керамика. Первые, самые ранние, образцы нового декора были зафиксированы в позднекулайских керамических комплексах лесостепной Барабы. В IV–V вв. н.э. желобчатая керамика быстро распространилась «на огромные расстояния» в таежном Обь-Иртыше — от слияния Тобола и Иртыша на юге (городище Потчеваш) до дельты Оби на севере (поселение Солемала I, или Салемал 1), причем без миграции какого-либо этноса. В Томском Приобье такая посуда появилась в начале IV — первой половине V в., а в Нарымском Приобье — в VII–IX вв. Заимствование и распространение нового орнамента, как полагают авторы, происходило благодаря тесным торгово-обменным связям, установившимся между Средней Азией и населением таежного Приобья при посредничестве азиатских гуннов, вторгшихся в Среднюю Азию, Казахстан и на юг Западной Сибири. В кулайское же время связи западно-сибирской тайги с внешним миром существовали, но в обход зауральской лесостепи: для западных территорий — через Прикамье, для восточных — через Средний Енисей. Племена саргатской культурно-исторической общности (далее — КИО),

³ К этим же памятникам, по-видимому, относятся аганские селища Мохтикьёган 22 [Мызников, А–2007] и Егур-Ях 4 [Яковлев, 2006].

древние предки венгров, населявшие почти 500 лет западно-сибирскую лесостепь, не оставили никаких следов в культуре таежного населения Западной Сибири, а их влияние ограничивалось только пограничной южно-таежной зоной [Зыков, Федорова, 2001, с. 26–30, рис. 3–5].

По нашему убеждению, многие из последних высказываний слабо аргументированы. Об этом свидетельствует и тот факт, что в последней работе А.П. Зыкова, посвященной средневековым древностям Югры, версия заимствования приобским населением валикового декора от гуннов вообще не рассматривается. Наоборот, в ней приводятся аргументы томских исследователей в пользу миграционной теории генезиса желобчато-валикового декора на глиняной посуде таежного Приобья. Более того, археологом отмечается обязательное присутствие керамики III типа на карымских поселениях «вплоть до бассейна Конды на западе», а также ее быстрая трансформация — замена налпных валиков желобками, появление новых узоров из желобчатых арок и крестовидных фигур, а также объединение желобчатого орнамента с типичными местными гребенчатыми элементами декора. Все это, по его мнению, указывает на довольно быструю инкорпорацию мигрантов из Восточной Сибири в местную среду [Зыков, 2006, с. 114]. Кстати, в свое время о полной ассимиляции в Нижнем Приобье пришлого населения с желобчатой керамикой местным (с гребенчатой и фигурно-штампованной посудой) писал В.М. Морозов. Свидетельством этого, считал он, является «однородность карымской керамики IV–V веков н.э.» [Морозов и др., 1995, с. 10].

Что касается валикового и желобчатого орнамента на части западно-сибирской посуды начала средневековья, то он, безусловно, напоминает валиковый узор на бронзовых котлах хуннов (сюнну), гуннов и других кочевых народов евразийских степей конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. [Боковенко, 1981; Боковенко, Засецкая, 1993; Зыков, Федорова, 2001, рис. 5; Мартин, 2004, с. 104–105, табл. 25]. Хотя европейские котлы «гуннского типа» V в. имеют несколько иную форму и декор [Амброз, 1981, с. 17–18, рис. 4а, 1–3; 4б]. Бронзовые котлы и их обломки с рельефными валиками найдены в ряде мест таежного Приобья: у городища Потчеваш в Тюрковском предместье под г. Тобольском, на горе Кулайка, в Холмогорском «кладе», могильнике Агрньёган 1. Имеются они и в составе Томской «скифской коллекции» [Чернецов, Мошинская, 1954, с. 175; Мошинская, 1953, с. 202, рис. 5; Чиндина, 1991, с. 36, рис. 12; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 104, № 1139; Зыков, Федорова, 2001, с. 114–115, № 45; Перевалова, Карачаров, 2006, с. 70–71]. Эти изделия были произведены, по-видимому, во II в. до н.э. — I в. н.э. в ремесленных центрах Забайкалья и Тувы [Кызласов, 1979, с. 105; Зыков, Федорова, 2001, с. 115]. Уменьшенная копия котла с имитацией шнурового орнамента на тулове, явно местная отливка, найдена на р. Ляпин в Нижнем Приобье [Чернецов, 1953, с. 149, табл. IX, 7]. В Западной Сибири все эти предметы появились, по-видимому, еще в позднекулайское время, в общем потоке среднеазиатского, китайского, греческого, египетского, пьяноборского и иного импорта, а следовательно, не имеют никакого отношения к карымским древностям.

На наш взгляд, появление в таежном Приобье большого количества глиняной бытовой посуды с желобчато-валиковым декором нельзя объяснить только культурными и экономическими связями. Керамические горшки, неудобные для транспортировки и легко производимые в любом месте, где есть глина, это не бронзовые котлы — дорогие в тайге, престижные и сакральные вещи, и даже не их обломки, которые можно легко пустить на переплавку. Кроме того, трудно объяснить заимствование населением Западной Сибири в массовом порядке и на разных территориях абсолютно чуждого для него декора, отражающего иную, чем у него, религиозно-мифологическую картину мира, тем более без проникновения на север носителей этого орнамента. А главное — восприятия такой орнаментики от орд северных хунну (сюнну) и их потомков — гуннов — воинственных кочевников-изгоев, которые были выдворены с насиженных мест и вторглись в азиатские степи, частично — в западно-сибирскую лесостепь. Последнее нарушило систему торговых связей, четко функционировавшую в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. между таежным Приобьем и Средней Азией при посредничестве степного сакского и скифо-сарматского, лесостепного западно-сибирского и лесного приуральского населения. На громадных пространствах между Обью и Волгой, в отличие от Забайкалья, Южной Сибири, Тувы, с одной стороны, и юга Восточной Европы, с другой, гунны не оставили ничего *археологически осязаемого* — ни городищ, ни селищ, ни керамики, ни вещей. Четыре случайно обнаруженных погребения III–V вв. н.э. в западно-сибирской лесостепи, одно — в южно-уральской степи [Генинг, 1968, с. 140; Генинг, Стефанов, 1988, с. 8–9, рис. 2; Молодин, Чикишева, 1990; Егоров, 1993; Уманский, 1978; Зыков, Федорова, 2001, с. 23; Зыков, 2002; Боталов, Полушкин, 1996, с. 184,

рис. 8], несколько обломков котлов «гуннского типа» в приобской тайге и отдельных импортных украшений в Барабе, напоминающих хуннские забайкальские [Полосьмак, 1985, с. 10–17], а также память о переселениях северных гуннов на запад и их ставках в Юго-Западной Сибири, закреплённая в письменных источниках окружавших их народов,— вот все, что *реально* осталось от их пребывания на южной кромке Западной Сибири. По-видимому, данная территория мало интересовала гуннов и была для них неким «проходным коридором» на пути в богатую Европу.

Иное дело — граничившие на севере с гуннами в Восточной Сибири лесостепные и лесные общества. Скорее всего, переселения небольших групп охотников-рыболовов из южных областей Восточной Сибири в западно-сибирскую тайгу, где обитали потомки многочисленных племен кулайской КИО, все же имели место. Из Забайкалья носители валикового орнамента могли прийти в конце раннего железного века — начале средневековья в общем потоке с гуннами. Не менее вероятно, что они могли бежать от кочевников, продвигаясь чуть севернее, по лесным территориям. Их пути пролегли по Енисею и его притокам, Хакасско-Минусинской котловине, Верхнему Приобью и, возможно, Барабе и Иртышу. В одном из миграционных потоков резной «гуннский» декор попал на глиняные сосуды населения Тувы и предгорий Алтая. В Западной Сибири пришельцы шли практически по тем же водным дорогам, по которым в предыдущий период мигрировали в верховья Оби и Обь-Енисейское междуречье — на Вах, Кеть, Чулым и Бию, а также в Среднее Прииртышье — кулайские коллективы из Томско-Нарымского и Новосибирского Приобья. По тем же водным артериям была выстроена система юго-восточных торгово-обменных коммуникаций, в том числе путей поставки цветного металла и предметов из него в западно-сибирскую тайгу. Не исключено, что эта локальная миграция приобских рыболовов-охотников позднекулайского периода положила начало более тесным контактам населения обоих регионов. Обратным, более поздним переселением групп из Восточной Сибири на запад и северо-запад было обусловлено появление посуды с желобчато-валиковым декором в Томско-Нарымском Приобье и Среднем Прииртышье, а также формирование карымской керамики III типа в Сургутском и Нижнем Приобье. Это движение, разделявшееся на несколько потоков, являлось частью общего процесса континентальных миграций — Великого переселения народов II–IV вв. н.э., а также локальных подвижек и переселений следующего за ним «смутного» периода в истории Центральной Азии (IV — середина VI вв.). Последний был отмечен постоянными грабительскими набегами жужаней на своих соседей и войнами контролировавших Великий шелковый путь эфталитов с окружающими государствами и племенами.

Мы также можем предположить, что валиковый декор для украшения глиняной посуды мог быть заимствован от гуннов первоначально не западно-сибирским населением, а еще лесными и лесостепными племенами Забайкалья и Енисея. Впрочем, более вероятен обратный вариант: перенесения видоизмененного валикового орнамента, существовавшего здесь в неолите, эпоху бронзы и раннем железном веке, с глиняных горшков юга Восточной Сибири на гуннские бронзовые котлы. В любом случае именно из Восточной Сибири новый желобчато-валиковый декор был занесен в Западную Сибирь, в том числе в ходе миграционных потоков, направленных по границе леса и лесостепи параллельно путям основных миграций степных кочевников. Впоследствии *теоретически* только единичные глиняные сосуды с таким орнаментом могли попасть на удаленные территории низовьев Оби в ходе обменных операций, культурных и брачных связей. Впрочем, последнее также предполагает переселение на Тюменский Север отдельных носителей чуждой орнаментальной традиции.

Подводя итог, мы полагаем, что карымские сосуды I, II и IV типов продолжали линию развития позднекулайской посуды. В то время как керамика III карымского типа инородна и связана своим происхождением, скорее всего, с переселившимися на запад осколками обществ юга Восточной Сибири, смешавшимися с аборигенами таежного Приобья.

Отдельный сюжет исследования — находки в курганных могильниках южной периферии карымского ареала (Усть-Тара VII, Красноярка IV) высоких кринковидных сосудов с зауженной горловиной и фигурно-штампованным декором. В их культурной оценке мы солидарны с исследователями, которые считают данную керамику нетипичной для северной карымской и находят аналогии ей в кушнаренковской посуде Северной Башкирии. Более того, такие сосуды вызывают определенные саргатские ассоциации [Скандаков, Данченко, 1999, с. 168], а те, в свою очередь, среднеазиатские. Появление таких форм с карымским орнаментом в Среднем Прииртышье является следствием смешения лесостепных (саргатских) и таежных (карымских) гончар-

Карымская керамика таежного Приобья

ных традиций в условиях массовых миграций, происходивших в раннем железном веке и начале средневековья. На Южный Урал кринковидные сосуды попали, по-видимому, с саргатскими мигрантами — предками средневековых угров Урало-Поволжья и венгров Восточной Европы.

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, НИР № 1913, тема 008 «Археологические феномены Урала и Западной Сибири».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники⁴

Мызников С.А. Отчет о научно-исследовательской работе «Охранные археологические раскопки селища Мохтикьёган 22 в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского АО в 2007 году». Нефтеюганск, 2007 // Архив НПО «Северная археология-1».

Семаков Ю.В. Карымский этап обь-иртышской КИО в Сургутском Приобье: Материальная культура, генезис и исторические судьбы: Дипл. работа. Екатеринбург, 2003 // Архив УчМАЛ УрГПУ.

Литература

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 10–23. (Археология СССР с древнейших времен до до средневековья).

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: ТГУ, 1983. С. 118–123.

Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 42–52.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петерб. археол. вестн. СПб.: Фарн, 1993. № 3. С. 73–88.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: История изучения, хронология и территория распространения // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013а. № 1 (20). С. 34–46.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 2 (21). С. 45–55.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские могильники таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 2 (25). С. 64–70.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 178–193.

Генинг В.Ф. Работы в Среднем Прииртышье // АО 1967. М.: Наука, 1968. С. 139–140.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Работы Уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье // Источники и историография. Археология и история. Омск: ОмГУ, 1988. С. 4–18.

Говейлер Т.А. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX Урало-Поволж. археол. студ. конф. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 187–190.

Гордиенко А.В. Нижнее Притоболье в первой половине I тыс. до н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1 (20). С. 47–57.

Гриневич К.Э. Опыт классификации и датировка басандайской керамики // Басандайка. Томск: ТГУ, 1974. С. 145, 147.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 77–78.

Зыков А.П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 47–50.

Зыков А.П. Средневековье таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 109–124.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 168–178.

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 117–129.

⁴ Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора перед годом написания работы.

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). М.: МГУ, 1979. 208 с.
- Мандрыка П.В.* Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или К вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: ТГУ, 1997. С. 209–216.
- Мартин Ф.Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой под ред. А.Я. Труфанова; Комментар. А.С. Сопочиной и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. рабочий, 2004. 144 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 155–158.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.* Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 161–179.
- Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т.* Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.
- Мошинская В.И.* Городище и курганы Потчеваш: (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. 1953. № 35. С. 189–220.
- Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А.* Археологическая карта Томской области. Томск: ТГУ, 1993. Т. II. 208 с.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Графо, 2006. 352 с.
- Полосьмак Н.В.* Культура населения Западной Барабы в скифо-сарматское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртыше // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Ежегодн. Омск: ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.
- Уманский А.Г.* Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.
- Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П.* Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 229–248.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008а. 224 с.
- Чемякин Ю.П.* Древности карымского времени в бассейне Большого Югана // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008б. С. 219–223.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.
- Чернецов В.Н.* Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35. С. 121–178.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И.* В поисках древней прародины угорских народов // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 163–192.
- Чиндина Л.А.* Могильник Релка на Средней Оби. Томск: ТГУ, 1977. 193 с.
- Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: ТГУ, 1991. 181 с.
- Чиндина Л.А., Балакин Ю.В.* Поселения Круглое озеро I и II // ИИС. Томск: ТГУ, 1976. Вып. 19. С. 45–64.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И.* Археологическая карта Томской области. Томск: ТГУ, 1990. Т. I. 340 с.
- Яковлев Я.А.* Селище Егур-Ях 4 — новый средневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 185–204.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
victor.borzunov@urfu.ru
yury-che@yandex.ru

The article gives a description of four types of the Karym pottery. Three of them (I, II, IV) keep on a development trend of the local Kulaj dishes, while one of those (III) being probably connected with the penetration of hunters-fishermen groups from East Siberia into the taiga Low Ob' basin. The paper established the difference between the pottery from the north and south Karym territories. The specificity of the Karym materials from the south taiga zone was due to influence upon the migrants from the north by the culture of the local forest-steppe population.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, the Karym stage, pottery.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА В XVII в. (по материалам археологических исследований)¹

И.В. Балюнов

Сельское хозяйство играло важную роль в жизнеобеспечении русских переселенцев в Западной Сибири. В статье предпринята попытка на основе материалов археологических исследований г. Тобольска охарактеризовать условия становления и развития животноводства, земледелия и мукомольного производства в XVII в. Использование новых данных позволило выявить некоторые особенности социально-экономической жизни древней сибирской столицы.

Тобольск, XVII в., сельское хозяйство, животноводство, земледелие, коса-горбуша, соха, жернова.

Развитие сельского хозяйства в тобольских землях XVII в. на основе письменных источников достаточно полно освещено в трудах П.Н. Буцинского [1999], С.В. Бахрушина [1955], В.И. Шункова [1956], О.Н. Вилкова [1990], Н.А. Балюк [1997] и др. Описаны процессы заселения территории, становления земледельческих поселений, формирования местного хлебопроизводящего региона и хлебного рынка и множество других аспектов социально-экономической жизни края. Вместе с тем традиционно исследователи уделяли внимание Тобольску прежде всего как административному центру, отдельно же сельскохозяйственные занятия жителей города не становились объектом изучения. В частности, остается невыясненным, насколько были развиты различные отрасли хозяйственной жизни в соотношении друг с другом. Материалы письменных источников не позволяют установить точно видовой состав домашних животных, описать хозяйственные постройки для их содержания, охарактеризовать сельскохозяйственный инвентарь и оборудование мукомольного производства.

В настоящей работе вводятся в научный оборот материалы археологических исследований культурного слоя Тобольска и на их основе описываются некоторые сельскохозяйственные занятия жителей города в XVII в. Впервые напластования этого времени были исследованы в 2000 г. раскопками А.А. Адамова на месте строительства иконной лавки в Тобольском кремле. В последующем, с 2003 по 2008 г., большие по объему работы, направленные на изучение культурного слоя г. Тобольска, выполнялись совместно А.А. Адамовым, И.В. Балюновым и П.Г. Даниловым. Таким образом, накоплен значительный научный материал, который и послужил источниковой базой для освещения выбранной нами темы. Учет и использование неопубликованных археологических источников определяют научную новизну настоящей статьи. Кроме этого, результаты раскопок позволили подтвердить, уточнить и конкретизировать данные, представленные в работах наших предшественников. В целом археологические материалы, дополненные письменными и картографическими источниками, дают возможность достаточно полно охарактеризовать сельскохозяйственную деятельность тоболяков в XVII в.

Культурный слой города содержит значительное количество костей домашних животных. Судить о видовом составе можно на основании изучения остеологических материалов (определение сделано П.А. Косинцевым²), собранных при раскопках 2000 г. на месте строительства иконной лавки (табл.). Необходимо заметить, что раскоп находится на территории Софийского собора, где уже в начале XVIII в. активная хозяйственная жизнь практически полностью прекратилась, по этой причине основная часть находок относится к концу XVI — XVII в.

Из приведенных данных видно, что в пищу употребляли прежде всего мясо крупного рогатого скота. Соответственно второе и третье место с незначительным отрывом друг от друга занимают свинья и мелкий рогатый скот. Согласно определению, в составе костных останков птиц присутствуют принадлежавшие домашним курам и гусям. На коневодство указывают не

¹ Исследование проведено за счет гранта РФ (проект № 14-28-00045).

² Автор статьи приносит глубокую благодарность П.А. Косинцеву, сделавшему определение остеологического материала.

только письменные источники, но и археологические находки предметов конского снаряжения: железные двухзвенные удила, подковы (рис. 1, 4, 5). Очевидно, малое количество костей лошади объясняется тем, что традиционно русское население конину в пищу не употребляло. Эти данные в основном совпадают с материалами, опубликованными Н.А. Пластеевой [2011, табл. 2].

Видовой состав животных по костным останкам из раскопа 2000 г.

	Количество	%
Крупный рогатый скот	574/12*	67,8
Мелкий рогатый скот	32/5	3,8
Свинья	54/9	6,4
Лошадь	6/1	0,7
Лось	5/2	0,6
Птица	14	1,7
Неопределимые	161	19

*В знаменателе — минимальное количество особей, рассчитанное по максимальному количеству одноименных элементов скелета.

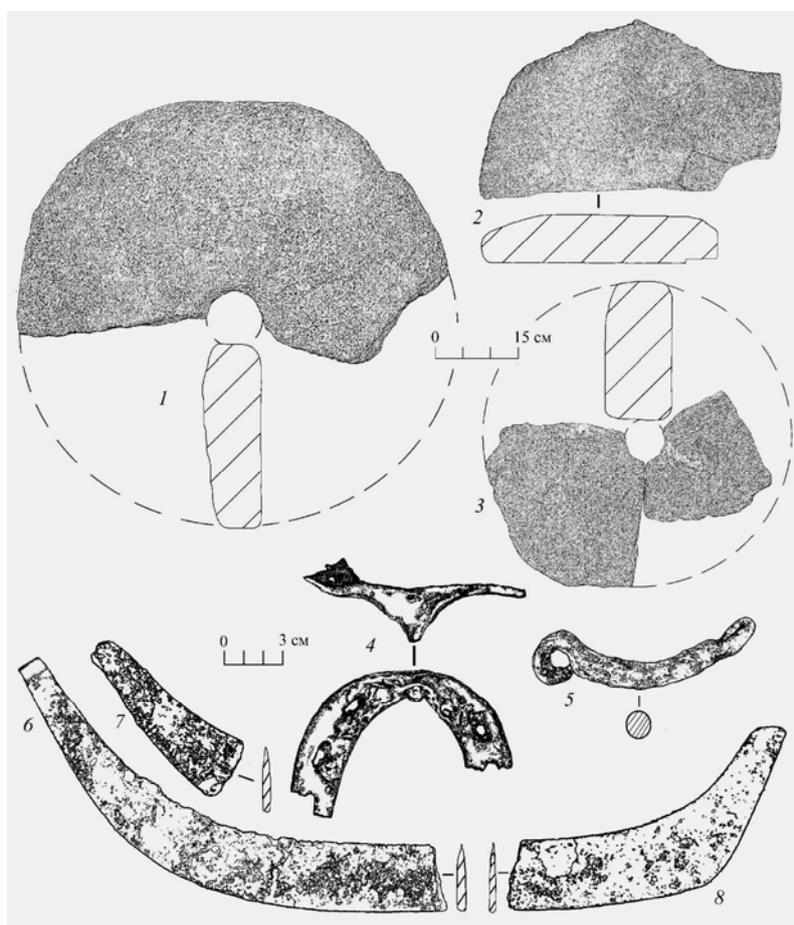

Рис. 1. Находки с территории Тобольского кремля: 1–3 — обломки жерновов; 4 — подкова; 5 — удила; 6–8 — косы-горбуши: 1–3 — камень; 4–8 — железо.

В целом, насколько можно судить, в процентном отношении костные останки, собранные при раскопках 2000 г., близки по составу остеологическим материалам XVII в. из Верхотурья и Томского кремля [Бачура, Подопрigора, 2000, с. 458; Косинцев, Черная, 2000, с. 488]. Очевидно, что русское население на обширной территории Западной Сибири в зоне умеренного климата имело во многом схожую структуру питания.

Приведенные данные, вероятно, отражают и степень развитости отдельных отраслей животноводства. Видовой состав домашних животных подтверждают некоторые сведения, приведенные С.В. Бахрушиным при описании деятельности тобольского воеводы П.И. Годунова. Воеводой на пеших казаков и крестьян была возложена обязанность «в остроге по улицам собирать пропащую скотину, кобыл и коров, и телят, и свиней, и собак мертвых» [Бахрушин, 1955, с. 285]. Собаки, чьи кости по понятным причинам в раскопе не представлены, жителями города могли использоваться и как сторожевые, и на охоте.

Еще одним доказательством развитого животноводства является присутствие в культурном слое города большого количества навоза, мощность которого составляет иногда более 1 м. Его достаточно часто использовали для засыпки старых ям и рвов. Самый яркий пример — оборонительный ров первой четверти XVII в., обнаруженный при археологических исследованиях на территории Тобольского кремля. Ров при глубине 1,5 м от поверхности материка и ширине около 3,5 м, после того как в нем исчезла необходимость, был за достаточно короткое время засыпан навозом. Это наблюдение хорошо согласуется с поздними свидетельствами о том, что сибирское крестьянство, обладая значительным поголовьем скота, не применяло навоз как удобрение вплоть до второй половины XIX в. [Туров, 1997, с. 143].

В культурном слое Тобольска обнаружены фрагменты шести кос-горбуш (рис. 1, 6–8). Все находки представлены обломками, по которым достаточно сложно судить об их типовой принадлежности. Длину полотна, а соответственно и высоту изгиба лезвия установить достоверно невозможно. Ширина полотна составляет около 3,5–3,8 см, что сближает их с новгородским экземпляром, и по этим параметрам тобольские находки близки к северному типу кос-горбуш. Он отличается от южного типа более длинным и узким полотном и более значительным изгибом лезвия [Чернецов и др., 1985, с. 225]. Такое определение тобольских находок хорошо согласуется с уже устоявшимся мнением о том, что сибирские земли заселялись прежде всего выходцами с территории Русского Севера.

В переписной книге 1625 г. в списке имущества Архиерейского дома упоминаются «сорок три косы горбушы да литовка» [Тобольский архиерейский дом..., 1994, с. 57]. Судя по этому документу, орудия более совершенного вида в XVII в. использовались сравнительно редко. Следует заметить, что в Европейской России косы-горбуши с первой половины XVII в. вытесняются косами-литовками [Векслер, Двуреченский, 2000, с. 177]. Очевидно, в Сибири этот процесс начался позднее. Упомянутая в списке имущества Архиерейского дома «литовка» вряд ли была изготовлена тобольским кузнецом, и в таможенных книгах 70-х гг. XVII в. в привозе значатся только «горбуши» [Таможенные книги..., 2003, с. 85, 103 и др.]. Согласно свидетельствам XIX в., в Западной Сибири при сенозаготовке значительно более производительные косы-литовки часто не использовались: неровности лугов того не позволяли [Туров, 1997, с. 142]. Местные крестьяне не применяли никаких способов улучшения покосов, а косами-горбушами было удобнее окашивать неровные и частично заросшие кустарником участки.

Такие орудия труда как, косы-горбуши, использовались в первую очередь в животноводстве при заготовке кормов. В связи с вышесказанным уместно привести фрагмент «Истории о Сибири», составленной иностранным путешественником во второй половине XVII в. Автор выделяет три географических пояса, каждому из которых дает краткую характеристику. Отдельно рассказывает о занятиях сельским хозяйством в среднем поясе, к которому, согласно описанию, относится Тобольский край. «Сенокос здесь производится также особенным способом. Туземцы употребляют косы короче и легче, чем наши земляки, с загнутою назад рукояткою, так что косу можно двигать в обе стороны. Таким образом косцу ни разу не приходится даром взмахивать косяю: при каждом взмахе, вправо или влево, ударом своей косы он срезывает траву» [Титов, 1890, с. 172].

При археологических исследованиях на территории Софийского двора Тобольского кремля были изучены остатки нескольких полуземляночных построек XVII в., которые, очевидно, использовались для содержания скота.

Во время археологических исследований на месте строительства иконной лавки в 2000 г. был выявлен котлован полуземляночной постройки размером 2,9×3,7 м, глубина которого от уровня погребенной почвы составляла не менее 1,4 м (рис. 2, 1, 2). В северо-западном углу котлована прослежен вход округлой формы размером 64×50 см. Для спуска в сооружение служили две вырезанные в материке ступеньки. Верхняя ступенька углублена в материк на 20 см, нижняя — на 31 см.

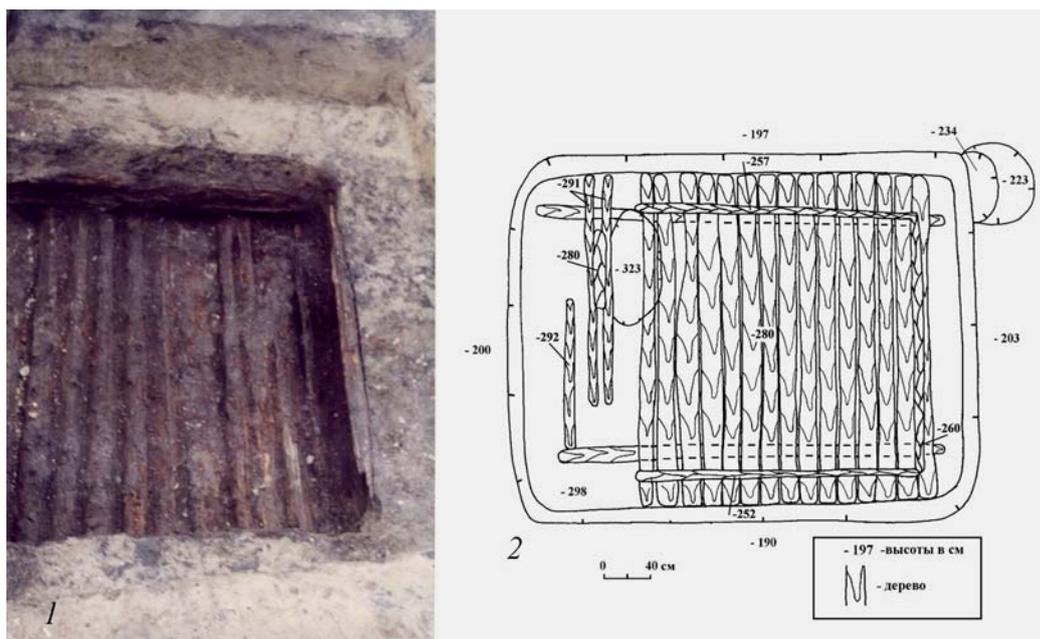

Рис. 2. Остатки хозяйственной постройки. Фото (1) и план (2).

В котловане полуземлянки сохранились остатки деревянного сооружения, по которым его можно реконструировать. Первоначально на дно выкопанного котлована поместили две жерди. На них во всю ширину котлована были положены тонкие бревна. Всего насчитывалось 18 бревен. Получившийся достаточно неровным пол (так как бревна с лицевой стороны не стесаны) был выровнен материковым суглинком. На деревянный настил поставили прямоугольный сруб. Из-за плохой сохранности точно определить, из чего был сложен сруб и каким образом доски или жерди крепились в его углах, не представляется возможным. Сруб сохранился на высоту до 28 см от дна деревянного пола. Размеры помещения внутри сруба 2,18×2,6 м. Пространство между материковыми стенками котлована и стенками сруба было засыпано материковым суглинком, смешанным с остатками погребенной почвы.

Коричневым суглинком, густо насыщенным перегноем, было заполнено пространство и внутри сруба. Кроме того, здесь прослеживались линзы мешаного, темно-серого с желтым, суглинка. Наличие в срубе толстого слоя перегнившего навоза, отсутствие печи позволяют уверенно отнести полуземлянку к хозяйственным постройкам для содержания скота. Неширокий вход (0,64 м) свидетельствует, что здесь содержались небольшие животные: свиньи, овцы, домашняя птица. В заполнении постройки найдено несколько фрагментов керамики и костей животных.

При археологических исследованиях 2005 г. в траншее, заложенной в непосредственной близости от раскопа 2000 г., также был выявлен котлован хозяйственной постройки. Данный объект исследован частично, поскольку в раскопанную площадь попал только угол котлована. В плане его известные размеры составляют около 1,5×2,1 м. Средняя глубина ямы от уровня материка около 1,5 м. Основным заполнением котлована являются материковый выкид и желтый суглинок, мешанный с серым суглинком, мощность которых достигает 1,2 м. Ниже выявлен слой плохо перегнившего навоза толщиной около 0,2 м. При зачистке было установлено, что этот слой в плане имеет четкие контуры, которые образуют прямой угол параллельно нижней границе котлована. Деревянные детали не выявлены; можно считать, что они не сохранились. Находок немного, они представлены фрагментами гончарной керамики и обломками костей животных. Все эти обстоятельства позволяют считать, что постройка, часть которой была обнаружена в траншее, не являлась жилым сооружением. Объект, судя по всему, можно определить как остатки прямоугольной в плане полуземлянки, предназначавшейся для содержания домашних животных, о чем свидетельствует прослойка навоза, зафиксированная в заполнении.

Сопоставление археологических и картографических материалов позволяет утверждать, что, например, сразу за земляным валом 1688 г. — северной границей города в XVII в. начина-

лись так называемые выгонные земли — пастбища, которые использовались горожанами еще в XIX в. На плане города 1701 г., составленном С.У. Ремезовым, этот участок обозначен как «скотской выпуск». Другое место для «выпуска скота» находилось в нижнем городе за речкой Монастыркой на Князьем лугу [Чертежная книга Сибири..., 1882]. Археологические материалы являются еще одним подтверждением, что животноводство получило распространение не только в сельской местности, но и в самом Тобольске. Очевидно, что оно во многом формировало необходимую сырьевую базу кожевенного и косторезного производства.

Тобольск был центром крупного земледельческого района Западной Сибири в XVII в., о чем свидетельствуют данные письменных источников. Оказавшись на территории, прилегающей к пойме Иртыша, русское население начинает активно обрабатывать землю, и рядом с Тобольским острогом возникает множество сельских поселений. Таким образом, формируется комплекс населенных пунктов, объединенных административными, экономическими и культурными связями.

Основные пахотные угодья жителей Тобольска находились в окрестностях города в близ расположенных деревнях. Ближайшие к городу пахотные земли, на горе за речкой Курдюмкой, принадлежали Архиерейскому дому, но в переписных книгах 1625 г. они охарактеризованы как «порожные» [Тобольский архиерейский дом..., 1994, с. 67]. И наоборот, согласно плану Тобольска 1701 г., за рекой на левом берегу Иртыша находились обширные сенокосы [Чертежная книга Сибири..., 1882]. По письменным источникам, уже в 20-е гг. XVII в. в окрестностях города существовало значительное количество деревень, жители которых активно занимались животноводством и земледелием [Земледельческое хозяйство..., 2001, с. 19–75]. По мнению О.Н. Вилкова, в XVII в. «...тобольское земледелие сделало такие значительные успехи, что могло обеспечить местный спрос, а излишки направить на соседние рынки Сибири» [1967, с. 121].

Ведущее значение имело выращивание злаковых культур: ржи, овса, ячменя [Тобольский архиерейский дом..., 1994, с. 55]. Из земледельческих орудий, ввозимых в Тобольск, в письменных источниках упоминаются сохи-ральники и сошники с железом [Вилков, 1967, с. 121]. Иностраный путешественник, описывая в «Истории о Сибири» средний пояс, указывает: «...Пояс этот богат произрастаниями земли, и земледелие в нем в высшей степени облегчено: земля вовсе не нуждается в удобрении навозом. Поселянин гонит перед собою лошадь, запряженную в самую легкую соху, и сам в то же время направляет борозды; делается это почти на бегу, так как здесь не бороздят земли глубже, чем на три пальца». Очевидно, что в сельскохозяйственных окрестностях сибирской столицы плужный лемех не был распространен, это обуславливалось как следствием определенными культурными традициями, так и экономическими причинами. Сошная обработка земли была характерна для северной части Европейской России, и, как считается, выходцы именно с этих территорий активно участвовали в русской колонизации Сибири. В Прииртышье не было земельной тесноты и, как следствие, старопахотных почв. Соха была дешевле плуга, и для ее эксплуатации требовалась одна лошадь [Чернецов и др., 1985, с. 224]. Эти выводы хорошо согласуются со сведениями уже процитированной нами «Истории о Сибири», где иностранный путешественник прямо указывает на использование «легкой» сохи [Титов, 1890, с. 172].

Сбор урожая осуществлялся преимущественно серпами, о чем свидетельствует описание имущества Архиерейского дома, где значилось «двадцать четыре серпа» [Тобольский архиерейский дом..., 1994, с. 57].

Отсутствие находок серпов и пашенных орудий в культурном слое Тобольска конца XVI — XVII в. свидетельствует, что в самом городе и даже непосредственно рядом с его границами пашенным земледелием фактически не занимались.

Зерно перерабатывали в муку на ручных жерновах в домашних условиях. В списке товаров, составленном О.Н. Вилковым, среди каменных изделий, ввезенных в город в 30–40-е гг. XVII в., упоминаются и «жернова руководные» [1967, с. 109]. Обломок такого жернова обнаружен в заполнении подпольного погреба жилого дома XVII в. К сожалению, по небольшому фрагменту невозможно установить точные размеры и конструктивные особенности изделия. Кроме Тобольска находки жерновов известны в археологических коллекциях Албазинского острога [Артемьев, 1999, рис. 85, 4], поселения Изюк I [Татауров, 2000, с. 422] и Усть-Тартасского форпоста [Колонцов, Воробьев, 2001, с. 154, рис. 1, 10].

Вероятно, крупное мукомольное производство появляется в городе несколько позднее — в начале XVIII в. Вместе с тем из переписных книг 1625 и 1636 гг. известно, что в окрестностях

Тобольска на р. Шанталык находилась мельница «колесная на ходу», принадлежавшая Архиепископскому дому. В мельничном амбаре «мелют одне жорновы, да двои жорновы запасные мелнишные» [Тобольский архиепископский дом..., 1994, с. 67, 118].

Представление об этих предметах мы можем составить на основе находок в кладке фундамента соборной ризницы (построена во второй половине XVIII в.). Нижняя опора здания выложена из каменных плит, скрепленных известковым раствором, в числе которых оказались и износившиеся мельничные жернова, примененные вторично в качестве строительного материала (рис. 1, 1–3). Предварительно можно предположить, что ими перетирали зерно в период с 20-х гг. XVII в. (время создания тобольской епархии) до второй половины XVIII в. Датировка этих находок в более узких временных границах затруднена, поскольку нельзя сказать точно, какой срок потребовался для того, чтобы каменные диски изнашивались, и сколько после этого прошло времени, прежде чем их использовали для закладки фундамента ризницы.

Ни один из камней жерновов не сохранился полностью. Всего насчитывается 10 фрагментов, которые принадлежали предположительно 6 каменным дискам. Поскольку эти изделия редко имеют правильную геометрическую форму, их размеры реконструируются приблизительно.

Найденные камни можно разделить по размерам на две группы: большие, с диаметром диска 76–90 см (рис. 1, 1, 2), и малые, с диаметром диска 48–56 см (рис. 1, 3). Высота камней от 7 до 14 см. За счет такой толщины камни имеют значительный вес и, очевидно, могли принадлежать только мельничным жерновам. Рабочая поверхность камней плоская, внешняя поверхность неровная, обработана плохо. На двух образцах видны сильно сработанные борозды, служившие для растирания зерна. Достаточно сложно по найденным образцам соотнести пары и определить, какой из камней является поставом, а какой бегунком. Диаметр центрального отверстия для установки оси (из-за сильной сработанности дисков) определяется приблизительно и может составлять от 7 до 14 см. Только у двух дисков видны характерные прорезы, служившие для установки прохлицы — упорного подшипника, которым верхний камень опирался на ось. У камня радиусом около 90 см прорезь имеет размер 8х6 см при глубине 2 см. У камня размером около 50 см прорезь размером 7х6 см, глубиной около 3 см. Безусловно, эти два экземпляра можно определить как бегунки.

Очевидно, жернова в ранний период истории города были разнообразны, на что указывают размеры учтенных нами экземпляров. Вероятно, ввозились уже готовые жернова, поскольку нет свидетельств об их изготовлении в самом городе. Тобольские находки подтверждают, что мукомольное производство в Западной Сибири начало развиваться уже в XVII в. Этот вывод подкрепляется данными письменных источников, согласно которым, например, в Тюмени и уезде в указанный период действовало несколько мельниц [Тюмень в XVII столетии..., 2004, с. 48–49, 73]. Наличие в окрестностях Тобольска «колесчатой» мельницы может свидетельствовать, что мукомольное производство в крае приобрело товарный характер [Вилков, 1990, с. 290].

Совокупность всех вышеприведенных данных позволяет дать общую характеристику сельскохозяйственных занятий жителей Тобольска в XVII в. Основным видом животноводства являлось разведение крупного рогатого скота, в меньшей степени в городе занимались свиноводством, разведением мелкого рогатого скота и птицеводством. Для содержания домашних животных использовались полуземлянки. Кормовая база включала в себя сенокосы, расположенные на левом берегу Иртыша, и пастбища, вплотную примыкавшие к границам города. Для заготовки кормов применяли косы-горбушы. Важную роль в обеспечении Тобольска играли сельскохозяйственные окрестности. Население города, состоявшее в значительной степени из служилых людей, ремесленников и торговцев, часто земледелием не занималось вообще, получая необходимые продукты питания из окрестных деревень. Часть жителей Тобольска имели выгонные земли далеко за чертой города. В земледелии отсутствовала практика специального удобрения почвы, для ее обработки использовалась соха, перенятая, очевидно, из Европейской России. С сельским хозяйством было тесно связано мукомольное производство, которое получило развитие еще в XVII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артемов А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 336 с.

Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI — XIX вв. Тобольск: ТГИАМЗ, 1997. 224 с.

Сельскохозяйственные занятия жителей города Тобольска в XVII в. ...

Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // С.В. Бахрушин. Науч. тр. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. С. 252–296.

Бачура О.П., Подопригора И.Н. Некоторые особенности питания русского населения городов северного Урала (XVII–XX вв.) // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 457–460.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // П.Н. Буцинский Соч.: В 2 т. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1. 328 с.

Векслер А.Г., Двуреченский О.В. Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII века на Китай-городском подворье Троицко-Сергиева монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3: Труды истории и города Москвы. Вып. 10. М.: Музей истории г. Москвы, 2000. С. 166–181.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.

Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.

Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII — начале XVIII в.: Сб. архивных источников / Сост. Н.А. Балюк. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. 184 с.

Колонцов С.В., Воробьев А.А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 154–158.

Косинцев П.А., Черная М.П. Костные остатки животных из Томского кремля // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 488–492.

Пластеева Н.А. Костные остатки животных из раскопок верхнего посада Тобольска // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 231–234.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 5: Тобольск, Кетск / Авт.-сост.: Д.В. Раев, И.Р. Соколовский; Гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. 216 с.

Татауров С.Ф. Хозяйственные занятия русских Среднего Прииртышья (XVII–XIX вв.) // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 418–420.

Титов А. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землям. М., 1890. 253 с.

Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994. 292 с. (История Сибири: Первоисточники; Вып. IV).

Туров С.В. К вопросу об экологических аспектах сельского хозяйства Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 141–148.

Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с введением и заключительной статьей прив.-доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.» с приложением плана старинной Тюмени и двух видов Благовещенского собора начала XVII. / Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и К°, 2004. 200 с.

Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова Н.А. Земледелие и промыслы // Археология СССР. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 219–242.

Чертежная книга Сибири (составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году). СПб., 1882.

Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.

Тобольск, ТГИАМЗ
balyunoff@mail.ru

Agriculture played an important role in the sustainment of the Russian migrants in West Siberia. Basing on materials of archaeological investigations from Tobolsk, the article attempts to describe the conditions of rise and development of animal husbandry, crop farming and flour milling in XVII c. Using new data allowed to clarify certain details in the social and economic life of the ancient Siberian capital.

Tobolsk, XVII c., agriculture, animal husbandry, crop farming, crooked scythe, wooden plow, millstones.

АНТРОПОЛОГИЯ

ВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ ХРОНИЧЕСКОГО ОСТЕОМИЕЛИТА НА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ¹

В.В. Куфтерин*, А.А. Евтеев**, Ю.А. Никифоровский***, С.И. Четвериков****

Представлены результаты палеопатологического исследования скелета (женщина, 16–18/20 лет) золотоордынского времени из Болдыревского грунтового могильника (Саратовское Поволжье). На основе патоморфологического и рентгенологического изучения образцов, а также дифференциальной диагностики предложен диагноз — неспецифический остеомиелит бедра в хронической форме. Описанный случай можно считать типичным как по локализации, так и по морфологии патологических изменений.

Золотая Орда, Саратовское Поволжье, Болдыревский грунтовой могильник, палеопатология, дифференциальная диагностика, хронический остеомиелит.

Введение

Под остеомиелитом понимается инфекционный воспалительный процесс, поражающий костный мозг и переходящий на все элементы кости и окружающих мягких тканей [Семизоров, Шахов, 2002]. Поскольку изолированное воспаление костного мозга наблюдается редко (в процесс обычно включаются компакта и надкостница), фактически фиксируется триада, представляющая собой периостит, остит и остеомиелит в узком смысле слова [Руфанов, 1953]. По этиологии различают специфический (туберкулезный, бруцеллезный, сифилитический и др.) и неспецифический остеомиелит, по течению — первично-хронический (атипичный) и острый (типичный) остеомиелиты. К атипичным формам заболевания относят склерозирующий остеомиелит Гарре, кортикалит, внутрикостный абсцесс Броди и альбуминозный остеомиелит. Острый остеомиелит возникает гематогенным (метастазы инфекции) или негематогенным (повреждение мягких тканей, костей, суставов, их острое или хроническое воспаление) путем. Гематогенный остеомиелит включает в себя острую, подострую и хроническую фазы [Рейнберг, 1955; Рубашева, 1961; Руфанов, 1953; Семизоров, Шахов, 2002; Forrester, Kilcoyne, 2005; Lew, Waldvogel, 1997; Sia, Verbari, 2006; Waldvogel et al., 1970]. Основным возбудителем остеомиелитического процесса является золотистый стафилококк (*Staphylococcus aureus*), на долю которого приходится 61–90 % случаев заболевания [Dich et al., 1975; Ortner, 2003]. Реже (около 10 %) встречаются остеомиелиты вызванные стрептококками, протееями и другими микроорганизмами [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998].

Воспалительным заболеваниям скелетной системы, в частности остеомиелиту, уделяется значительное внимание в сводных медицинских и палеопатологических работах [Рейнберг, 1955, с. 215–235; Рохлин, 1965, с. 88–93; Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998, р. 172–181; Forrester, Kilcoyne, 2005; Ortner, 2003, р. 181–206; Ortner, 2008; Resnick, Niwayama, 1995, р. 2325–2418; Roberts, Manchester, 2005, р. 168–172; Waldron, 2009, р. 84–89]. В палеопатологии выработан ряд диагностических критериев, позволяющих отличать формы остеомиелита друг от друга и от других патологических процессов [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998, р. 179; Ortner, 2008; Prejzner, Gładkowska-Rzeczyńska, 1997]. Главными патогномичными признаками остеомиелита являются наличие клоак, секвестров и «костного кармана» (инволюкрум) [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Ortner, 2003]. Отсутствие какого-либо из перечисленных признаков существенно затрудняет однозначную палеопатологическую диагностику заболевания. При этом не стоит забывать, что даже в клиническом контексте дифференциация остита и остеомиелита «может быть очень трудна» (“can be extremely difficult”); кроме того, «рентгенография, как правило, не в состоянии установить точную степень поражения (гнойный периостит, остит или остеомиелит)» (“ra-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 12-31-01246.

diography is usually unable to delineate the precise extent of the infection (suppurative periostitis, osteitis, or osteomyelitis)" [Resnick, Niwayama, 1995, p. 2326].

Несмотря на то что остеомиелит, казалось бы, должен представлять собой достаточно обычную палеопатологическую находку [Ortner, 2003, p. 195], исследований, посвященных распространению этой патологии у древнего населения или ее диагностике на палеоматериале, немного (Cressman, Larsell, 1945; Hooton, 1930; Wood-Jones, 1910. Цит. по: [Ortner, 2003]). Среди более поздних сообщений: [Canci et al., 1991; Černý, Štukavec, 1993; Flensburg et al., 2013; Jozsa, Farkas, 2004; Marcsik, Olah, 1991]. Для территории бывшего СССР специальные работы по палеопатологической диагностике остеомиелита, за редким исключением [Медникова, 2009; Mednikova, 1999], отсутствуют и сведения об этом заболевании представлены в основном в обобщающих сводках [Бобин, 1964; Дэрумс, 1963; Рохлин, 1965; Слепченко, Татаурова, 2012].

В настоящей работе представлены результаты исследования скелетных останков индивида с вероятным проявлением хронического остеомиелита, происходящих с территории Саратовского Поволжья.

Материал и методы исследования

Материал получен в результате археологических работ экспедиции Саратовского государственного университета на Болдыревском грунтовом могильнике золотоордынского времени в 1990 г. Памятник расположен в 0,9 км к северо-западу от п. Комсомольский на южной окраине г. Саратова, в 0,5 км к северо-западу от п. Тепличный (бывшее с. Болдыревка), на II террасе левого берега р. Увековки [Касанкин, 1990]. Болдыревский некрополь представляет собой один из грунтовых могильников, локализованных в округе Увековского городища (остатки золотоордынского Уека) — крупного городского центра Нижнего Поволжья [Недашковский, 2010]. По данным авторов раскопок, захоронения Болдыревского могильника могут быть датированы XIV в. Обсуждаемые скелетные останки происходят из погребения 42. Могильная яма имела прямоугольную форму и размеры 1,8×0,41×0,05–0,12 м. На дне был обнаружен скелет человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на СЗ. Правая рука согнута в локтевом суставе (кисть находилась в области таза), левая вытянута вдоль тела. Ноги вытянуты по продольной оси могильной ямы. Часть скелета уничтожена при работе строительной техники. Погребальный инвентарь отсутствует [Касанкин, 1990].

Скелетные останки из погребения 42 плохой комплектности, представлены парными бедренными костями (левая — с выраженными патологическими изменениями), правым надколенником и правыми большой и малой берцовой. Сохранность костной ткани хорошая. Определение пола осуществлялось на основе метрических признаков имеющихся скелетных элементов с использованием одно- и многомерных дискриминантных диагностических моделей для целых костей и их фрагментов [Звягин, 2000; Синева, 2013]. Возраст устанавливался с учетом сроков синостозирования скелета нижних конечностей [Пашкова, 1963; Scheuer, Black, 2000, 2004]. Измерения костей посткраниального скелета производились по системе Р. Мартина [Алексеев, 1966]. При описании и диагностике патологических изменений использовались морфологический (макроскопический) метод и рентгенография. Рентгеносъемка проводилась на аппарате Siemens Multix PRO AG на базе МУ «Поликлиника № 44» г. Уфы, с учетом рекомендаций, принятых в практике биоархеологических исследований [Медникова, 1998]. Дифференциальная диагностика осуществлялась с опорой на критерии, приведенные в палеопатологической [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Ortner, 2003, 2008; Prejzner, Gladykowska-Rzeczycka, 1997] и медицинской [Бургенер и др., 2011; Рейнберг, 1955; Рубашева, 1961] литературе.

Результаты

Диагностика пола с использованием одномерной дискриминантной модели (табл. 1) позволила определить, что один признак попадает в достоверно женский, семь — в вероятно женский и четыре — в неопределенный интервал оценочных шкал. Такая «раскладка» признаков дает возможность судить о принадлежности исследуемых останков лицу женского пола практически достоверно (85,6 %) [Звягин, 2000; Синева, 2013]. Для контроля результата было решено воспользоваться многомерной дискриминантной моделью, обладающей более высокой точностью и достаточно эффективной даже при меньшем наборе признаков [Звягин, 2000, с. 275]. По дискриминантной функции для надколенника (DF 16) получена величина -1,150 (центроиды: муж. = 0,637; жен. = -0,791). Такое значение также свидетельствует в пользу женского пола погребенного (точность определения 77,48 %) [Звягин, 2000].

**Определение половой принадлежности скелета из погребения 42
по данным одномерного дискриминантного анализа (ОДА)**

Признак	Параметр, мм	Пол
Бедренная кость*		
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	25	Вероятно ♀
7. Ширина середины диафиза	21	Достоверно ♀
9. Верхняя ширина диафиза	27	Вероятно ♀
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	22	Вероятно ♀
18. Вертикальный диаметр головки	43	Вероятно ♀
Надколенная чашечка		
1. Наибольшая высота	38,8	Не определен
2. Наибольшая ширина	39,5	Не определен
Большая берцовая кость		
6. Ширина нижнего эпифиза	44	Не определен
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	23,4	Вероятно ♀
8а. Сагиттальный диаметр диафиза на уровне питательного отверстия	29	Вероятно ♀
9. Ширина середины диафиза	19,8	Вероятно ♀
9а. Ширина диафиза на уровне питательного отверстия	23,5	Не определен

* Интервалы оценочных шкал для бедренной и большеберцовой костей приводятся по диагностической модели И.М. Синевой [2013], для признаков надколенной чашечки — по модели В.Н. Звягина [2000].

При определении возраста использовались данные по правой бедренной и большой берцовой костям. Не синостозированы дистальный эпифиз и малый вертел бедра, проксимальный эпифиз большеберцовой кости (балл 0 по шкале МакКерна и Стюарта) [McKern, Stewart, 1957]. Наступили синостозы большого вертела и головки бедренной кости (баллы 1–2), дистального эпифиза большой берцовой (баллы 2–3). Возраст исследуемого субъекта, по всей видимости, может быть установлен в интервале 16–18/20 лет [Пашкова, 1963, с. 70].

Рис. 1. Правая (нормальная) и левая (патологически измененная) бедренные кости скелета из погребения 42. Фото В.В. Куфтерина.

Макроскопическое обследование скелетных элементов позволяет отметить, что в патологический процесс вовлечена только левая бедренная кость. На правом бедре и костях правой голени следы патологических изменений визуально не фиксируются. Левое бедро деформировано, укорочено (табл. 2, рис. 1). Укорочение составляет величину приблизительно 7,9 см, что, по-видимому, обусловлено распространением деструктивного процесса на дистальную эпиметафизарную зону и ранним синостозом эпифиза [Рубашева, 1961, с. 326]. Диафиз утолщен за счет периостальных бахромчатых наслоений, достаточно равномерно охватывающих кость. Поверхность диафиза грубо шероховатая. Кость как бы находится в футляре (секвестральной коробке, инволюкруме) с большим количеством мелких и крупных свищевых ходов. На передней поверхности их около семи (наиболее крупная клоака овальной формы, размерами 11,8×6,5 мм, расположена в районе дистального метафиза), на задней — один. На медиальной поверхности кости, в дистальной 1/4 диафиза, имеется большая округлая клоака (18,5×13,5 мм). На латеральной поверхности, дистальнее середины диафиза, фиксируется очень крупный свищевой ход овальной формы (64,2×22,4 мм) с проникающим секвестром размерами 87×18 мм (рис. 2, 3).

Вероятный случай хронического остеомиелита на антропологическом материале...

Рис. 2. Левая бедренная кость скелета из погребения 42. Медиальная поверхность. В области дистальной 1/4 диафиза видна крупная округлая клоака с секвестром. Фото В.В. Куфтерина.

Рис. 3. Левая бедренная кость скелета из погребения 42. Латеральная поверхность, фокус на свищевой ход с проникающим кортикальным секвестром. Фото С.Е. Беляниной.

Таблица 2

Сравнение метрических характеристик правой (нормальной) и левой (патологически измененной) бедренных костей скелета из погребения 42

Признак	Правая, мм	Левая, мм
1. Наибольшая длина	411*	332
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	25	51
7. Ширина середины диафиза	21	37
9. Верхняя ширина диафиза	27	32
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	22	34

* Без дистального эпифиза.

Рис. 4. Левая бедренная кость скелета из погребения 42. Рентгенограмма в передне-задней и боковой проекциях.

Рентгено съемка образцов из погребения 42 производилась в передне-задней (левое и правое бедро, большая берцовая) и боковой (левое бедро) проекциях. Расстояние до объекта 0,5 м, сила тока 2,2 мА/с, напряжение 44 кВ. На рентгенограмме левой бедренной кости в двух проекциях (рис. 4) определяется наличие костной полости с секвестром. Кость деформирована (укорочена и утолщена), ось бедра правильная. Костная структура нарушена: чередуются участки остеосклероза и остеопороза. Наблюдаются выраженные периостальные наслоения. Предварительное заключение: неспецифический остеомиелит бедренной кости в хронической форме. На рентгенограмме правого бедра в прямой проекции выраженные патологические изменения не определяются. В дистальном метафизе фиксируется поперечная полоса перестройки костной ткани (зона Лоозера). Аналогичная картина выявлена на рентгенограмме правой большеберцовой кости.

Обсуждение

Несмотря на достаточно характерную картину морфологических изменений, однозначная постановка палеопатологического диагноза существенно затрудняется плохой комплектностью болдыревского скелета. Тем не менее наличие ряда таксономически ценных признаков позволяет предпринять такую попытку (табл. 3).

Таблица 3

Дифференциальная диагностика описываемого палеопатологического случая (скелет из погребения 42 Болдыревского могильника)*

	Биологические характеристики			Локализация и морфология патологических изменений			
	Пол	Возраст	Кол-во вовлеченных костей	Диафиз, метафиз	Кость деформирована, участки остеосклероза в сочетании с остеопорозом, костно-мозговой канал сужен	Выраженные периостальные наслоения, гиперостоз	Фистулы с секвестром
	♀	Juv.-ad.	1 (бедро)				
Острый/подострый остеомиелит	Да/нет	Да/нет	Да	Да	Да	Да	Да
Хронический остеомиелит	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Остеомиелит Гарре	Да/нет	Да	Да	Да	Да	Да	Нет
Абсцесс Броди	Да	Да	Да	Да	Нет	Да	Нет
Туберкулез	Да	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Да
Сифилис III	Да	Да	Нет	Да	Да	Да	Нет
Бруцеллез	Да	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Остеоид-остеома	Да	Да	Да	Да	Да/нет	Да	Нет
Костная киста	Да	Да	Да	Да	Нет	Нет	Нет

* Диагностические критерии приводятся согласно [Prejzner, Gladykowska-Rzeczycka, 1997] с изменениями.

Уже на первом этапе дифференциации можно достаточно уверенно исключить такие первично-хронические формы остеомиелита, как абсцесс Броди и склерозирующий остеомиелит Гарре. Для первого заболевания характерно отсутствие секвестров, периостальные наслоения очень незначительны, очаги деструкции имеют правильную шаровидную или овоидную форму и размеры 1–3 см. На большую берцовую кость приходится 80 % всех локализаций [Рейнберг, 1955; Семизоров, Шахов, 2002; Prejzner, Gladykowska-Rzeczycka, 1997]. Наличие полостей, секвестров и свищевых ходов исключает хронический склерозирующий остеомиелит, при котором нередко наблюдается полная эбурнеация костно-мозгового канала [Рейнберг, 1955; Рохлин, 1965; Семизоров, Шахов, 2002; Collert, Isacson, 1982; Prejzner, Gladykowska-Rzeczycka, 1997]. Костная киста исключается также легко. Она имеет большие размеры, чем полость гнояника, соседняя костная ткань не демонстрирует склеротических изменений, отсутствуют фистулы, секвестры и периостальная реакция [Рейнберг, 1955; Prejzner, Gladykowska-Rzeczycka, 1997]. Другое новообразование скелета — остеоидная остеома (или хронический очагово-некротический негноинный остеомиелит, по терминологии Рейнберга) также характеризуется отсутствием секвестрации, медуллярный канал в процесс не вовлекается [Ibid.].

Дифференциальная диагностика таких специфических инфекций, как туберкулез и сифилис, в рассматриваемом случае особой сложности не представляет. Крупный проникающий

Вероятный случай хронического остеомиелита на антропологическом материале...

компактный секвестр, наблюдающийся на рентгенограмме бедренной кости из Болдыревки, отличается от мелкого, полупрозрачного губчатого секвестра при туберкулезе и плоского дискообразного или блюдцевидного секвестра с изъеденными контурами при костном сифилисе [Рейнберг, 1955, с. 226]. При типичном туберкулезе поражаются в основном эпифизы (характерна картина выраженного остеопороза), а при сифилисе — диафизы (преобладают остеосклеротические изменения). Для остеомиелита, как и в данном случае, типичным является чередование участков остеосклероза и остеопороза [Рейнберг, 1955]. Отсутствие патологических изменений на других имеющихся костях, даже с учетом плохой комплектности болдыревского скелета, также косвенно свидетельствует против туберкулеза, сифилиса, а также бруцеллезной инфекции. При бруцеллезе, кроме того, не бывает секвестров и фистул, костно-мозговой канал в процесс не вовлекается [Prejzner, Gladykowska-Rzeczycka, 1997, p. 105].

Из других заболеваний также можно исключить остеогенную саркому (при опухоли не бывает секвестрации, наблюдается ее сферический рост, кость разрушается во всю толщину, окружающая костная ткань при опухолевом процессе не изменена), болезнь Гоше (при данном заболевании костно-мозговой канал, в связи с увеличенным объемом костного мозга, расширен, корковый слой длинных костей истончен) и опухоль Юинга (при остеомиелите более выражены реактивные изменения, имеется секвестр, разрушение костного вещества носит более «беспорядочный» характер) [Рейнберг, 1955].

Наибольшие сложности в дифференциальной диагностике рассматриваемого случая представляет различие подострого и хронического остеомиелита. Известно, что в подострой фазе заболевания наблюдается триада, включающая ассимиляцию периостальных наслоений, образование секвестров и появление склероза [Семизоров, Шахов, 2002, с. 116]. По мере перехода процесса в хроническую стадию репаративные изменения нарастают. Очевидно, что палеопатологическая диагностика различных стадий остеомиелитического процесса довольно сложна. В данном случае против подострого остеомиелита свидетельствуют наличие оформленных полостей и секвестра, включающего кортикальное вещество [Рохлин, 1965, с. 88]. В подострой фазе заболевания, кроме того, эндостальные и периостальные изменения выражены слабо [Рохлин, 1965]. Таким образом, предложенный диагноз — неспецифический остеомиелит бедренной кости в хронической форме представляется наиболее вероятным. Участки перестройки костной ткани (зоны Лоозера, псевдопереломы), фиксирующиеся на правых бедренной (здоровой) и большеберцовой костях, вероятно, являются результатом повышенной функциональной нагрузки на нормальную конечность.

Известно, что длительно существующий хронический остеомиелит осложняется вторичным амилоидозом внутренних органов. Последний представляет собой системное заболевание многих органых и тканевых структур, характеризующееся нарушением белкового обмена и внеклеточным отложением в них сложного белково-полисахаридного комплекса [Справочник..., 1992, с. 165]. В данном случае вторичный амилоидоз можно рассматривать в качестве возможной причины смерти индивида из погребения 42 Болдыревского могильника. Аналогичную причину гибели предположил Д.Г. Рохлин для субъекта из Эски-Кермена (Крым), страдавшего хроническим остеомиелитом плечевой кости [1965, с. 92].

Заключение

Проведенное исследование дает возможность сделать следующие выводы: 1) скелет из погребения 42 Болдыревского грунтового могильника принадлежал женщине в возрасте 16–18/20 лет; 2) патоморфологическое и рентгенологическое изучение материала, а также дифференциальная диагностика позволяют считать наиболее вероятным палеопатологическим диагнозом хронический неспецифический остеомиелит бедренной кости; 3) описанный случай остеомиелита является типичным как по локализации (бедро чаще других костей поражается этим заболеванием), так и по морфологии патологических изменений (имеются клоаки, секвестры и инволюкрум); 4) на костях правой (нормальной) конечности отмечаются участки перестройки костной ткани, по-видимому образовавшиеся в результате функциональной перегрузки; 5) трудоспособность индивида в связи с нарушением функции левой нижней конечности была существенно ограничена. В качестве возможной причины смерти можно предполагать амилоидоз внутренних органов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Бобин В.В. Палеопатологические исследования последних лет на костных останках, найденных в Крыму и на Северном Кавказе // VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. М.: Наука, 1964. 10 с.
- Бургенер Ф.А., Кормано М., Пудас Т. Лучевая диагностика заболеваний костей и суставов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 552 с.
- Дэрумс В.Я. Костные заболевания у древних жителей Прибалтики по материалам археологических раскопок // Из истории медицины. Рига: Звайгзне, 1963. Вып. V. С. 83–87.
- Звягин В.Н. Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Медико-криминалистическая идентификация. М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. С. 227–350.
- Касанкин Г.И. Отчет о раскопках грунтового могильника в зоне строительства пионерского лагеря «Ударник» у села Болдыревка Саратовского района Саратовской области в 1990 г. Саратов, 1990 // Архив ИА РАН. Р-1, № 14800.
- Медникова М.Б. Рентгенография костей человека в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 182–201.
- Медникова М.Б. К вопросу о травматогенных условиях жизни женщин гуннского времени в Южной Сибири // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. С. 225–228.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит., 2010. 363 с.
- Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 155 с.
- Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медгиз, 1955. Ч. I. 640 с.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей: (Кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Рубашева А.Е. Частная рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1961. 464 с.
- Руфанов И.Г. Общая хирургия. М.: Медгиз, 1953. 632 с.
- Семизоров А.Н., Шахов Б.Е. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской гос. мед. акад., 2002. 207 с.
- Синева И.М. Определение половой принадлежности в палеоантропологических исследованиях костей верхней и нижней конечности: Дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 185 с.
- Слепченко С.М., Татаурова Л.В. Палеопатологии у русских первопоселенцев Тарского Прииртышья (по материалам могильника Ананьино I) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 92–101.
- Справочник практического врача / Под ред. А.И. Воробьева. М.: Медицина, 1993. Т. I. 432 с.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1998. 478 p.
- Canci A., Borgognini Tarli S.M., Repetto E. Osteomyelitis of probable haematogenous origin in a Bronze Age child from Toppo Daguzzo (Bassilicata, Southern Italy) // Intern. Journ. of Osteoarchaeology. 1991. Vol. 1 (2). P. 135–139.
- Černý V., Štukavec V. A case of degenerative arthritis and osteomyelitis from Pardubice (Czech Republic) // Anthropologie. 1993. Vol. 31. P. 93–97.
- Collert S., Isacson J. Chronic sclerosing osteomyelitis (Garre) // Clin. Orthopaedics & Related Research. 1982. Vol. 164. P. 136–140.
- Dich V.Q., Nelson J.D., Hattalin K.C. Osteomyelitis in infants and children: A review of 163 cases // Amer. Journ. of Diseases of Children. 1975. Vol. 129. P. 1273–1278.
- Flensburg G., Suby J.A., Martinez G. A case of adult osteomyelitis in a Final Late Holocene hunter-gatherer population, eastern Pampa — Patagonian transition, Argentina // Intern. Journ. of Paleopathology. 2013. Vol. 3. P. 128–133.
- Forrester D., Kilcoyne R.F. Osteomyelitis and septic arthritis // G.K. von Schulthess, Ch.L. Zollkofer (ed.). Musculoskeletal diseases. Diagnostic imaging and interventional techniques. N. Y.: Springer, 2005. P. 138–142.
- Jozsa L., Farkas Gy. Purulent osteitis and osteomyelitis on skeletons in a Medieval cemetery (Hungary) // Osteol. Közlemenyek. 2004. Vol. 4. P. 207–212.
- Lew D.P., Waldvogel F.A. Osteomyelitis // New England Journ. of Medicine. 1997. Vol. 336. P. 999–1007.
- Marsik A., Olah S. Case report of osteomyelitis // Intern. Journ. of Osteoarchaeology. 1991. Vol. 1 (2). P. 147–150.
- McKern T.W., Stewart T.D. Skeletal age changes in young American males // Technical Report EP-45. Natick, Mass.: Headquarters U.S. Army, Quartermaster Research and Development Command, 1957. 179 p.
- Mednikova M.B. Pathological changes on two female radial bones of the Early Iron Age from Southern Siberia // Intern. Journ. of Osteoarchaeology. 1999. Vol. 4. P. 279–282.
- Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. San Diego: Acad. Press, 2003. 647 p.

Вероятный случай хронического остеомиелита на антропологическом материале...

- Ortner D.J.* Differential diagnosis of skeletal lesions in infectious disease // Pinhasi R., Mays S. (ed.). Advances in human palaeopathology. Chichester: John Wiley & Sons, 2008. P. 191–214.
- Prejzner W., Gladykowska-Rzeczycka J.J.* An attempt to evaluate the criteria for diagnosing nonspecific inflammatory diseases observed on ancient skeletons // *Anthropol. Review.* 1997. Vol. 60. P. 103–109.
- Resnick D., Niwayama G.* Osteomyelitis, septic arthritis and soft tissue infection: Mechanisms and situations // D. Resnick (ed.). *Diagnosis of bone and joint disorders.* L.: W.B. Saunders, 1995. P. 2325–2418.
- Roberts C., Manchester K.* The archaeology of disease. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005. 348 p.
- Scheuer L., Black S.* Developmental juvenile osteology. San Diego: Acad. Press, 2000. 587 p.
- Scheuer L., Black S.* The juvenile skeleton. San Diego: Acad. Press, 2004. 486 p.
- Sia I.G., Berbari E.F.* Osteomyelitis // *Best Practice & Research Clinical Rheumatology.* 2006. Vol. 20. No. 6. P. 1065–1081.
- Waldron T.* Palaeopathology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2009. 279 p.
- Waldvogel F.A., Medoff G., Swartz M.N.* Osteomyelitis: a review of clinical features, therapeutic considerations and unusual aspects: 3. Osteomyelitis associated with vascular insufficiency // *New England Journ. of Medicine.* 1970 Vol. 282. No. 4. P. 316–322.

*Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
vladimirkufterin@mail.ru

**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
evteandr@gmail.com

***Уфа, поликлиника № 44

****Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
stiv03@inbox.ru

The paper presents results of a paleopathological investigation regarding a skeleton (female, age 16–18/20) of the Golden Horde time from Boldyrevsky ground burial (Saratov Low Volga basin). A pathomorphological and radiological investigation of the samples, as well as a differential diagnostics allowed to propose the diagnosis of a nonspecific thigh osteomyelitis in chronic form. The described case could be regarded as typical both in the localization and morphology of the pathological changes.

The Golden Horde, Saratov Low Volga basin, Boldyrevsky ground burial, paleopathology, differential diagnostics, chronic osteomyelitis.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗМЕНЧИВОСТИ ФОРМЫ ОСТИСТЫХ ОТРОСТКОВ ШЕЙНЫХ ПОЗВОНКОВ У СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕОИДОВ XVIII–XX ВВ.

М.К. Карапетян

Рассматривается влияние пола и географического происхождения на частоту встречаемости бифуркации остистых отростков шейных позвонков человека. Проведено сопоставление частот встречаемости признака в четырех остеологических сериях европеоидов, задействованы литературные данные. Показано, что бифуркация остистых отростков несколько чаще встречается на шейных позвонках мужчин в сравнении с женщинами. Подтверждена расоводиагностическая ценность признака для разделения групп европеоидного и экваториального происхождения при исследовании комплекса позвонков С3–С5.

Палеоантропология, морфология скелета человека, шейные позвонки, вариации строения позвоночника, географическая изменчивость.

Форма остистых отростков шейных позвонков человека давно является предметом интереса анатомов, остеологов и палеоантропологов. Некоторые исследователи считали, что наклонное положение остистых отростков и их раздвоенность на конце маркирует характерный для человека шейный лордоз, что, однако, было оспорено Е.Н. Хрисанфовой [1978, с. 18]. Рядом исследований показано, что форма остистых отростков шейных позвонков у современного человека подвержена вариациям [Shore, 1931, 1933; Duray, 1999; Asvat, 2012].

По результатам исследования Г. Вон Эггелинга (цит. по: [Shore, 1931, p. 500]), у европейцев раздвоенность остистых отростков шейных позвонков определяется уже на хрящевой стадии развития плода, нередко раздвоенным бывает даже остистый отросток С7. В первой половине первого года жизни раздвоенность остистых отростков постепенно исчезает, вначале на уровне С7, а затем и у вышележащих позвонков. Согласно В.А. Миджзбергу [Mijnsberg, 1926], изучившему процесс эмбриогенеза остистых отростков у млекопитающих и приматов, развитие остистого отростка происходит из парных латеральных компонентов, образующихся в месте контакта половинок дуги позвонка, а также из позднее формирующегося срединного непарного компонента, объединяющего латеральные и сливающегося с ними. Соотношение развития латерального и срединного компонентов варьируется у разных животных. Латеральные компоненты могут быть гипертрофированы, а срединный — минимизирован, что в крайнем случае приводит к частичной обособленности первых и раздвоенности остистого отростка. Таким образом, раздвоенное состояние остистого отростка человека представляется приобретенной чертой, возникающей в ходе фило- и онтогенеза путем торможения его развития. Л.Р. Шор [Shore, 1931, p. 501] предполагает, что появление раздвоенного остистого отростка шейного позвонка сопровождало процесс уменьшения его длины и угла наклона в филогенезе.

Р. Оуэн первым обратил внимание на более редкую встречаемость раздвоенных остистых отростков шейных позвонков у представителей экваториальных групп в сравнении с европейцами (Owen, 1851. Цит. по: [Duray et al., 1999]), что подтвердилось при последующих исследованиях [Cunningham, 1886; Shore, 1931, 1933; Lanier, 1939; Duray et al., 1999; Asvat, 2012]. По данным из литературы, эти различия достоверны на уровне 3–6-го шейных позвонков [Duray et al., 1999; Asvat, 2012]. В последнее время проведены исследования, в которых оценивается возможность использования признака для определения расы [Duray et al., 1999; Asvat, 2012]. Например, С.М. Дюрей и соавторы выделили два позвонка — С3 и С4, по которым возможно разделение американцев европейского и африканского происхождения с точностью в 76 % [Duray et al., 1999, p. 937]. Соответственно необходимо более детальное исследование расово-диагностической ценности признака.

Очевидно, что встает вопрос о масштабах внутрирасовой вариабельности формы остистых отростков. Изменчивость признака в пределах европеоидной расы практически не изучена. Ис-

Исследование изменчивости формы остистых отростков шейных позвонков...

ключением является работа Д.Р. Шора [Shore, 1931, p. 489], в которой проведено сопоставление северных и южных европейцев. Также практически не исследовано влияние фактора пола, хотя результаты С.М. Дюрея и соавторов указывают на возможное существование различий между полами [Duray et al., 1999, p. 939].

В соответствии с этим в настоящей работе поставлены следующие задачи:

1. Исследовать влияние фактора пола на частоту встречаемости раздвоенных остистых отростков шейных позвонков у человека.
2. Сопоставить частоту встречаемости признака в четырех территориально и хронологически различающихся группах европеоидов.
3. Обобщить доступные опубликованные данные по частоте встречаемости признака в больших расах человека и определить его расоводиагностическую ценность.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили четыре остеологические серии, являющиеся выборками:

- из анатомической коллекции кафедры антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова;
- анатомической коллекции Терри Национального музея естественной истории г. Вашингтона, США;
- анатомической коллекции Грант кафедры антропологии университета Торонто, Канада;
- археологической коллекции Козино НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные характеристики исследованных серий и численности представлены в табл. 1. С более подробным описанием коллекций и их историей можно ознакомиться в публикациях [Колодиева, 1991; Евтеев, 2011; Bedford et al., 1993; Hunt, Albanese, 2005]. В целом первые три серии представляют собой выборки европейцев начала — середины XX в. Среди них — выходцы из Западной Европы (коллекции Терри и Грант) и жители Москвы (коллекция кафедры антропологии МГУ). Четвертую серию (Козино) можно рассматривать как локальную сельскую группу русских из Звенигородского уезда Московской губернии XVIII в.

Таблица 1

Основная характеристика и численность исследованных остеологических серий*

Коллекция	Географическое происхождение	Хронология	Пол	Численность
Кафедры антропологии МГУ	г. Москва	50-е гг. XX в.	♂	63
			♀	13
Терри (европеоиды)	Штат Миссури, США	1924–1966 гг.	♂	70
			♀	66
Грант	г. Торонто, Канада	1931–1950 гг.	♂	78
			♀	20
Козино НИИ и МА МГУ	с. Козино, Одинцовский р-н Московской обл.	XVIII в.	♂	41
			♀	28

* Все исследованные индивиды принадлежат к европеоидной расе.

Форма остистого отростка оценивалась при взгляде на позвонок сверху (*norma verticalis*). При этом использован критерий Л.Р. Шора [Shore, 1933, p. 425–426], согласно которому бифуркация констатировалась при наличии на конце остистого отростка заметного желобка глубиной более 1 мм (рис. 1).

Статистическая обработка данных и построение графиков проводились в программе STATISTICA (v. 8). Используются стандартные методы анализа дискретных признаков: подсчет частот, таблиц сопряженности, а также критерий χ^2 . В дополнение применен метод иерархического кластерного анализа с вычислением расстояний Эвклида по методу ближайшего соседа.

Результаты исследования

Результат сравнения мужчин и женщин в пределах рассматриваемых групп указывает на то, что бифуркация на отдельных позвонках несколько реже встречается у женщин, чем у мужчин (табл. 2). Вариант, когда все остистые отростки на участке С3–С6 нераздвоены, в мужских выборках не встречался, а у женщин он присутствовал в 0,8 % случаев. Тем не менее различия в большинстве недостоверны. В исследованном нами материале статистически значимые различия обнаруживаются только на уровне С5 ($p < 0,05$). В среднем различия между полами не-

велики, что дает возможность объединить выборки мужчин и женщин для увеличения их объема и дальнейшего сопоставления между собой.

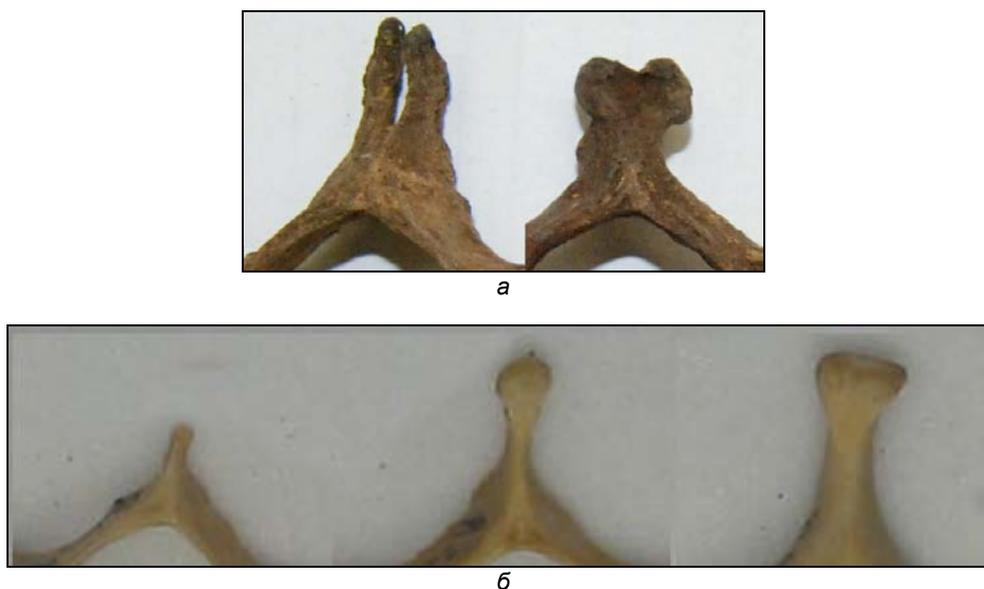

Рис. 1. Вариация формы остистых отростков шейных позвонков:
а — бифуркация есть; б — бифуркации нет.

Таблица 2

Влияние пола на частоту отсутствия бифуркации остистых отростков 3–7-го шейных позвонков (все серии)

№ позвонка	Частота, %		χ^2
	М	Ж	
С3	16,7	25,2	НД*
С4	6,9	7,9	НД
С5	4,5	11,1	5,6**
С6	36,1	38,6	НД
С7	99,6	99,2	НД
С3–С6	0,0	0,8	НД
N	282	162	—

* НД — недостоверно.

** $p < 0,05$.

При сравнении выборок по частотам встречаемости раздвоенных остистых отростков выявлены достоверные различия между группами только на уровне С3 ($\chi^2 = 14,0$; $p < 0,01$) из-за отсутствия в серии Козино нераздвоенных остистых отростков (рис. 2). В других выборках нераздвоенный остистый отросток на С3 встречался относительно часто (до 29 % случаев). Заметим, что наибольшая стабильность признака наблюдается на уровне С5 (рис. 2).

В табл. 3 собраны литературные данные по частотам встречаемости бифуркации остистых отростков 3–7-го шейных позвонков, а также собственные данные по частотам этого признака в четырех исследуемых группах. Для наглядности по данным, представленным в табл. 3, проведен кластерный анализ. Кластеризация выполнена по частотам для 3–5-го шейных позвонков, так как частоты для 6 и 7-го шейных позвонков известны не для всех групп.

Результаты кластерного анализа (рис. 3) свидетельствуют о реальности и систематичности расовых различий по обсуждаемому признаку. Выделяются два крупных надкластера, в один из которых попадают практически все группы, имеющие австрало-негроидное происхождение или негроидную примесь. В другой кластер попадают все группы европеоидного и часть групп монголоидного происхождения. Есть и исключения. Так, бушмены и огнеземельцы не попали ни в один из кластеров, однако объем этих выборок невелик (12–20 чел.), что не позволяет делать

Исследование изменчивости формы остистых отростков шейных позвонков...

выводы в отношении закономерности выявленной тенденции для соответствующих групп. Эскимосы Аляски попали в один подкластер с группами австрало-негроидного происхождения из-за низкой у них частоты встречаемости бифуркации остистого отростка. Заметим, что объем выборки эскимосов, исследованной М. Ганнесс-Хеем [Gunness-Hey, 1980], достаточно велик (108 индивидов) и такой результат, скорее всего, не случаен.

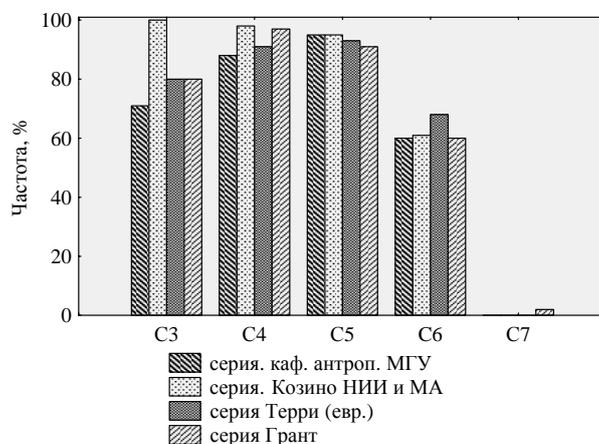

Рис. 2. Сравнение частот встречаемости раздвоенных остистых отростков 3–7-го шейных позвонков в четырех исследуемых выборках европеоидов.

Таблица 3

Частоты встречаемости раздвоенных остистых отростков 3–7-го шейных позвонков в разных этнотерриториальных группах человека. Собственные и литературные данные

Выборка (географическое происхождение)	Встречаемость раздвоенных остистых отростков C3–C7, %					Источник данных
	C3	C4	C5	C6	C7	
Москва	71	88	95	60	0	Собственные данные
Московская губ., с. Козино (XVIII в.)	100	98	95	61	0	Собственные данные
Европа	91	91	95	71	0	Hasebe, 1913. Цит. по: [Lanier, 1939; Cunningham, 1886]
Сев. Европа	86	100	96	39	0	[Shore, 1933]
США (европеоиды)	89	94	97	55	0	[Lanier, 1939]
США (европеоиды)	80	91	93	68	0	Собственные данные
Канада (европеоиды)	80	97	91	60	2	Собственные данные
Ю. Африка (европеоиды)	59	79	83	42	2	[Asvat, 2012]
Древний Египет*	45	67	76	41	0	[Shore, 1933]
США (негроиды)	32	43	62	41	1	[Lanier, 1939]
США (негроиды)	33	50	68	47	5	[Duray et al., 1999]
Ю. Африка (негроиды)	22	28	36	18	0,4	[Asvat, 2012]
В. Африка (негроиды)	41	64	72	50	8	[Allbrook, 1955]
Ю. Африка (бушмены)	0	9	17	0	0	[Shore, 1931]
Ю. Африка (банту)	13	26	42	21	0	[Shore, 1931]
Австралия и Тасмания (аборигены)	30	40	50	—	—	[Cunningham, 1886]
Япония	95	91	86	34	0	Hasebe, 1913. Цит. по: [Lanier, 1939]
Япония	80	90	79	74	2	Mijsberg, 1927. Цит. по: [Lanier, 1939]
Аляска (эскимосы)	32	43	39	19	0	[Gunness-Hey, 1980]
Огненная Земля (аборигены)	35	90	65	20	10	Martin, 1928. Цит. по: [Lanier, 1939]

* Коллекция Петри. Исследованные останки датированы временем до 3000 г. до н.э.

Непосредственное сопоставление по критерию χ^2 возможно лишь для некоторых выборок из табл. 3, так как не для всех известны данные о точном числе исследованных шейных позвонков. Соответственно помимо собственных данных в анализ включены три выборки европеоидного (Северная Европа [Shore, 1933], США [Lanier, 1939] и Южная Африка [Asvat, 2012]) и четыре выборки негроидного происхождения (США [Lanier, 1939; Duray et al., 1999] и Южная Африка [Shore, 1931; Asvat, 2012]). Данные Р.Л. Ланье по европеоидам США усреднены с нашими соб-

ственными по этой популяционной группе в силу отсутствия достоверных различий между двумя выборками. Таким же образом усреднены данные по негроидам США [Lanier, 1939; Duray et al., 1999] и негроидам Южной Африки [Shore, 1931; Asvat, 2012].

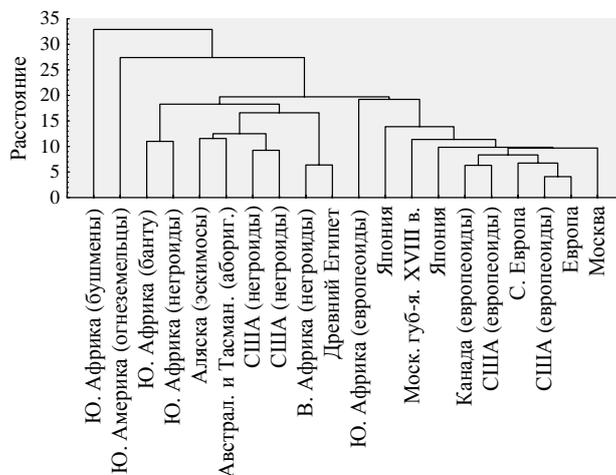

Рис. 3. Результаты кластерного анализа частот встречаемости раздвоенных остистых отростков 3–5-го шейных позвонков в разных этногеографических группах человека (по данным из табл. 3).

Согласно результатам, вариабельность частоты встречаемости признака в пределах выборок европеоидной и негроидной расы достоверна (табл. 4). Причем в пределах европеоидных серий, как и в предыдущем анализе, наибольшая внутрирасовая стабильность признака наблюдается на уровне С5, а достоверная изменчивость в основном обусловлена включением в анализ серии Козино (для С3) и серии европеоидов Южной Африки (С3–С6). В последней выборке частота встречаемости раздвоенных остистых отростков шейных позвонков несколько снижена по сравнению с другими европеоидными сериями (см. табл. 3). Частоты встречаемости раздвоенных остистых отростков в выборках негроидов США близки к соответствующим частотам в выборке из Восточной Африки (табл. 3, рис. 3), которую мы не использовали в данном анализе. Соответственно при сопоставлении выборки негроидов США с выборкой негроидов Южной Африки выявляются достоверные различия по частоте встречаемости признака. В то же время следует сказать, что различия между объединенными сериями европеоидов и негроидов достоверны на самом высоком уровне значимости и на порядок превышают наблюдающиеся различия в пределах рас, что особенно характерно для 3–5-го шейных позвонков.

Таблица 4

Сопоставление частот встречаемости раздвоенных форм остистых отростков шейных позвонков в выборках европеоидного и негроидного происхождения

Вид анализа	N	Значения χ^2				d.f.
		С3	С4	С5	С6	
Сопоставление шести выборок европеоидного происхождения (Россия, США, Сев. Европа, Ю. Африка)	509	35,5	26,8	12,6	33,2	5
Сопоставление двух выборок негроидного происхождения (США, Ю. Африка)	318	11,6	13,5	25,3	26,5	1
Сопоставление объединенной серии европеоидов и объединенной серии негроидов	827	191,4	264,8	182,3	54,3	1

Обсуждение результатов

Выявленные тенденции в изменчивости частот встречаемости бифуркации остистого отростка, отличающие мужчин и женщин одной группы, соответствуют литературным данным. В частности, С.М. Дюрей и соавторы также обнаружили чуть более редкую встречаемость бифуркации остистого отростка у женщин [Duray et al., 1999, p. 939]. В их случае достоверные различия наблюдались на уровне С3 и С4. Тем не менее авторы подчеркивают, что различия между расами превышают различия между полами [Duray et al., 1999, p. 939, 941].

Наши результаты указывают на существование некоторой вариабельности в частоте встречаемости признака на внутрирасовом уровне. Эти различия могут быть обусловлены генетическими

Исследование изменчивости формы остистых отростков шейных позвонков...

факторами. Так, низкая частота альтернативного варианта строения остистого отростка С3 (отсутствие бифуркации) в серии Козино и соответственно пониженная вариабельность в ней признака в сравнении с другими сериями может быть проявлением большей генетической однородности группы. С другой стороны, такой результат может быть следствием плохой сохранности материала, свойственной археологическим сериям. Так, нераздвоенные остистые отростки при небольшой их фрагментации могли представляться как разрушенные и данные о них не отмечались.

Низкая частота встречаемости раздвоенных остистых отростков шейных позвонков, по-видимому, является специфической для экваториальных групп чертой. Различия между европеоидными группами и группами австрало-негроидного происхождения довольно существенны. Относительно низкую частоту признака сохраняют группы африканского происхождения, имеющие европеоидную примесь. Так, негроиды США — группа, очевидно имеющая европеоидную примесь [Ли, 1978, с. 481–483], — демонстрируют частоты, приближающиеся к частотам у негроидов Восточной Африки.

Все же не исключено, что метисация влияет на частоту встречаемости разных морфологических форм остистых отростков шейных позвонков в дочерней популяции. Подобное мнение впервые было высказано Л.Р. Шором в отношении исследованной им выборки из Сардинии [Shore, 1933, p. 423]. Так, в этой выборке раздвоенность остистых отростков была менее выражена в сравнении с выборкой с территории Северной Европы. Л.Р. Шор предположил, что строение остистых отростков, наблюдавшееся в выборке из Сардинии, может отражать смешение между жителями Средиземноморья и банту. С другой стороны, выборка древних египтян, исследованная этим автором, по морфологическим характеристикам шейных позвонков обнаруживала черты, свойственные как европейцам, так и банту, что, по мнению Л.Р. Шора, могло быть следствием неоднородного состава популяции Египта [Shore, 1933, p. 442].

Частота встречаемости раздвоенных остистых отростков в группах японцев довольно высока и близка к таковой в европеоидных группах, однако монголоиды Америки демонстрируют некоторое своеобразие: у эскимосов Аляски эта частота понижена в сравнении с японцами и европейцами, а у аборигенов Огненной Земли снижена частота встречаемости бифуркации остистого отростка С3, С5 и С6 и несколько повышена — на уровне С7. Причины своеобразия монголоидов Америки остаются неясными: данные по выборкам монголоидного происхождения недостаточны и необходимо исследование дополнительных групп.

В чем причина столь резких различий в частотах встречаемости разных форм остистых отростков в группах европеоидного и экваториального происхождения, являются ли эти различия случайным следствием генетико-автоматических процессов, происходивших на начальных этапах формирования рас, связаны ли они с экологическими факторами или имеют функциональную значимость — все это остается неясным. Тем не менее нет сомнений, что форма остистого отростка шейного позвонка хотя бы отчасти обусловлена генетическими факторами. На это указывают резкие различия в частотах встречаемости разных вариантов признака в выборках американцев европейского и африканского происхождения, проживавших на одной территории в течение нескольких поколений и представляющих близкие социально-экономические слои [Lanier, 1939; Duray et al., 1999]. Генетические механизмы реализации различных форм остистых отростков у человека специально не изучались. Возможно, что здесь каким-то образом задействованы гены *Нох*, участвующие как в морфогенезе всего осевого скелета, так и в специализации отдельных его сегментов соответственно уровню локализации [Mallo et al., 2010]. Не исключено влияние целого комплекса других факторов. Например, недавние исследования показали участие белков PDGF и TGF β в морфогенезе остистого отростка у мышей: при нарушении сигнальных путей, в которых были задействованы эти белки, происходило недоразвитие остистого отростка с формированием *spina bifida* [Wang, Serra, 2012].

Заключение

Нами подтверждены выводы С.М. Дюрея и соавторов [Duray et al., 1999], что бифуркация остистых отростков шейных позвонков в среднем чаще встречается у мужчин, чем у женщин, хотя различия эти в большинстве случаев не достигают уровня статистической значимости.

Различия между четырьмя исследованными выборками по частоте рассматриваемого признака недостоверны на всех уровнях, за исключением уровня С3. В последнем случае выделяется серия XVIII в. Козино, для которой частота встречаемости раздвоенных остистых отростков

равна 100 %. Наибольшая внутрирасовая стабильность частоты встречаемости бифуркации обнаруживается для остистого отростка С5.

Все исследованные европеоидные серии характеризуются высокими частотами встречаемости раздвоенных остистых отростков шейных позвонков, если сравнивать их с группами австрало-негроидного происхождения. Соответственно признак бифуркации остистого отростка является диагностическим для разделения экваториальных групп и групп, имеющих европеоидное происхождение.

Предварительные данные указывают на высокую изменчивость признака в пределах монголоидной расы и некоторое своеобразие монголоидов Америки. Для лучшего понимания изменчивости формы остистых отростков шейных позвонков у современного человека необходимо исследование дополнительных выборок, представляющих этот антропологический тип.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Евтеев А.А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино (Московская область): Внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. 2011. № 7. С. 433–440.

Колодиева М.А. Массивность скелета как конституциональный признак у мужчин: Дис. ... канд. биол. наук. М., 1991. 363 с.

Ли Ч. Введение в популяционную генетику. М.: Мир, 1978. 557 с.

Хрусанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: Изд-во МГУ, 1978. 218 с.

Allbrook D.B. The East African vertebral column; a study in racial variability // Amer. Journ. Phys. Anthropol. 1955. Vol. 13 (3). P. 489–513.

Asvat R. The configuration of cervical spinous processes in Black and White South African skeletal sample // Journ. Forensic Sci. 2012. Vol. 57(1)/ P. 176–181.

Bedford M.E., Russell K.F., Lovejoy C.O., Meindl R.S., Simpson S.W., Stuart-Macadam P.L. Test of multifactorial aging method using skeletons with known ages-at-death from the Grant collection // Amer. Journ. Phys. Anthropol. 1993. Vol. 91 (3). P. 287–297.

Cunningham D.J. The neural spines of the vertebrae as a race character // Journ. Anat. 1886. Vol. 20. P. 637–640.

Duray S.M., Morter H.B., Smith F.J. Morphological variation in cervical spinous processes: Potential application in forensic identification of race from the skeleton // Journ. Forensic Sci. 1999. Vol. 44(5). P. 937–944.

Gunnness-Hey M. The Koniag Eskimo presacral vertebral column: Variations, anomalies and pathologies // OSSA. 1980. Vol. 7. P. 99–118.

Hunt D.R., Albanese J. History and demographic composition of the Robert J. Terry anatomical collection // Amer. Journ. Phys. Anthropol. 2005. Vol. 127. P. 406–417.

Lanier R.R. The presacral vertebrae of American White and Negro males // Amer. Journ. Phys. Anthropol. 1939. Vol. 25 (3). P. 341–420.

Mallo M., Wellik D.M., Deschamps J. Hox genes and regional patterning of the vertebral body plan // Dev. Biol. 2010. Vol. 344 (1). P. 7–15.

Mijsberg W.A. On the development of the form of the vertebral spines in mammals, especially in Man // Proceedings of the Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen Amsterdam. 1926. Vol. 29. P. 603–610.

Shore L.R. A report on the spinous processes of the cervical vertebrae in native races of South Africa // Journ. Anat. 1931. Vol. 65. P. 206–238.

Shore L.R. A report on the spinous processes of the cervical vertebrae in a series of Egyptian skeletons // Journ. Anat. 1933. Vol. 67. P. 422–442.

Wang Y., Serra S. PDGF mediates TGF β -induced migration during development of the spinous process // Dev Biol. 2012. Vol. 365 (1). P. 110–117.

Москва, НИИ и Музей антропологии
МГУ им. М.В. Ломоносова
marishkakar@hotmail.com

The paper considers the influence of sex and geographical origin upon the frequency of acanthae bifurcation in human cervical vertebrae. The author undertook the correlation of the frequency occurrences of this character in four osteological series of Caucasians, attracting literature data. It is shown that the bifurcation of acanthae was registered somewhat oftener with male cervical vertebrae compared with females. The paper justifies a race diagnostic value of this character for dividing groups of the Caucasian and equatorial origin under investigating the complex of C3–C5 vertebrae.

Paleoanthropology, morphology of human skeleton, cervical vertebrae, variants of vertebra structure, geographic variation.

САРМАТЫ РУМЫНИИ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Д.А. Кириченко

Рассмотрены палеоантропологические материалы, относящиеся к сарматам Румынии. Статья является историографическим исследованием, в котором приведен обзор румынской антропологической литературы, касающейся присутствия сарматов на территории Румынии, и предпринята первая в отечественной антропологии попытка осветить данный вопрос. Сарматы Румынии были крайне смешаны в антропологическом отношении: в материале присутствуют как чисто европеоидные черепа, так и черепа с легкой монголоидной примесью. Практиковался обычай искусственной деформации головы. На одном из черепов обнаружены следы трепанации. Означается сходство антропологических типов сарматов Румынии и Нижнего Дона, Украины, Поволжья, наиболее близки к ним в антропологическом отношении (искусственно деформированные черепа) сарматы Нижнего Дона. Сарматы Румынии включали в себя значительный аланский компонент.

Румыния, Нижний Дон, сарматы, аланы, антропологические типы, искусственная деформация черепа, трепанация.

Введение

Статья является прежде всего историографическим исследованием, в котором сделан обзор румынской антропологической литературы, касающейся присутствия сарматов на территории Румынии. Такое исследование проведено в отечественной антропологии впервые. Автором статьи были проанализированы и использованы данные румынских исследователей по палеоантропологии сарматов Румынии, недоступные ранее или оказавшиеся вне поля зрения отечественных антропологов. Дополнительно привлечены данные истории и археологии.

Первыми из сарматов, которые появились на территории нынешней Румынии, были племена языгов. Языги вступили в союз с царем Понта Митридатом VI Евпатором и вместе с ним воевали против Рима. Известно, что в 78–76 гг. до н.э. римляне предприняли карательную экспедицию против языгов, которые проживали к северу от Дуная, в ответ на их вторжение на римскую территорию [Сулимирский, 2007, с. 118].

Мощный заслон в лице племенного объединения гето-даков под предводительством Буребисты во многом скорректировал динамику сарматского продвижения к западу от Днепра [Дзигонский, 2003, с. 76–77].

После смерти Буребисты языги снова сумели дойти до Дуная, но обстоятельства уже изменились. В I в. до н.э. вдоль нижнего течения Дуная установили свои границы римляне. Языги неоднократно пытались перейти их. Сохранились сведения о набегах на римские территории в 6 и 16 гг., в которых языги участвовали в союзе с даками. Вскоре после 20 г. языги перешли через Карпаты и осели на Венгерской равнине [Сулимирский, 2007, с. 118].

В 60-х гг. I в. н.э. на территорию нынешней Румынии пришло новое сарматское племя — роксоланы [Сулимирский, 2007, с. 121]. Во II–III вв. н.э. на территорию Румынию проникают аланы. Изучение археологами сарматской культуры Румынии началось сравнительно поздно. И. Нестор предпринял первую попытку систематизировать сарматские древности Румынии [Bichir, 1972, p. 137]. Среди румынских археологов, занимавшихся сарматской проблематикой, следует отметить С. Моринца, Г. Диакону, Г. Бичира. Сарматские памятники на территории Румынии представлены лишь погребениями [Ibid., p. 138]. Поселения не обнаружены: сарматы вели кочевой образ жизни и не имели долговременных стоянок. Та часть, которая оседала, воспринимала культуру местных земледельческих племен [Археология Румынии, 1973, с. 260–261].

Языги хоронили своих умерших в ямах, в вытянутом положении, на спине, обычно головой на север, реже на запад и в других направлениях. Покойников часто посыпали мелом, в ряде случаев ноги скрещивали, иногда хоронили в положении на боку. В могильную яму клали различные сосуды. Среди других предметов в могилах находят арбалетовые фибулы, фибулы с подвязным приемником, сердоликовые и пастовые бусины, пряслица. Ранние языгские погребения отличает от других сарматских захоронений отсутствие обычая деформации черепов, бронзовых зеркал и кинжалов с кольцом на рукоятке. В сарматских погребениях Румынии найдены также железные ножи, мечи, костяные пирамидальные подвески, типичная гето-дакийская

и римская посуда, пастовые стеклянные бусины, серьги, фибулы, характерные для сарматов колокольчики, бронзовые зеркала, бисер и т.д. [Археология Румынии, 1973, с. 261].

Среди наиболее крупных на территории Румынии следует отметить могильники Пробота, Погорешти, Трушешти, Поенешти, Порчешти, Тыргшор. Сарматские погребения обнаружены также у Васлуя, в местах Главэнешти-Векь, Ларга-Жижией, Валя-Лупулуй, Епурени, Власинешти, Фокшаны, Смеень, Кицкани, Дриду и др. [Археология Румынии, 1973, с. 261–262]. Что касается палеоантропологии, то румынскими учеными были изучены лишь материалы из единичных погребений или отдельных могильников, крайне малочисленные и иногда не очень хорошей сохранности.

Материал

Одной из первых работ по палеоантропологии сарматов Румынии является заметка К. Ришкучия «Антропологическая экспертиза остатков костяка, найденных в сарматском погребении в Фокшанах» в статье С. Моринца с публикацией археологических материалов из Фокшанского погребения [Моринц, 1959, с. 470–471]. С. Моринц датирует это погребение III в. н.э. По заключению К. Ришкучия, череп плохой сохранности, принадлежал женщине сравнительно молодого возраста, с грацильным строением и искусственной деформацией черепа лобно-затылочного типа. К сожалению, не приводится ни измерений, ни фото самого черепа.

Искусственно деформированные черепа были найдены во многих сарматских могильниках и погребениях на территории Румынии. Г. Бичир отмечал, что обычай искусственной деформации головы (черепа) в сарматских погребениях появляется не раньше III в. н.э. и связывал его с поздними роксоланами, аланами или гуннами [Bichir, 1972, с. 144]. Однако новые палеоантропологические находки с территории Румынии свидетельствуют, что этот обычай существовал у сарматов Румынии уже в конце I — начале II в. н.э. Об этом говорит находка детского искусственно деформированного черепа циркулярного типа (рис. 1) из могильника Мариуша-Ла-Мовила [Gatej et al., 2007].

Рис. 1. Искусственно деформированный череп ребенка из Мариуша-Ла-Мовила.

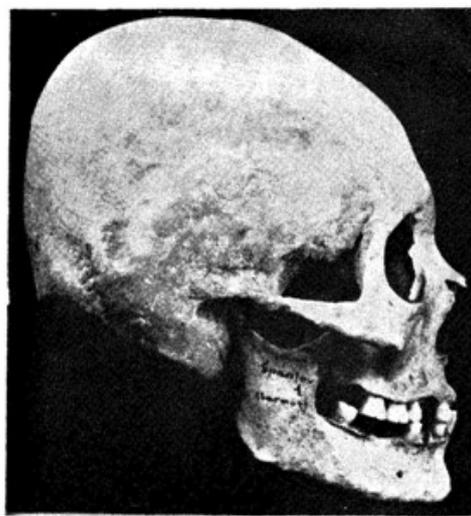

Рис. 2. Искусственно деформированный череп из Татина.

Первой половиной II в. н.э. датируется и сарматский могильник Исайя, в котором были обнаружены искусственно деформированные черепа [Miu, 2007; Ursulescu, Kogălniceanu, 2007].

Мы можем предположить, что распространение обычая искусственной деформации головы (черепа) на территории Румынии следует связывать с роксоланами, а также, возможно, первой волной аланских племен.

Деформированные черепа были обнаружены и в других сарматских могильниках и погребениях: Пробота, Трушешти, Погорешти, Поенешти, Циоинаги-Балинешти, Фокшаны, Шендреи, Ларгу, Калараши, Олтенича-Пучул, Татина, Тыргшор, Миток, Ойнак, Шиманд, Рамницелу, Драгушени и др. [Bichir, 1972, р. 144; Рикман, 1975, с. 49; Miritoiu, 2006]. В основном эти могильники

Сарматы Румынии по данным антропологии

датируются II–III в. н.э., т.е. концом среднесарматского — началом позднесарматского периода. В позднесарматской культуре обычай деформировать голову становится массовым явлением, а возникает он еще в среднесарматской культуре [Балабанова, 2001, 2013].

Данные по индивидуальным измерениям черепов из различных публикаций приведены в табл. 1–3.

Изучен деформированный череп из могильника Татина, который датируется III в. н.э. [Necrasov, Antoniu, 1962]. Череп женский (рис. 2), гипербрахикранный, характеризуется очень малым продольным, большим поперечным диаметрами мозговой коробки, лицо среднее по ширине и среднее по высоте, по указателю — мезен. Орбиты большие по высоте и по ширине, мезоконхные. Нос средний по высоте и большой по ширине, хамеринный. Антропологический тип европеоидный, с признаками средиземноморского и протоевропеоидного типов. Авторы публикации считают, что он близок к сарматским черепам с территории южной части тогдашнего Советского Союза [Ibid., p. 119]. К сожалению, не приводится аналогий с сарматскими палеоантропологическими сериями с территории бывшего СССР и не уточняется регион.

Исследовано три черепа из могильника Погорешти, который датируется III в. н.э. [Cristescu, 1964]. Череп костяка № 2 мужской (рис. 3), искусственно деформированный, циркулярного типа, мезокранный на границе с долихокранным, характеризуется большим продольным, средним поперечным, очень большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо среднее по ширине и высоте, по указателю — мезен. Орбиты очень малые по ширине и очень большие по высоте, гипсиконхные. Нос большой по ширине и по высоте, хамеринный. Антропологический тип черепа автор определяет как европеоидный с монголоидной примесью [Ibid., p. 333]. Монголоидную примесь имел также деформированный череп из Проботы [Ibid., p. 334], однако его индивидуальных измерений не приведено. Череп костяка № 3 мужской, мезокранный, характеризуется большим продольным, большим поперечным диаметрами мозговой коробки. Лицо среднее по ширине и по высоте, по указателю — мезен. Орбиты большие по ширине и средние по высоте, мезоконхные. Нос малый по ширине и по высоте, хамеринный. Что касается антропологического типа черепа, то он определяется как протоевропеоидный смешанный с нордическими (северными) элементами [Ibid., p. 336]. Череп костяка № 4 мужской, плохой сохранности, не удалось измерить диаметры мозговой коробки. Лицо среднее по ширине и высоте, по указателю — мезен. Орбиты очень малые по ширине и высоте, хакеконхные. Нос малый по ширине и высоте, мезоринный. Автор публикации отмечает, что данный череп имеет элементы протоевропеоидного типа [Ibid., p. 339].

В диссертационной работе Н. Миритоу приводятся сведения еще об одном мужском искусственно деформированном черепе циркулярного типа из могильника Погорешти [Mirițoiu, 2006, p. 252].

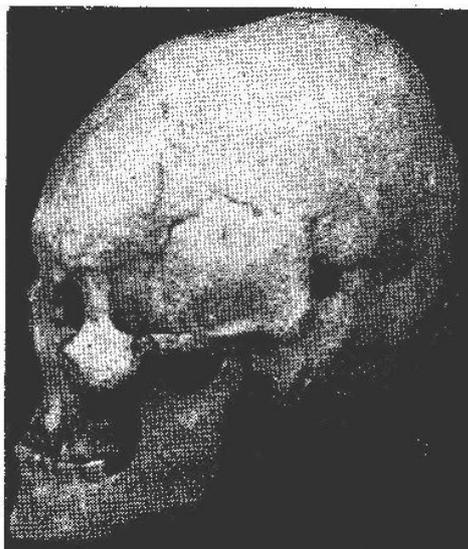

Рис. 3. Искусственно деформированный череп из Погорешти (костяк № 2).

Рис. 4. Слабо деформированный череп из Исайи (погр. 9).

Изучено два черепа из сарматских курганов близ г. Галаца [Nicolăescu-Plorșor, 1979]. Один из них женский, искусственно деформированный (циркулярный тип), мезокранный на границе с долихокранией. Другой череп — мужской, долихокранный. К сожалению, не приводится аналогий с другими находками сарматских черепов с территории Румынии и Советского Союза. Ничего не сообщается и об антропологическом типе погребенных в сарматских курганах. На наш взгляд, они принадлежали к южным европеоидам. Аналоги этим черепам мы можем найти в материалах позднесарматской культуры, исследованных М.А. Балабановой, и катакомбной культуры Азербайджана [Балабанова, 2013; Касимова, 1960].

Индивидуальные измерения некоторых искусственно деформированных черепов из сарматских погребений и могильников опубликованы в работе [Mirițoiu, 2006, p. 252]. Особенно интересными представляются материалы знаменитого сарматского могильника Тыргшора, который датируется II–III вв. н.э. Г. Диакону отмечал, что около 50 % черепов из этого могильника были искусственно деформированы [Diakonu, 1965]. Однако эти черепа очень плохой сохранности. К сожалению, Н. Миритоу не приводит измерений других — недеформированных черепов из Тыргшора, а также аналогий с других сарматских памятников Румынии.

Было исследовано шесть черепов из сарматского могильника Исаяя, среди которых выделены следующие антропологические типы: протосредиземноморский, нордический (северный) с элементами протоевропеоидного, динарский + протоевропеоидный, нордический, динарский + средиземноморский, средиземноморский [Miu, 2007]. Среди исследованных Г. Миу черепов из Исаяя присутствовали имеющие следы искусственной деформации [Ibid.]. Однако таблицы с полными индивидуальными измерениями черепов не приведены, данные вкратце фигурируют в самом тексте статьи, иногда в виде уже готовых указателей. Отсутствует сравнение с другими палеоантропологическими материалами из сарматских памятников Румынии, отмечается лишь, что степень деформации черепов из погребения № 8 Исаяя не так выражена, как у женских искусственно деформированных черепов из Погорешти и Татина. Слабая деформация имеется и на некоторых других черепках из могильника Исаяя (рис. 4).

Рис. 5. Искусственно деформированный череп из Драгушени (погр. 1).

Рис. 6. Искусственно деформированный череп из Погорешти (мог. 10).

Таблица 1

Индивидуальные измерения искусственно деформированных черепов из сарматских погребений Румынии ♂

Nr. Martin	Олтения, по [Mirițoiu, 2006]	Тыргшор, погр. 118, по [Mirițoiu, 2006]	Тыргшор, погр. 196, по [Mirițoiu, 2006]	Тыргшор, погр. 205, по [Mirițoiu, 2006]	Исаяя, погр. 5, по [Miu, 2007]	Погорешти, костяк 2, по [Cristescu, 1964]	Погорешти, по [Mirițoiu, 2006]
1	185	191	173,5	176	178	185	186
8	135	128	—	—	142	140	—
17	—	149	—	—	—	151	—
5	—	111,5	—	—	—	110	—
9	94	104	106,5	93,5	—	108	—
40	—	—	—	—	—	105	—

Сарматы Румынии по данным антропологии

Окончание т а б л . 1

Nr. Martin	Олтения, по [Mirițoiu, 2006]	Тыргшор, погр. 118, по [Mirițoiu, 2006]	Тыргшор, погр. 196, по [Mirițoiu, 2006]	Тыргшор, погр. 205, по [Mirițoiu, 2006]	Исайя, погр. 5, по [Miu, 2007]	Погорешти, костяк 2, по [Cristescu, 1964]	Погорешти, по [Mirițoiu, 2006]
45	138	—	—	—	—	133	—
48	—	—	—	—	—	70	72
51	—	—	—	—	—	39	—
52	—	26	—	—	—	38	—
54	—	—	—	—	—	28	—
55	—	—	—	—	—	54	—
8:1	72,9	67	—	—	79,77	75,7	—
48:45	—	—	—	—	—	52,6	—
52:51	—	—	—	—	—	97,4	—
54:55	—	—	—	—	—	51,8	—

Таблица 2

Индивидуальные измерения недеформированных черепов из сарматских погребений Румынии ♂

Nr. Martin	Галац, по [Nicolăescu-Plopșor, 1979]	Исайя, погр. 9, по [Miu, 2007]	Погорешти, костяк 3, по [Cristescu, 1964]	Погорешти, костяк 4, по [Cristescu, 1964]
1	197	193	189	—
8	146	150	145	—
17	—	123	—	—
5	—	—	—	—
9	—	—	107	—
40	110	—	—	—
45	130	133	135	136
48	70	72	73	69
51	41,5	—	43	39
52	29,5	—	34	28
54	23,6	—	28	24
55	53	—	54	49
8:1	74,11	77,7	76,7	—
48:45	53,84	54,1	54,1	50,7
52:51	71	71,73	79,1	71,8
54:55	44,52	49,09	51,8	48,9

Таблица 3

Индивидуальные измерения искусственно деформированных черепов из сарматских погребений Румынии ♀

Nr. Martin	Татина, по [Necrasov, Antoniu, 1962]	Капераша, по [Mirițoiu, 2006]	Касциорелли, по [Mirițoiu, 2006]	Драгушени, по [Mirițoiu, 2006]	Галац, по [Nicolăescu-Plopșor], 1979	Олтения, погр. 2, по [Mirițoiu, 2006]	Олтения, по [Mirițoiu, 2006]	Решча, по [Mirițoiu, 2006]	Рамницелу, по [Mirițoiu, 2006]	Тыргшор, погр. 184, по [Mirițoiu, 2006]	Тыргшор, погр. 267, по [Mirițoiu, 2006]	Трушешти, погр. 12, по [Mirițoiu, 2006]
1	166	181	174	179	175	174	160	168	173	172	169	163
8	145	139	136	—	134	130	—	142,5	156	—	—	—
17	—	137	—	131,5	145	—	—	132	132	124	—	142
5	96	106	—	101	107	—	—	90	98	87	—	98
9	—	105	103	—	106,5	94	105	101	102	92	94	—
40	—	99	—	95	95	—	—	86	94	—	—	94
45	132	139	—	—	129	—	—	130,5	130,5	—	—	—
48	72	71	—	69,5	76	—	—	—	69,5	—	—	65
51	44	44,5	—	—	44,5	—	—	—	42,5	—	—	—
52	36	37,3	—	—	40,4	—	—	—	33,9	—	—	—
54	28	27,2	—	—	21,6	—	—	27,5	23,3	—	—	—
55	53	55,6	—	—	55,5	—	—	50,2	52,7	—	—	—
8:1	86,3	76,8	78,2	—	76,6	74,7	—	84,8	90,2	—	—	—
48:45	54,6	51,1	—	—	58,9	—	—	—	53,3	—	—	—
52:51	81,8	83,8	—	—	90,8	—	—	—	79,8	—	—	—
54:55	52,8	48,9	—	—	38,9	—	—	54,8	44,2	—	—	—

Обсуждение результатов

Сарматы Румынии относились в основном к европеоидной расе, хотя на некоторых черепах отмечена небольшая монголоидная примесь. Среди европеоидных типов румынские исследователи выделяют: протоевропеоидный, средиземноморский, северный, протосредиземноморский, динарский.

Северный, протоевропеоидный, средиземноморский антропологические типы были отмечены среди сарматов Украины, Поволжья, Венгрии [Тот, Фирштейн, 1970; Кондукторова, 1972; Кириченко, 2013б]. Сарматы Румынии взаимодействовали и с местным оседлым населением, об этом говорят находки черепов динарского и протосредиземноморского типов, а также различные метисные формы между перечисленными выше антропологическими типами. Данному факту не противоречат и археологические материалы, свидетельствующие о близких контактах сарматов с местным гето-дакийским населением [Археология Румынии, 1973].

Сарматы Румынии практиковали обычай искусственной деформации головы, как и многие сармато-аланские племена Поволжья, Подонья, Приуралья, Украины, Венгрии, Северного Кавказа, Азербайджана.

На черепе из погребения № 6 могильника Олтения отмечены следы трепанации [Mirițoiu, 2006, с. 252]. Трепанация встречалась также на черепах сарматов Подонья, Поволжья, Венгрии, Азербайджана [Рохлин, 1965; Перерва, 2012; Кириченко, 2013а, б]. Приведенные факты говорят о некоторой близости сармато-аланских племен на всей территории их расселения.

Автором данной статьи были подсчитаны средние данные по сарматам Румынии (табл. 4). Материал крайне плохой сохранности, поэтому число признаков ограничено. Количество искусственно деформированных черепов превышает количество недеформированных, особенно это касается женской части выборки, в которой нет ни одного недеформированного черепа. Мужские недеформированные черепа сарматов Румынии — долихокранные, характеризуются очень большим продольным, большим поперечным, очень малым высотным (признак имелся лишь на одном черепе) диаметрами мозговой коробки. Лицо среднее по ширине и среднее по высоте, по указателю — мезен. Орбиты среднеширокие и очень малые по высоте, хамеконхные. Нос средний по ширине и средний по высоте, мезоринный.

Мужские искусственно деформированные черепа сарматов Румынии — долихокранные, характеризуются средним продольным, малым поперечным, очень большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо среднеширокое и средневысокое, по указателю — мезен. Орбиты очень малые по ширине и очень большие по высоте, гипсиконхные (данные признаки были зафиксированы лишь на одном черепе). Нос большой по ширине и по высоте, хамеринный (показания вычислены по единичному черепу).

Женские искусственно деформированные черепа сарматов Румынии — брахикранные, характеризуются очень малым продольным, средним поперечным, средним высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо среднеширокое и средневысокое, по указателю — мезен. Орбиты большие по ширине и большие по высоте, мезоконхные. Нос среднеширокий и средневысокий, мезоринный.

Таблица 4

Средние данные черепов из сарматских погребений Румынии

Nr. Martin	Недеформированные черепа ♂	Деформированные черепа ♂	Деформированные черепа ♀
1	193 (3)	182,1 (7)	171,2 (12)
8	147 (3)	136,3 (4)	140,4 (7)
17	123 (1)	150 (2)	134,8 (7)
45	133,5 (4)	135,5 (2)	132,2 (5)
48	71 (4)	71 (2)	70,5 (6)
51	41,2 (3)	39 (1)	43,9 (4)
52	30,5 (3)	38 (1)	36,9 (4)
54	25,2 (3)	28 (1)	25,5 (5)
55	52 (3)	54 (1)	53,4 (5)
8:1	73,4 (3)	73,8 (4)	81,2
48:45	53,2 (3)	52,4 (2)	54,4 (4)
52:51	73,4 (4)	97,4 (1)	84,05 (5)
54:55	48,6 (4)	51,8 (1)	47,8 (5)

Сарматы Румынии по данным антропологии

Таблица 5

Сравнительные данные краниологических серий (недеформированные черепа) ♂

Признак № по Мартину	Сарматы Румынии сборная	Савроматы, Нижнее Поволжье [Балабанова, 2000]	Сарматы Украины [Кондукторова, 1972]	Ранние сарматы, Поволжье, IV–III вв. до н.э. [Балабанова, 2000]	Позднесарматская культура, Поволжье [Балабанова, 2013]	Нижний Дон, сарматы, III–I вв. до н.э. [Батиева, 2012]	Нижний Дон, сарматы, I в. н.э. [Батиева, 2012]	Нижний Дон, сарматы, II–IV вв. н.э. [Батиева, 2012]	Азербайджан, катакомбная культура, I–VII вв. н.э. [Касимова, 1960]
1	193 (3)	183,8	184,2	185	186,5	184,1	184,7	188	188,8
8	147 (3)	146,9	146,5	147,3	139,9	146,8	144,3	142,8	135,4
17	123 (1)	133,8	133,8	130,6	136,0	126,3	134,6	136,3	135,1
45	133,5 (4)	137,9	136,8	139,6	135,2	135,8	133,9	136,3	131,7
48	71 (4)	72	71,3	73,8	71,5	71,9	69,4	72,9	71,7
51	41,2 (3)	44,2	42,07	44,7	43,1	42,4	42,6	42,6	42,6
52	30,5 (3)	33,5	32,78	34,3	32,8	33,6	32,4	33,4	33,1
54	25,2 (3)	25,2	25,35	25,2	24,8	24	24,4	25,7	25,3
55	52 (3)	52	51,86	52,8	51,4	54,4	50,4	52,4	53,7
8:1	73,4 (3)	80	79,5	79,6	75,2	79,7	78,7	75,7	71,9
48:45	53,2 (3)	51,7	51,9	53	52,5	52,3	51,9	53,2	54,4
52:51	73,4 (4)	75,7	77,9	77,2	76,0	79	76,1	78,1	77,8
54:55	48,6 (4)	48,5	49	47,8	48,1	46,8	48,4	49	47,1

Таблица 6

Сравнительные данные краниологических серий (искусственно деформированные черепа) ♂

Признак № по Мартину	Сарматы Румынии сборная	Позднесарматская культура, Нижнее Поволжье [Балабанова, 2013]	Позднесарматская культура, Нижний Дон [Батиева, 2012]	Некрополь Танаиса I–III вв. н.э. [Батиева, 2012]	Нижнегниловский некрополь I–III вв. н.э. [Батиева, 2012]	Кобяковский некрополь I–III вв. н.э. [Батиева, 2012]	Азербайджан, катакомбная культура, I–VII вв. н.э. [Касимова, 1960]
1	182,1 (7)	186,05	186,8	190,5	186,2	185	180,5
8	136,3 (4)	137,7	138,6	139,6	130,8	135,7	133,4
17	150 (2)	141,3	143,9	148,3	143,5	140,3	139,1
45	135,5 (2)	137,3	137	138	129,5	136,7	131,5
48	71 (2)	73,6	74,5	71,2	72,4	73,4	74,1
51	39 (1)	43,8	42,8	43,1	42,7	43,4	42,9
52	38 (1)	34,5	34,9	36	35,4	35,9	34,5
54	28 (1)	25,3	25,3	26,3	27	26	25,1
55	54 (1)	53,25	52,9	51,8	52,4	53,7	54,5
8:1	73,8 (4)	74,1	74,6	72,8	69,7	73,5	74
48:45	52,4 (2)	53,5	54,2	53,3	57,7	54,1	56,2
52:51	97,4 (1)	78,8	81,4	83,7	82,8	83,1	80,7
54:55	51,8 (1)	47,6	47,9	50,8	50,9	49	46,3

Таблица 7

Сравнительные данные по сарматским краниологическим сериям (искусственно деформированные черепа) ♀

Признак № по Мартину	Сарматы Румынии сборная	Позднесарматская культура, Нижнее Поволжье [Балабанова, 2013]	Позднесарматская культура, Нижний Дон [Батиева, 2012]	Некрополь Танаиса I–III вв. н.э. [Батиева, 2012]	Нижнегниловский некрополь I–III вв. н.э. [Батиева, 2012]	Кобяковский некрополь I–III вв. н.э. [Батиева, 2012]	Азербайджан, катакомбная культура [I–VII вв. н.э.]
1	171,2 (12)	175,2	176,9	172,6	182	178	177,5
8	140,4 (7)	133,5	136,4	139,6	135	133,7	129,7
17	134,8 (7)	135,6	135,1	136,6	135	136,4	130,3
45	132,2 (5)	128,8	126,8	129,6	123,5	126,9	125,1
48	70,5 (6)	70,5	71,4	68,8	67,4	68,6	67,6
51	43,9 (4)	42,4	41,2	41	41,4	41,4	41,3
52	36,9 (4)	35,0	34,9	34,4	33,5	35,1	33,2
54	25,5 (5)	51,2	23,1	23	23,6	24,7	24,3
55	53,4 (5)	24,1	51,2	49,3	48,6	50,6	50,8
8:1	81,2	76,3	77,2	81,5	74,3	75,3	73,1
48:45	54,4 (4)	54,8	56,1	52	55,2	54	55
52:51	84,05 (4)	82,6	84,5	83,8	80,5	84,2	84,3
54:55	47,8 (5)	47,1	45,2	48,1	48,7	49	48,1

Заключение

Сарматы Румынии были крайне смешаны в антропологическом отношении, среди них встречались как различные европеоидные, так и европеоидно-монголоидные типы. При сравнении (деформированные и недеформированные черепа) обнаруживают сходство с сарматскими палеоантропологическими сериями с территории Нижнего Дона, Поволжья и Украины. Наибольшее сходство прослеживается (искусственно деформированные черепа) с материалами Нижнего Дона. Возможно, последний был одним из исходных пунктов при движении сарматских племен на запад, в частности на территорию нынешней Румынии. Частично на это указывают и археологические материалы, и сведения письменных источников. Многие румынские археологи связывают сарматские могильники и погребения II–III вв. н.э. с роксоланами, а затем и аланами. Мы можем предположить, что в авангарде сарматского движения на запад преобладали роксоланы, а за ними следовали аланы, которые принесли обычай искусственной деформации головы на территорию Румынии.

Благодарности

Хотел бы выразить благодарность специалисту в области медицинской антропологии д.м.н. Анжеле Симальчик из Ясского филиала департамента антропологических исследований Румынской академии наук за предоставленную мне румынскую литературу и фото деформированных черепов из сарматских погребений близ г. Яссы. Искреннее признателен д.х.-б.н. Андрею Софикару из Института антропологии Ф. Райнера Румынской академии наук в Бухаресте за работы по палеоантропологии Румынии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Археология Румынии* / Под ред. Г.Б. Федорова, Л.Л. Полевого. М.: Наука, 1973. 412 с.
- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Балабанова М.А.* Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: Проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолж. археол. вестн. 2001. № 4. с. 107–122.
- Балабанова М.А.* Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железного века и раннего средневековья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук, М., 2013. 65 с.
- Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. — IV в. н.э.: (Палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Дзиговский А.Н.* Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса: Гермес, 2003. 240 с.
- Касимова Р.М.* Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку: АН АзССР, 1960. 134 с.
- Кириченко Д.А.* Сандыгтепе V по данным антропологии: (Предварительное сообщение) // Население юга России с древнейших времен до наших дней: (Донские антропологические чтения). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2013а. С. 68–69.
- Кириченко Д.А.* Сарматы Венгрии по данным антропологии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 3 (22). С. 103–112.
- Кондукторова Т.С.* Антропология древнего населения Украины. М.: МГУ, 1972. 155 с.
- Моринц С.* Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с Фокшанским погребением // *Dacia*. N. S. 1959. III. P. 451–471.
- Перерва Е.В.* Случай трепанации у сарматов: (По антропологическим материалам из могильника Пегрузное I) // Антропология. 2012. № 2. С. 123–133
- Рикман Э.А.* Этническая история Поднепровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 305 с.
- Сулимский Т.* Сарматы: Древний народ юга России. М.: Центрполиграф, 2007. 191 с.
- Том Т.А., Фирштейн Б.В.* Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов: Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. 202 с.
- Cristescu M.* Studiul antropologic al scheletelor din sec. III e.n. descoperite la Pogorăști, raionul Botoșani, reg. Suceava // *Arh. Mold.* 1964. № 2–3. P. 329–341.
- Diaconu Gh.* Târgșor. Necropola din secolele III–IV e.n. București: Academiei RPR, 1965. 332 с.
- Gatej M., Soficar A., Miritoiu N.* Expertiza antropologică a osemintelor umane de la Măriuța-La Movilă (com. Belciugatele, jud. Călărași) // *Studie de Preistorie*. 2007. № 4. P. 159–169.
- Miritoiu N.* Arhitectura craniană și deformarea artificială intenționată a craniului: Teză de doctorat. București: 2006. 413 p.

Сарматы Румынии по данным антропологии

Miu G. Studiul antropologic al scheletelor din necropola sarmatică de la Isaiia // Cercetari Istorice. Ser. Noua. 2007. XXI–XXIII. P. 59–73.

Necrasov O., Antoniu S. Sur un crâne présentant une déformation dite «macrocéphale», découvert a Tatina-Spațov // Ann. Sci. Univ. Iassy. 1962. № 8, 1. P. 115–120.

Nicolăescu-Plopșor D. Considérations anthropologiques sur les ossements humain trouvés dans les tombes sarmates de Galați // Dacia. N. S. 1979. XXIII. P. 333–338.

Ursulescu N., Kogălniceanu R. Necropola sarmatică de la Isaiia (c. Răducăneni, j. Iași) date preliminare // Cercetari Istorice. Ser. Noua. 2007, XXI–XXIII. P. 27–59.

Баку, Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана
dmakirichenko@mail.ru

The presented article considers paleoanthropological materials relating to Sarmatians of Romania. The article is a historiographic investigation giving a review of the Romanian anthropological literature on presence of Sarmatians on the territory of Romania. In the domestic anthropology the investigation stays the first attempt dealing with presence of Sarmatians on the territory of Romania. The Sarmatians of Romania were extremely mixed in the anthropological respect. They included both purely Causasian crania and those with a slight Mongoloid admixture. Certain Sarmatians of Romania practised artificial head deformation. One of the crania from among the Romanian Sarmatians manifested traces of trepanation. The anthropological types of Romanian Sarmatians were similar to those from Low Don, the Ukraine, and Low Volga basin. In the anthropological respect, the Sarmatians from Romania (with artificially deformed crania) stayed closest to those from Low Don. The Sarmatians of Romania included a considerable Alan component.

Romania, Low Don, the Sarmatians, the Alans, anthropological types, artificial deformation of the skull, trepanation.

ЭТНОЛОГИЯ

«МЕТКИ ЗЕМЛИ» И «МЕТКИ ДОРОГИ»: НАЗЕМНЫЕ ПРИРОДНЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ¹

В.Н. Адаев

Представлены набор применяемых ненцами наземных естественных и искусственных ориентиров, а также практика их запоминания и использования. Рассмотрено предложенное К.В. Истоминим и М.Дж. Двайером двухуровневое знание местности тундровых ненцев, где верхний уровень позволяет без сложностей перемещаться по территории, а нижний содержит детальные знания ландшафта, необходимые для занятия оленеводством. Сделан вывод, что универсальными и первоочередными естественными ориентирами для тундровых ненцев являются реки и возвышенности.

Пространственное ориентирование, тундровые ненцы, северные ландшафты, условные знаки, дороги.

Ненцы, как и некоторые другие коренные народы мира, заслужили славу виртуозно ориентирующихся людей, чей талант не сбиваться с нужного направления при отсутствии видимых ориентиров (в условиях полярной ночи, в пургу и туман) стал легендарным, и за ним виделись едва ли не сверхчеловеческие способности. Ненецкое глубокое знание северной земли и опыт ориентации в пространстве с самого начала были востребованы русскими переселенцами в Сибирь. Само освоение Ямальского Севера не могло состояться без обязательного человека из числа коренных жителей — «толмача и проводника», который сопровождал экспедиции, начиная с раннего периода и вплоть до первых десятилетий XX в.

Между тем система ориентирования ненецкого населения по-прежнему остается темой, не изучавшейся специально. В настоящей работе, написанной прежде всего на основе полевых материалов 2014 г., собранных в Надымском, Тазовском и Ямальском районах ЯНАО², рассматривается набор применяемых ненцами наземных естественных и искусственных ориентиров, а также практика их запоминания и использования. Методологической основой исследования являются сходные по тематике работы по этнографии других народов как нашей страны [Кулемзин, 1998, 2000; Лаврилье, 2010; Istomin, Dwyer, 2009], так и зарубежья [Лебедева, 2008; Allen, 2000; Aporta, 2003, 2009; Leroi-Gourhan, 1993; и др.].

Основная терминология

В качестве наиболее близких эквивалентов понятия «сориентироваться» участниками полевых исследований были записаны ненецкие выражения *сехэрым' хось* («найти дорогу») и *ям' тасламба* («определить землю»). Для термина «ориентир» отмечены две основные версии: *я' ненадумбава* («земли метка»), в более простом варианте — *ненадумд'*, *ненадумда'ма* («метка»); *сехэры тю'уй* («дороги указатель»). Нюансы различия приведенной терминологии будут освещены далее. В словаре Н.М. Терещенко представлен еще один синоним того же понятия — *пун* («ориентир», «примета»), производный от которого глагол, *пуноць*, означает «использовать что-либо в качестве ориентира» [1965, с. 416].

¹ Работа выполнена при поддержке государственного контракта № 24ок-2905/2014 от 3 июля 2014 г. «Архивные и полевые исследования системы ориентации в пространстве ненцев автономного округа» и гранта РФФИ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. чл.-кор. РАН А.В. Головнев).

² Полевые сборы осуществлялись Е.А. Волжаниной (Ямальский р-н), Р.Х. Рахимовым и автором настоящей статьи (Надымский и Тазовский р-ны). Выражаю благодарность преподавателям ненецкого языка Тазовской школы-интерната М.Х. Салиндер и Т.Д. Желкайдаровой, сотруднику Научного центра изучения Арктики С.Е. Сэрпиво и филологу Н.И. Вэллэ за помощь в редакции ненецких слов и выражений.

Естественные ориентиры

Чем дальше ненец проживает в одной местности, тем более детальные знания о местности, ее ориентирах, ландшафтных очертаниях он имеет. Доскональное знание своей земли подкрепляется весьма дробным топонимическим багажом. Причем названия эти довольно часто указывают на специфику географического объекта, его отличительные черты и качества, например: Нуна-яха — Спокойная река, Паравы-седа — Горелая сопка, Хасрё — Заболоченное озеро и т.п. В некоторых случаях, как указывает Г.П. Харючи, топоним несет в себе важное предупреждение для человека: *илена я* («живая земля», т.е. трясина); *Лабангане надо* (Обваливающаяся гора); *Ты ханонда надо* (Волчья сопка или «сопка, где много волков») [2012, с. 31].

Из высказываний ненцев: *«Каждое озеро, каждый ручеек, каждая речка, каждый холмик — имеют свое название. И каждый холмик, каждая речка — они отличаются друг от друга»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. При общении с одним из оленеводов, который вынужден был из-за перехода на работу в другое оленеводческое хозяйство осваивать новые для себя ландшафты, мы попросили его привести конкретные отличительные особенности окружающих речек. Прозвучал следующий ответ: *«Речек же одинаковых нету, они все разные. Вот эта речка, где мы сейчас стоим, она узкая, а предыдущая была шире. Если на ту речку попадете, на ней не везде можно найти брод, там и зимой переезд невозможно найти. А здесь другая сторона видна. Даже если речки примерно одного размера, то все равно они разные. Допустим, вот эта речка и та, они немного одинаковые, но что-то есть все равно их отличающее: почва, деревья там... В одном месте могут быть берега высокие, в другом пониже, или в одном месте может быть ягельник, а в другом мох* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Соответственно при детальном знании местности человек может легче, по меньшему количеству видимых объектов, определить свое местонахождение в условиях ограниченной видимости (ночь, пурга, туман и др.).

В общем массиве ландшафта всегда есть наиболее выдающиеся точки, которые выделяют данную местность из окружающих, облегчают ее запоминание. Нередко в качестве таковых выступают наиболее высокие, видимые на большом расстоянии объекты — сопки (*седа, сидя*), холмы или хребты (*хой*): *«Например, холмы. Холмы же разные — низкие, высокие. Бывают сопки большие. Километров за 10–15 видно. В километрах трех будет такая видна — просто смотри, чтобы видна была. Такие сопки — седа. Все — седа. У них свои названия. Можно сказать Си"ив седа — семь сопки таких рядом. Или Яхасаха' — это близнецы. У них у всех есть названия, поэтому так и ориентируемся. В некоторых местах в радиусе 10 на 20 км в одном месте, а в других вообще нету»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

При высокой сосредоточенности сопки в одном месте на первый план уже выходят их определенные приметные качества: совершенно голые, с деревом на вершине, двойные и пр. Иногда сопки могут иметь еще более выдающиеся особенности: *«У Сидеяхи есть две священные сопки. Они как бы растут. Одну сопку видно постоянно, а другую — только к вечеру. Прямо заметно, как она появляется»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Актуальность тундровых возвышенностей в качестве ориентиров подтверждается фразой, которая присутствует в качестве примера употребления слова *хой* («холм») в словаре Н.М. Терещенко: *Хойм' пуно"уадм'* («Я использовал холм в качестве ориентира») [1965, с. 416].

В юго-западной части ЯНАО отличным высотным ориентиром являются выступы Уральских гор (*Нарка" Пэ"*), которые в ясную погоду видны на многие десятки километров. Например, для ненцев Байдарацкой тундры таким хорошо различимым с большого расстояния объектом является гора Байдарата-Саурей, расположенная в верховьях р. Байдарата. За характерный профиль ненцы иногда называют ее по-русски «треугольником». В книге В.П. Евладова приводится рассказ о долгом путешествии ненецких морских охотников на лодке. Когда после бури ненцам удалось наконец подойти к берегу, перед ними предстала незнакомая местность и определить свое местонахождение они смогли лишь благодаря знанию горных отрогов Урала: *«Стали греть чай. Вдруг — на пяти оленях нарта. Видим — зырянин с мальчиком. По-самоедски не говорит, по-русски тоже не умеет, да и мы не знаем. Он только ответил, что святой камень Минисей тут неподалеку. Туман рассеялся. Минисей видно. Под Урал попали!»* [Евладов, 1992, с. 42]. На большом пространстве полуострова Ямал хорошим зрительным ориентиром является хребет *Ямал-Хой* — протяженная с севера на юг возвышенность на водоразделе между Карской и Обской водными системами. Подобным же дальним ориентиром (цепочкой холмов на горизонте) пользовались, судя по всему, ненецкие проводники А. Шренка в архангельской

тундре: «Открытый вид здесь не имеет границ, как и на поверхности моря, и находит преграду только в синеющем вдали тумане, где едва заметно волнующаяся линия, исчезающая в бледном небосклоне, там и сям обозначает верхнюю черту холмов и служит Самоеду верным компасом на этом тундристом океане» [Шренк, 1855, с. 253].

Отметим также, что все вышеуказанные возвышенности используются ненцами и для обзора местности. Так как они лучше всего видны на далеком расстоянии, в памяти ненцев формируется связанная система взаимного расположения возвышенностей, со знанием относительной высоты объектов, максимального расстояния, на котором те видны, особенностями очертания с разных направлений и т.п. Не случайно и для своих стоянок оленеводы предпочитают занимать господствующие высоты с хорошим обзором.

Чрезвычайно большое внимание при ориентации ненцы уделяют рекам. Именно реки являются отправным ориентиром, с которого начинается изучение незнакомой местности: «На новом месте сперва речки запоминаешь. Когда в незнакомом месте едешь, речку переваливаешь, ты уже смотришь, что где находится, берега какие — обрывистые, заросшие, песчаные. В той стороне, на юге Таймыра, там бывают берега-перекаты, там каменистая земля уже начинается» [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Важно отметить, что тундровики при запоминании концентрируются прежде всего на структурной системе речного бассейна, общей направленности течения его водотоков относительно сторон света. Конкретный же рисунок русла рек видится ими, как правило, очень схематично. В особенности такой подход типичен для оленеводов, но, как ни странно, обнаруживается в существенной мере и у ненецких рыбаков. Когда те по нашей просьбе рисовали систему проток и островов низовьев р. Таз, по которой они постоянно перемещаются, очертания земли и изгибы проток изображались также во многом схематично, без внимания к деталям. При этом непосредственно на месте те же рыбаки хорошо ориентируются в сложной системе проток, знают все опасные места.

Вопрос, безусловно, требует более обстоятельного анализа, но уже на этом уровне ознакомления с ним заметна существенная разница в самом принципе запоминания речных систем и уровне детализации этих знаний между ненцами и представителями типично таежных народов Сибири (хантами, манси, эвенками и др.). О том же свидетельствует наблюдение одного из исследователей этнографии эвенков А. Лаврилье: «Желая помочь им (эвенкам. — В. А.) сориентироваться, я, в соответствии с системой ориентации моей собственной культуры, указала им на четыре стороны света и самые высокие точки, но они мне ответили: “Нас не интересуют ни отправные точки, ни горы, нас интересуют реки!”. Кроме того, я заметила, что они, невзирая на принадлежность к тому или иному поколению, очень быстро находили на карте большие и малые реки, которые их интересовали, **всего лишь по конфигурации потока** (выделено мной. — В. А.)... Я заметила, что взрослые и дети, мужчины и женщины часто охотно повторяли, как таблицу умножения, связь рек и речек, покрывающих пространство, намного превосходящее ту территорию, которую им доводилось проходить в их кочевой жизни» [2010, с. 115]. Подобного рода информацию можно без труда встретить и в других этнографических работах по таежным народам (см., напр.: [Кулемзин, 1998, 2000]).

Для сравнения: ни один из опрошенных тундровиков не выразил уверенности, что он сможет идентифицировать на карте какую-либо реку из известного ему окружения только по общему рисунку течения. Для того чтобы начать работать с топографической картой, оленеводам, как правило, нужно было увидеть, где на ней находится близлежащая крупная река и какой-нибудь второй ориентир на ней (населенный пункт, приток и пр.). После этого они уже могли правильно указать ее притоки и свое настоящее местонахождение.

Существуют интересные нюансы, связанные с ориентированием по рекам. Как известно, течение реки обычно извилистое и преобладающее направление русла не всегда можно четко представить, видя перед собой лишь небольшой речной участок. Тем не менее изредка попадаются исключения — реки с ярко выраженной направленностью от истока до устья. Такие водоемы становятся для ненцев не только хорошими ориентирами (как выделяющийся из общего окружения объект и как указатель направления), но и удобными дорогами в зимнее время, так как по ним можно ехать постоянно по руслу, без необходимости выезда на берег, чтобы срезать большие петли. Для подобных рек у ненцев отмечено специальное название: «Некоторые речки, вот так в вершину встал — у нас там есть такая прямая речка Хутина, — видно аж устье там, далеко. Другие речки так не увидишь. А тут действительно, отец показал. Вот, хутина — значит «прямая речка». А есть другая, Харальян («извилистая»). — В. А.), бесконеч-

«Метки земли» и «метки дороги»: наземные природные и искусственные объекты...

ные повороты там. Это действительно харальянг. К ней даже на оленях лучше не спускаться. Так, вдоль речки едешь. Не дай бог к ней спустишься — оттуда уже не выберешься,— это натуральный харальянг» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Вообще, на территориях «голой» тундры для неопытных, мало знакомых с местностью людей именно реки становились главными дорогами.

«Формат» информации о водотоках, хранящийся в памяти тундровых ненцев, и то, как эта информация ими используется, могут быть проиллюстрированы следующим высказыванием одного оленевода: *«У речек все же притоки надо знать, сколько их впадает! Без этого ты пропадешь. Я же когда еду в темноте, то считаю: ага, первая осталась, вторую я должен пройти и третью, и у четвертой у меня чум стоит на развилке, где она разошлась с большой речкой. И точно попадаю»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Показательно, что выражение «считать речки» употреблялось почти всеми тундровыми ненцами в их рассказах о том, как они ориентируются в сложной сети мелких рек.

Автор разделяет мнение этнографов К.В. Истомина и М.Дж. Двайера, которые, анализируя материалы по этнографии ненцев Тазовского района, предположили, что именно реки составляют основную ось ментальной карты ненецких оленеводов. Причем в этой ментальной карте ненцев исследователи выделили два иерархических уровня: 1) верхний, представленный картой гидросистем, где объекты и территории увязаны с соседствующими водотоками; 2) нижний, в котором представлена детализированная карта какой-либо территории, ограниченной несколькими соседствующими гидросистемами. Сами оленеводы также ощущают это двухуровневое знание местности, где верхний уровень («знание рек») является общедоступным и позволяет без сложностей перемещаться по территории, а нижний уровень («знание земли») содержит детальные знания ландшафта, лишь владея которыми можно заниматься на каком-либо участке тундры оленеводством [Istomin, Dwyer, 2009, p. 39, 40]. Аналогичная информация была получена и в ходе наших полевых исследований.

Хорошим ориентиром на местности для ненцев могут служить озера. Особенно это касается территорий, где они сосредоточены в большом количестве. О специфике запоминания места в одном из подобных ареалов (южная часть Таймыра) рассказывал тазовский ненец: *«Когда на вертолете летишь — вообще много там озер. Как вот эта вода, она везде там сплошная. Озера тоже неодинаковые: отдельные растягиваются на несколько километров, на других там острова — с краю, на серёдке остров бывает, даже два острова бывает. И ты потом едешь, помнишь, что если речку проехал, дальше должно быть озеро»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Озера остаются ориентирами и в зимнее время. Учитывая их сильное заметание снегом, сглаживание очертаний рельефа, ограниченную видимость в условиях полярной ночи, подчас определить свое местонахождение с помощью этих объектов бывает трудно и опытным тундровикам. Иногда для уточнения оленеводы прибегают к старому испытанному способу: прощупать снег тыльной стороной хорея, на которой по традиции надет металлический наконечник в виде копы с тупым острием. Точно так же определяют свое местонахождение в речной губе.

Существуют некоторые другие отчетливые ландшафтные ориентиры, которыми с успехом пользуются ненцы. Например, последние группы лиственниц на границе лесотундры с тундрой (подобные места хорошо известны ненцам), многокилометровые широкие полосы кустарника на водоразделах рек, линия побережья моря или губы. Приведем в качестве примера одно из высказываний тундровиков: *«Здесь, около верховий речек, у нас идет полоса ольховника — километров 10–15 шириной. Она как бы разделяет: севернее начинается голая тундра, а к югу — лесотундра. Если едешь и увидел, что ольховник пошел,— это в сторону Таза уже, а дальше, за ольховником, реки пошли уже в сторону Мессо-яхи. Тут не ошибешься, в какую сторону ехать. Человек, если всю жизнь прожил в тундре, он знает уже все эти “места слежения”»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Кустарник также является главным опознавательным знаком берега при нахождении на заснеженной акватории моря или губы. Ненцы, неуверенные в своих способностях правильно ориентироваться на ледяных просторах, по возможности предпочитают двигаться в пределах видимости береговой кустарниковой линии.

В определенной мере ненцы используют в качестве ориентиров и овраги. Наиболее приметны они на пространствах открытой тундры. На это, в частности, обращал внимание один из оленеводов лесотундры: *«Ездил вот к жене, она-то у меня с Находки. У них там уже голая тундра начинается, там практически кустарника нету, вот и запоминал. Отличие у них в том, что там надо запоминать по холмам, речкам и оврагам»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. В

целом знания об оврагах в большей степени актуальны для выстраивания рационального, безопасного маршрута: «*Места не знаешь — можешь в лишние овраги залезть*».

Привычным действием для ненцев является запоминание деревьев или кустарников необычной формы (с поваленным стволом, «наподобие орлиного гнезда», с изогнутой формой и пр.) или стоящих отдельно от других, так как такой оригинальный объект тоже является хорошей приметой местности: «*Вдруг там дерево есть одно — самый лучший вариант*».

Материалы исследования позволяют предположить, что универсальными и первоочередными естественными ориентирами для тундровых ненцев являются реки и возвышенности. Показательно, что только речки (ручьи) и сопки фигурировали на рисунке местности, который сделали для В.Н. Чернецова ямальские ненцы, когда консультировали его по поводу поездки в устье р. Тиутей-яха. Любопытно, что сопки на этом рисунке были изображены в профиль, тем самым демонстрировались их узнаваемые очертания [Источники..., 1987, с. 98].

Возвращаясь к приведенной К.В. Истоминым и М.Дж. Двайером ненецкой системе двухуровневого знания местности, нужно сказать, что иногда переход от верхнего уровня («знания рек») к нижнему («знанию земли») ненцы проходят самостоятельно, методом проб и ошибок. В случаях, когда человек без посторонней помощи вынужден осваивать новую территорию для выпаса оленей, он в течение нескольких лет планомерно занимается ее подробным изучением, подбирая опытным путем оптимальные маршруты. Перед кочевкой на новое место оленевод совершает пешие выходы на 10–15 км, чтобы оценить качество пастбищ, определить удобные переправы через реки и место для стоянки: «*Ну, я обычно в тех местах, перед тем как каслать, сперва ходил же: на новое место попадаешь, надо сперва посмотреть. Смотришь, где какая речка, куда впадает, переправу для оленей смотришь — там мелко должно быть, и чтобы по берегам не такой кустарник. Я себе там тоже метки ставил*» [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Упомянутые в конце фразы «метки» — специальные знаки-ориентиры на местности, подробный рассказ о которых представлен в следующем разделе.

В заключение данного раздела приведем еще одну красноречивую цитату, демонстрирующую, как тундровики оперируют своим знанием ориентиров в пути: «*До выезда еще дорога вся уже в голове. Сопки запоминаешь, реки. Если едешь, вблизи не думаешь, думаешь вдаль* (выделено мной. — В. А.). *Должна появиться сопка, либо речка, либо бугор какой-нибудь заметный. Название речек все уже знаем. Притоки рек считаешь. Особенно в темноте: “Ага, перейти реку на восток”*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Искусственные ориентиры

В данном разделе будут представлены искусственные, в том числе специально сделанные, ориентиры, которые устанавливались самими ненцами, и те, что были сооружены другими людьми (главным образом промышленные и инфраструктурные объекты).

Непосредственно с установкой дорожных меток (маяков) в ненецком языке связаны глаголы *тюць* — «поставить вехи» (на дороге); *пйда(сь)* — «расставить вехи» (воткнув в землю или в снег кусты или ветви по одной стороне дороги для обозначения пути); *набта(сь)* — «посадить», «усадить» [Терещенко, с. 304, 434, 606]. Сами традиционные условные знаки на местности, используемые в тундре, можно разделить на две категории: просто ориентиры (*я' ненадумбава* — «земли метка» или *сехэры ненадумбава* — «дороги метка») и ориентиры — указатели направления (*сехэры тю"уй*).

Первая категория меток наиболее разнообразна. Тундровики могут в качестве ориентира воткнуть в снег вверх ногами срубленный куст («*ветки же вниз головой не растут*»), установить олений рог, палку, связать в виде «чумика» несколько веток. В некоторых случаях для повышения заметности к меткам привязывают яркую ткань или другой материал.

Устанавливаются такие знаки в основном: на съездах с основной дороги; перекрестках; границе леса или кустарника, отмечая начало прорубленной трассы; месте будущей стоянки, в начале узкой протоки, являющейся выходом из большого водного объекта; иногда — на самой дороге, если есть опасность, что она будет сильно перемертена; на местах речных переправ. Некоторые ненцы уточняли, что метки ставятся главным образом для ориентации в ночное время. Вообще, в хорошо знакомой местности, особенно там, где есть хороший обзор и/или большое количество естественных ориентиров, установка рукотворных маяков обычно довольно ограничена и применяется лишь для информирования идущих следом людей о направлении своего движения или месте стойбища. Ненцы, ставящие в таких условиях метки, чтобы не заблудиться,

«Метки земли» и «метки дороги»: наземные природные и искусственные объекты...

по общему мнению, либо совсем неопытные, либо те, кто от рождения не способен ориентироваться,— *эхоборта*. Из рассказа молодой девушки, ездившей к родственникам в лесотундру: «Мне говорят: “Ты зачем метки ставишь? Поселковая, что ли?”» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Многие из жителей лесотундры утверждали, что им в их местах рукотворные ориентиры совсем не нужны: «Меток мы никаких по пути не ставили — дороги же есть» [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Тем не менее в непривычных для себя ландшафтах ненцы чаще обращаются к рукотворным дорожным ориентирам. Так, на облесенной территории тундровиками иногда применяются зарубки на стволах деревьев или уложенный на ветви мох. Один из пожилых оленеводов рассказывал, как его в юности вместе с другими молодыми ненцами отправляли работать в незнакомые им северные районы тундры: «В Антипаютинской тундре, когда приехали, ставили себе метки на всей дороге. Мы молодые были, ездили, заготовливали ольховник и развозили по бригадам рыбаков. Через каждые 50 метров тычки ставили, чтобы от одной другую было видно» [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Приведенный пример скорее всего нельзя отнести к традиционному варианту установки ориентиров, о чем говорит и использование информатором русского слова в названии процесса: *тычка уабтамбава* («тычки ставить»).

Особая система дорожных ориентиров, имеющих ту же функцию, сложилась у лесных ненцев. Мы кратко приводим ее здесь лишь для сопоставления с тундровой. Как говорили лесные ненцы, все их подобного рода метки выполняют одну функцию — обозначают близкое присутствие дороги или ее ответвления. В качестве дорожных ориентиров ими используются особым способом затесанные вершины деревьев (*неклея, неккал*), уложенный на деревья мох (*имп нявако*, «моховая голова») и обычные затесы на стволах (*щапма*). *Неклея* — это метка, когда у дерева оставляют только «шапку» сверху, все нижние ветки обрубаются. Другой вариант подобной метки называется *неккал* — в средней части кроны дерева ветки обламываются с двух сторон, так что в итоге остается силуэт в виде восьмерки: «На неккал делают большую сосну на дороге. Когда 40° мороза, хореет чуть задел — сами отлетают, мелкие. Пока едешь, ты ударил, сзади едет — с другой стороны ударит, третий стукнул — всё, шляпа появилась мелкая» [ПМ Адаева, Надымский р-н]. Моховые метки самые недолговечные, особенно если просто уложены в развилки веток или повешены на сучки. Существует и более долговечный вариант, когда подрубается небольшое дерево и мох зажимается в трещине пенька.

Вторая категория, ориентиры-указатели, как понятно из названия, несет в себе еще дополнительную информацию о направлении, в котором нужно двигаться. Зафиксировано три подобных варианта дорожной метки: установленные наклонные палочки, воткнутая костровая головня, насаженный на шест олений череп. Все это может быть названо по-ненецки *сехэры тю’уй* («дороги указатель»).

В первом случае указателем служит набор палочек, установленных в особом порядке на месте, где стоял чум (*мяды*, «чумовище») или на повороте от основной дороги. Чаще всего это три-пять колышков от нескольких десятков сантиметров до полуметра высотой, воткнутых по возрастанию в одну линию и наклоненных в ту сторону, куда ушли люди: «Человек скаслал в тундре: одна палка маленькая будет под углом, вторая подлиньше и третья еще длинше — указывает направление, куда человек уехал. На стоянку ты пришел. Смотришь: ничего не видно. Куда человек скаслал? Он палочки поставит, три вешки, и эти вешки показывают путь, куда ушла дорога. Самая низкая — сантиметров 20–30 высотой торчит. И наклоненные, как будто они идут так» [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Колышки изготавливаются из подручного материала, обычно из дерева, но встречаются и другие варианты. Например, у В.П. Евладова описаны палочки-указатели из оленьего рога [1992, с. 203].

Метки в виде наклонных палочек упоминаются и в других известных источниках по этнографии ненцев. Так, Ю.И. Кушелевский писал в XIX в.: «Некоторые самоеды оставляют на чугорах (местах стоянки. — В. А.) несколько палок, воткнутых в снег наклоненными к тому направлению, где должен быть их новый чугор, и на этих палках они вырезают свои тамги (знаки), по которым и узнают, чей анас (аргш. — В. А.) стоял на чугоре» [1868, с. 66]. Приведенная информация о личных тамгах позволяет предполагать, что такой способ передачи информации не только имел широкое употребление, но и мог быть обращен как к конкретному человеку, так и к неопределенным, довольно условным адресатам.

Схожим по сути указателем является и оставленная костровая головня, которая благодаря своему контрастному цвету отлично видна на фоне снега. Описание этой ненецкой метки также встречается в литературе: «Уходя, пастух не забудет наиболее заметную головешку поста-

вить так, что она укажет путь стада. Если поблизости деревья, поместит ее между сучков. Строго придерживайтесь указанного направления — и нагоните стадо» [Салиндер, 1987, с. 40]. Аналогичную функцию указателя на оставленном стойбище иногда выполнял череп оленя: *«Могут еще голову оленя на палку поставить и повернуть в ту сторону, куда ушли. У ней специального названия нет, что она метка, просто голова, и всё»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Как сообщает Г.П. Харючи, еще одним условным знаком у ненцев, служившим для привлечения внимания, был кусок материи, привязанный к хореку (*лабаць*) [2012, с. 38]. Тазовские ненцы рассказывали об использовании костра, разведенного на возвышенности, в качестве сигнала для заблудившихся людей. В наши дни с той же целью иногда поджигают привязанный к воткнутой высокой ветке полиэтиленовый пакет или прикрепляют к установленному шесту подключенную к генератору электрическую лампочку, машут фонариками и т.п.

Кроме специальных путевых меток, хорошими ориентирами на местности могли быть некоторые стационарные объекты, связанные с жизнедеятельностью самих ненцев. Самый распространенный из них, дороги, будет рассмотрен отдельно в силу своей специфики. Следующие важнейшие ориентиры — священные места (*хэбидя я*) и кладбища (*хальмер*): *«Ненцы запоминают местность по этим священным местам, знают, что там такое-то... Потом, по захоронениям, по кладбищам. Раньше же ненцы по родам хоронили, и они всегда дорогу, если кто-то не знает, спрашивают. Им: вот, кладбище такого-то рода по дороге будет, потом там священное место (там же метка бывает — или кости, или еще что-то, листовенницы). И вот они так находили дорогу, запоминали»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Специфика расположения ненецких священных мест — в стороне от проторенных путей — сама по себе способствовала тому, что к ним выходили сбившиеся с пути люди: *«Раньше священные места в стороне стояли от основных дорог, таких дорог, как сейчас, не было. Они служили ориентирами, на них выходили, когда заблудишься»* [ПМ Волжаниной, Ямальский р-н]. Немаловажно, что священные места и кладбища обычно находятся на возвышенностях, многие из них остаются видны и в зимнее время.

Тем не менее и священные места, и кладбища могут, по мнению ненцев, представлять угрозу сверхъестественного характера для проезжающего и тем более остановившегося рядом с ними путника. По указанной причине знание о расположении близлежащих священных мест и кладбищ нередко использовалось с целью избежать их близкого прохождения во время поездки: *«Ты должен поехать до точки, а обратно ты должен по этому же следу. Не вкруговую, потому что там священных мест много. Если вкруговую проедешь, значит, у тебя что-то случится. Либо “Буран” сломается, либо заболеешь. Поэтому должен быть проводник»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Хорошим ориентиром могли стать оставленные ненцами в тундре запасы дров, сезонные стоянки нарт, особенно если для покрытия груза в санях использовались яркие материалы. Сложенные дрова и нарты тоже обычно располагались на возвышенностях, потому подолгу не заносились снегом и были видны на значительном расстоянии.

С успехом используются ненцами и искусственные ориентиры, поставленные пришлым населением. История существования некоторых из них уже весьма продолжительна. В частности, в книге Б.М. Житкова упоминается хорошо известный местным ненцам памятный знак, установленный на полуострове Ямале участниками экспедиции С.Г. Малыгина 1736–1739 гг.: *«Самоеды считают этот знак делом рук “турмана” (штурмана Иванова) и называют его поэтому Турман-юмба»* [1913, с. 58]. Современные тундровики сталкиваются уже с большим разнообразием чужеродных объектов, которые служат им надежными ориентирами на далеком расстоянии: тригопункты (*падлада ля*), буровые вышки, вышки сотовой связи (особенно при наличии на вершине освещения), крупные населенные пункты (в первую очередь исходящий от них электрический свет — *харад’ харл* [Харючи, 2012, с. 37]), газовые факела, трубопроводы, различные другие промышленные конструкции, авто- и железные дороги, оставленный транспорт, балки и т.д. Есть и местные достопримечательности, как, например, пограничные радиолокационные тарелки в окрестностях п. Гыда: *«У нас “священный” холм-ориентир — это армейские локаторы Гыданские. Появляется — всё, к нему едешь и не заблудишься никогда»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Оставляя в стороне негативное воздействие активного промышленного освоения на традиционную жизнь и культуру ненцев, нужно отметить, что в таких условиях ориентирование на местности значительно упрощается: *«И поселки сейчас светятся. Примерно знаешь, где Заполярка, вот в ту сторону смотришь — там Тазовский и Газсале. Если огоньков много, значит, там дорога, трасса. Только тупой заблудится»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Ненецкие дороги

Дорога всегда была первым ориентиром и путеводной нитью, которая вела в нужном направлении. В прошлом, до начала промышленного освоения Севера Западной Сибири, в тундре существовала насыщенная сеть нартенных дорог — зимних (*сехэры* или *шехэры*) и летних (*недарма*). Летние благодаря длительному активному использованию остаются хорошо заметными в тундре многие десятки лет.

В Тазовской тундре, близ правого берега Нижнего Таза до наших дней сохранилась местная достопримечательность — «Дорога Ваули Ненянга» (Ваули-недарма). Дорога протяженностью около 65 км ведет вдоль берега р. Таз от оз. Ненянг-то на запад-северо-запад к р. Щучьей (протока р. Мессояха). По пути она пересекает несколько крупных рек, заходит в заброшенный ныне п. Ярайка. При совпадении маршрута с подобными старыми дорогами современные оленеводы с удовольствием используют их, так как они проложены наиболее удобным путем, минуя сложно пересеченный ландшафт, и до сих пор остаются сравнительно чистыми от кустарниковых порослей. Показательно, что наезженные летние дороги все старого происхождения: *«Недарма были еще раньше, в те года, когда еще деды жили — когда лес возили, почту, в годы советской власти... И до революции ненцы тоже далеко ездили»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Оценивая высокий рационализм маршрута старых дорог, ненцы подчеркивают, что прокладывавшие их люди отличались особым талантом: *«Человек какой-то умный пробил, вот именно надо, чтобы дорога проходила по вершинам рек, где прямее, где лучше речки резать»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Кстати, подобного же рода замечания в отношении дорожных первопроходцев распространены и среди других северных народов. Так, этнограф А. Лаврилъе пишет о кочевых эвенках, что среди них *«изредка встречаются люди с изобретательным умом и обладающие высоким статусом: они умеют открывать новые пути и новые территории, прорубая топором в лесу более короткие пути, чем обычные кочевые дороги. Если этот путь нравится другим кочевникам, он вскоре станет новой регулярной дорогой»* [2010, с. 120].

В прошлом ненецкие дороги могли достигать значительной протяженности. В памяти оленеводов сохранились рассказы их дедов о дальних поездках в города и селения, расположенные в современных Ямало-Ненецком (Обдорск), Ханты-Мансийском (Березов, Сургут) округах, Красноярском крае и других регионах. По отзывам ненцев, в те времена (XIX — начало XX в.) не было необходимости специально пробивать дорогу в дальние места, в силу хорошей наезженности путей сообщения: *«Раньше отец далеко ездил. Ему дорогу не надо было знать — там же людей много было, кругом дороги были олени. Транспорт-то только олений был зимой»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Один из таких проторенных маршрутов, связывавший Гыдан с Сургутом, описал Б.Н. Городков: *«Дороги на Сургут пролегают вначале вдоль низовьев Пура. До р. Таиловой, притоку Надыма, в пределах лесотундры самоеды движутся различными путями, далее же придерживаются одной дороги, так как приходится пользоваться издавна существующими просеками в лесах. Этот путь, которым ходят и жители низовьев Пура и Таза, является лишь зимней дорогой, прокладываемой преимущественно по безлесным оплотам и по озерам. На лесистых участках она имеет вид узких просек»* [1926, с. 51].

В лесу и лесотундре, ввиду специфики ландшафта, дорога вообще нередко становилась главным ориентиром при передвижении. Из высказывания лесотундрового ненца: *«Я ездил и ориентировался только по дороге. В другом месте, там олень не пойдет. Без дороги олень тоже не пойдет»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Прорубленные в густом кустарнике просеки (*лэ-дара' ерсей*) становились узкими коридорами, через которые проходили в своих кочевьях ненцы и их олени стада.

Заключение

Навигационные знания ненцев включают богатейший багаж информации по местной географии и природе, опыт ориентирования с помощью целой системы разнообразных приемов, проверенные алгоритмы действий при возникающих в пути экстремальных ситуациях, доведенные до автоматизма навыки применения всего этого на практике. Знание природных ориентиров, использование искусственных указателей, техника их запоминания являются основой непосредственно практики ориентирования.

Один из важнейших итогов настоящего исследования — вывод о выделении рек и возвышенностей (сопки, горы, водораздельные хребты) в качестве универсальных и первоочередных естественных ориентиров для тундровых ненцев. Первые, по сути, представляют для жителей

тундры своеобразную сеть координат, к которой удобно привязывать расположение остальных объектов; в зимнее время они нередко становились пусть не самыми короткими, но надежными дорогами. С этим, кстати, согласовывается и упрощенная форма запоминания конфигурации течения водотоков — только в общем виде, без деталей. Вторые ориентиры, возвышенности,— как вешки, заметные на большом расстоянии, позволяют «достраивать» в воображении всю картину окружающего ландшафта, и, кроме того, ценны тем, что сами могут использоваться для обзора местности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Полевые материалы* В.Н. Адаева, 2014 г. (Надымский, Тазовский р-ны ЯНАО).
Полевые материалы Е.А. Волжаниной, 2014 г. (Ямальский р-н ЯНАО).
Полевые материалы Р.Х. Рахимова, 2014 г. (Надымский, Тазовский р-ны ЯНАО).

Литература

- Городков Б.Н. Краткий очерк населения Крайнего северо-востока Западной Сибири // Изв. Рос. геогр. о-ва. Т. VIII. Вып. 2. 1926. С. 50–76.
- Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 282 с.
- Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича: 1913. X. 350 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири.* Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.
- Кулемзин В.М. Пространственная ориентация охотничьих народов // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп.: В 2 т. Т. 2. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 242–244.
- Кулемзин В.М. О пространственной ориентации селькупов и хантов // Земля Колпашевская: Сб. науч.-популяр. очерков. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. С. 20–212.
- Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал: Путевые записки. СПб.: Тип. М.В.Д., 1868. 156 с.
- Лаврилье А. Ориентация по рекам у эвенков юго-востока Сибири. Система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // ЭО. 2010. № 6. С. 115–132.
- Лебедева А.А. О навигационном искусстве народов Океании // Индонезийцы и их соседи. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 365–371.
- Салиндер И. Полезная наука // Северные просторы. 1987. № 6. С. 40.
- Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.
- Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.
- Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 г. Александром Шренком. СПб.: Тип. Григория Трусова, 1855. 665 с.
- Allen G.L. Principles and practices for communicating route knowledge // Applied cognitive psychology. 2000. № 14. P. 333–359.
- Aporta C. New ways of mapping: Using GPS mapping software to plot place names and trails in Igloodik (Nunavut) // Arctic. 2003. № 4. P. 321–327.
- Aporta C. The trail as home: Inuit and their Pan-Arctic network of routes // Human Ecology. 2009. Vol. 37. P. 131–146.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. Finding the way: (A critical discussion of anthropological theories of human spatial orientation with reference to reindeer herders of Northeastern Europe and Western Siberia) // Current Anthropology. 2009. Vol. 50. № 1. P. 29–49.
- Leroi-Gourhan A. Gesture and speech. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. 432 p.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

The paper presents a set of earth-based natural and artificial landmarks used by the Nenets, together with practice of their learning and use. Subject to consideration being a double-level landscape knowledge among the tundra Nenets, suggested by K.V. Istomin and M.J. Dwyer, where the upper level allows moving easily across the territory, while the lower one contains a detailed landscape knowledge necessary for reindeer breeding. The author draws a conclusion that for the tundra Nenets rivers and hills stayed the top priority and universal natural landmarks.

Spatial orientation, tundra Nenets, north landscapes, conventional signs, roads.

КАРТА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СИМВОЛ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ПОПУЛЯРНОЙ КАРТОГРАФИИ РЕГИОНА, 1964–2014 гг.¹

М.Г. Агапов*, Ф.С. Корандей**

Исследуется стилизованное картографическое изображение Тюменской области. На протяжении нескольких десятилетий этот символ активно используется в разнообразных контекстах (в том числе административная практика, реклама, масс-медиа, городской и сельский ландшафт). Цель статьи — интерпретация корпуса, включающего в себя более полутора сотен стилизованных изображений карты Тюменской области, использовавшихся в качестве рисованных лозунгов, логотипов и эмблем с 1960-х гг. по настоящее время. Логика производства и использования иконических карт в массовой культуре описывается при помощи концепции популярно-географического топоса. Устойчивые модели, которым следуют изображения, входящие в исследуемый корпус, представляют собой отклик массовой культуры на актуальные проблемы регионального характера. В собранном нами корпусе отражается история данных вызовов с точки зрения анонимных авторов, использующих устойчивые модели создания географических образов в целях демонстрации определенного типа региональной идентичности.

Популярный географический топос, карта Тюменской области, региональная идентичность.

В один из летних дней 2014 г. авторы этой статьи, выйдя из дверей корпуса исторического факультета Тюменского университета, отправились вдоль центральной магистрали города — улицы Республики, считая изображения карты Тюменской области. Нам не пришлось долго искать, откуда начать. В нескольких шагах от университета расположена площадь Борцов Революции. На ней недавно был установлен фонтан, воды которого омывают характерный абрис. Пройдя всего пару кварталов по направлению к центру, мы сбились со счета. Два десятка фонарных столбов на пятисотметровом участке улицы, отделяющем университет от филармонии, несли на себе двойной комплект силуэта! Во-первых, на каждом висел вымпел, приуроченный к 70-летию области, во-вторых, силуэт был выбит на подножии этих столбов, изготовленных еще до административного решения 2008 г., устранившего силуэт с герба области. Затем мы достигли здания филармонии и, увидев картину, представленную на снимке (рис. 1), сдались окончательно.

Рис. 1. Угол улиц Республики и Челюскинцев в год 70-летнего юбилея Тюменской области. Август 2014 г. (фото С.В. Рассказова)

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-06-31317.

Наблюдавшееся нами обилие территориальной символики на улицах областного центра, без всякого сомнения, было связано с празднованием юбилея — в августе 2014 г. отмечалось 70-летие образования Тюменской области. Однако то, что столь заметно в праздники, является постоянным фоном будней. Стилизованное картографическое изображение Тюменской области — чрезвычайно популярный региональный символ, который активно используется в разнообразных символических контекстах, причем его использование отнюдь не всегда напрямую санкционировано административно. Официальная областная символика и пропаганда — лишь верхушка айсберга.

Не менее важна, скажем так, низовая инициатива. Силуэт области — частый элемент мемориалов, малых архитектурных форм, торговых марок, корпоративных брендов, логотипов компаний. Контур Тюменской области обнаруживается в символике многих местных общественных организаций и движений, отделений политических партий, спортивных объединений. Привычным выглядит использование силуэта Тюменской области в региональных избирательных компаниях и юбилейных мероприятиях. О популярности силуэта области свидетельствует его востребованность в сфере городского декоративно-прикладного искусства в духе ЖКХ-арта, в детском рисунке, коротко говоря — в сфере городского визуального фольклора.

Формулируя задачи нашего исследования, осуществлявшегося в 2014 г. под эгидой лаборатории исторической географии и регионалистики ТюмГУ как часть проекта по подготовке исторического атласа Юго-Западной Сибири, мы прежде всего предполагали обратиться к истории символа. Проведенное нами исследование подшивок областной прессы (1944–1991), и в частности газеты «Тюменская правда», выходившей под этим именем с момента образования области, позволило проследить эволюцию, которую претерпел символ, превращаясь из рисованного лозунга с первой полосы в предмет обихода, рекламируемый на четвертой. В то же время нас интересовали функции этого протеически разнообразного символа в современных символических контекстах. За неполный год нам удалось собрать базу данных в полторы сотни изображений, которая включает в себя примеры современного использования абриса Тюменской области в административной практике, рекламе, масс-медиа, ландшафтном и интерьерном дизайне и т.д. Выводы из обоих этих исследований будут использоваться и в этой статье, цель которой, однако, несколько иная.

Феномен, на данный момент исследованный нами лишь на материале одного региона, представляется типичным для Российской Федерации. Ставшая объектом нашего исследования популярная картография, т.е. картографические изображения областей, республик и округов, используемые не в привычном инструментальном смысле, но символически, является постоянной частью картины мира среднего жителя России. Общий смысл использования этих изображений, как официального, так и неофициального, — демонстрация специфической административно-территориальной идентичности, однако это определение отнюдь не характеризует разнообразия форм демонстрации на практике, равно как и самой этой практики, в основе которой — фольклорная традиция, берущая начало в официальной иконографии региона, но впоследствии развивающаяся по своим законам. Официальная иконография советской культуры, с характерными для нее режимами канона и строгой цензуры, исследуется довольно часто [Визуальная антропология..., 2009]. Нам бы хотелось обратить внимание на ту сферу советской и постсоветской визуальности, которая возникает как низовая реакция на этот канон в ситуации, когда цензура перестает быть тотальной. Эта низовая реакция не является сниженной или пародийной и вполне разделяет пафос, свойственный административной иконографии. Вместе с тем, попадая в область популярного воображения, мотивы административной иконографии претерпевают специфические превращения, суть которых будет охарактеризована далее при описании понятия *географического топоса*.

Популярная картография

Феномен популярной картографии начал изучаться в географии человека и смежных дисциплинах после поворота, произведенного в социальных науках работами фукианского критико-социального направления. По словам Дж. Харлея, в этот период происходит понимание того, что карты едва ли являются полностью бесстрастным и объективным инструментом описания географической реальности, но представляют собой образы, искаженные (*refracted images*) влиянием, которое оказывает на них социально конструируемый мир [Harley, 1988, p. 288]. В географии человека начинает производиться то, что упомянутый автор называл «деконструкцией карты»: отныне этот феномен все чаще изучается с точки зрения отношений власти и социальных процессов, контекстов, создающих многочисленные формы картографии, с точки

Карта Тюменской области как символ: географические топосы в популярной картографии...

зрения метафорической и риторической составляющих картографии, не менее существенных для ее понимания, нежели ее инструментальный аспект [Harley, 1989; Crampton, 2001].

Первая известная нам большая работа, посвященная сходному с нашим феномену популярной картографии, была издана в 1995 г. тexasским географом Р. Франкавиглией. В ней изучался феномен чрезвычайной популярности абриса американского Техаса. Франкавиглия поставил в своем исследовании ряд вопросов, отражающих эту новую оптику восприятия феномена картографии: что спровоцировало широкую распространенность карты Техаса в массовом воображении, как этот символ соотносится с другими визуальными образами региона, как карта превратилась из географического символа в бренд, означающий идентичность жителей штата, когда это произошло, наконец, кто использует карту Техаса в качестве символа, какова социальная природа этого явления. Р. Франкавиглия впервые ответил на вопросы, впоследствии весьма популярные в исследовании карт-символов (визуальные качества символа, делающие его легко запоминаемым; практика использования символа в рекламе как форма региональной саморепрезентации; историческая эволюция «официальной» формы региона; история конкуренции символа с другими репрезентациями). Карта Техаса была показана как гибкий инструмент социального воображения, приспособляющийся к различным целям. Вместе с тем книга Р. Франкавиглии не была лишена недостатков: она представляла собой сборник эссе, в каждом из которых вопрос рассматривался с точки зрения отдельного подхода (от психоаналитического до историко-географического). Работа оказалась весьма интересна с историко-краеведческой точки зрения, но не имела сравнительной перспективы. Выводы Франкавиглии, касавшиеся истории карты Техаса в популярной культуре, оказались достаточно тривиальными: автор избегал методологических обобщений, которые могли бы быть использованы при работе с другими подобными феноменами [Francaviglia, 1995].

В ряде других работ последующего периода иконические карты исследовались, как правило, со специальной точки зрения. Здесь может быть отмечена традиция исследования истории и современной практики политической пропаганды. К. Косонен, автор одной из первых известных нам работ такого направления, рассматривала историю картографических репрезентаций Финляндии (карикатуры, прессы, плакаты) как историю социальных тезисов и политических лозунгов, территориальных притязаний и уступок [Kosonen, 1999]. Сходным образом Р. Эдсалл и Б. Батуман исследовали практику использования стилизованных карт соответственно в американском выборном процессе и в процессе национального строительства Турецкой Республики [Edsall, 2007; Batuman, 2010]. Указанные авторы рассматривали интересующий нас феномен как элемент исключительно политического дискурса, что, по нашему мнению, ограничивает круг источников и возможных исследовательских стратегий.

Так, в частности, не санкционированное напрямую политическим процессом обширное поле популярного географического воображения остается вне поля этих исследований. Проблем этого популярного географического знания, стереотипных форм визуальной самоидентификации часто касаются специалисты по дизайну. Так, например, нам известно недавнее исследование визуальных качеств силуэта Австралии, в котором был подвергнут анализу обширный корпус логотипов, использующих эту символику. Автор продемонстрировал целый ряд визуальных трансформаций, которые претерпевает географическая карта при превращении в популярный символ. Однако, по понятным причинам, выводов, выходящих за границы профессиональной компетенции автора, в работе не делается [Dilanchian, 2011].

В связи со всем вышесказанным представляется актуальным применение к материалу визуальной географической образности нашей трактовки методологии географического образа, широко применяющейся в современной географии человека.

В отечественной традиции некоторые теоретические основания и практические методики работы с географическими образами — устойчивыми географическими представлениями, которые используются в популярных и академических дискурсах для характеристики тех или иных мест, описаны в работах Д.Н. и Н.Ю. Замятиных [Замятин, 2003; Замятина, 2006]. Вместе с тем, кажется, никто из отечественных авторов специально не занимался проблемой популярной картографии.

Географический топос

Методологическим основанием работы является вводимое нами понятие *географического топоса*.

Под *географическим топосом* мы понимаем инструментальную разновидность географического образа, используемую в популярных дискурсах (наглядная агитация, реклама, пропа-

ганда, периодическая печать, литература для массового читателя), как правило, для утверждения идеи коллективной территориальной идентичности.

Выбор термина объясняется следующими соображениями. В классической теории риторики, например у Аристотеля, под топосом понимался общепринятый способ аргументации [Аристотель, 1978, с. 23]. При этом топосы характеризовались Аристотелем со структурной точки зрения — как устойчивые сочетания предпосылок, которым, как правило, следует большинство людей, доказывая некую мысль [Там же, с. 111]. При исследовании рисованных утверждений, с которыми нам пришлось работать, было трудно избежать аналогий с этими хрестоматийными определениями: как оказалось, популярная картография также тяготеет к «естественным» путям аргументации, воспроизводящимся снова и снова в каждом конкретном случае. Универсальность этих способов визуальной аргументации, конечно, может быть оспорена — здесь мы, возможно, допускаем ту же подмену, что и Э. Курциус, понимавший под топосами не сами способы аргументации, а их конкретные исторические формы, устойчивые словесные клише [Махов, 2001]. Пусть «универсальность» наблюдавшихся нами схем пока ограничивается пределами известного нам сюжета — тем не менее, насколько мы можем судить, логика развертывания рисованных картографических лозунгов является общей для всего постсоветского пространства.

Итак, мы понимаем под *топосом* буквально «общее место», а именно образ, стереотипно применяющийся в данном символическом контексте, знакомый всем участникам коммуникации, постоянно, «традиционно» использующийся для решения некоторой коммуникативной задачи, в случае «географического топоса» — для утверждения принадлежности к общему географическому пространству.

Географический топос — это географический образ, используемый в инструментальных целях и отвечающий следующим критериям.

Прежде всего, такой образ — феномен популярного географического воображения, бытующий в популярных дискурсах (за пределами высокой литературы, академической науки и т.д.), т.е. соответствующий требованиям быстрого усвоения, легкого воспроизведения и распространения. По этой причине географический топос в его конкретных формах тяготеет к визуальности, наглядности, стремится к анонимности, часто является порождением непрофессиональной среды (авторство не указывается и не подчеркивается).

Географический топос представляет собой феномен традиции. Автор конкретного текста или изображения, как правило, знаком с принятой традицией создания подобных образов и использует в своей работе модели, уже ему известные. Требование оригинальности в данном случае не является важным — как продукт массовой культуры, географические топосы полностью соответствуют принятым в ней конвенциям.

Содержание топоса, как правило, представляет собой комбинацию нескольких элементарных стереотипных символических образов, характеризующих место или территорию. Комбинация эта обычно осуществляется по устойчивым моделям путем группировки одного или нескольких символов вокруг символа-основы, в нашем случае — абриса Тюменской области. Модели составления таких комбинаций хорошо известны авторам конкретных текстов или изображений и при необходимости снова воспроизводятся ими в акте символического высказывания (рисунок на обложке книги, знак рубрики в газете, карикатура, реклама или агитационный щит). Исследуемые нами символические изображения иногда не содержат никакой вербальной информации, обрамляющие их тексты часто не содержат интерпретации самого изображения; визуальный географический топос является полноценным высказыванием сам по себе, хотя, без всякого сомнения, должен рассматриваться с точки зрения стоящей за ним группы.

Краткая история символа

Стилизованные карты почти не появлялись на страницах тюменских газет 1940–1950-х гг. Так, сплошной просмотр номеров «Тюменской правды» с 1944 и до самого конца 1950-х гг. почти не дал положительных результатов (карты в этот период использовались сугубо инструментально, для иллюстрации сухих сводок мировой политики, например военных действий в Корее). Первые карты-контуры, не имеющие прикладного иллюстративно-географического значения, но представлявшие собой разновидность рисованного лозунга, начинают регулярно публиковаться в областной прессе лишь в самом конце 1950-х гг. Это были карты СССР, иллюстрирующие достижения народного хозяйства. Сначала Тюменская область не выделялась на подобных картах каким-то специальным образом, однако по мере развертывания на территории

Карта Тюменской области как символ: географические топосы в популярной картографии...

Западной Сибири геологоразведочных работ регион начинает все чаще изображаться на карте СССР в виде силуэта.

Постоянным героем страниц «Тюменской правды» карта области стала лишь в середине 1960-х гг. Наиболее раннее известное нам стилизованное изображение карты Тюменской области, представлявшее собой географический топос, относится к 23 мая 1964 г. Изображение символа нефтедобычи — вращаемого штурвала задвижки трубопровода, размещенного на фоне залитого темным силуэта Тюменской области, знаменовало собой начало промышленной переработки тюменской нефти. В этот день с Шаимского месторождения на Омский нефтеперерабатывающий завод был отправлен первый танкер.

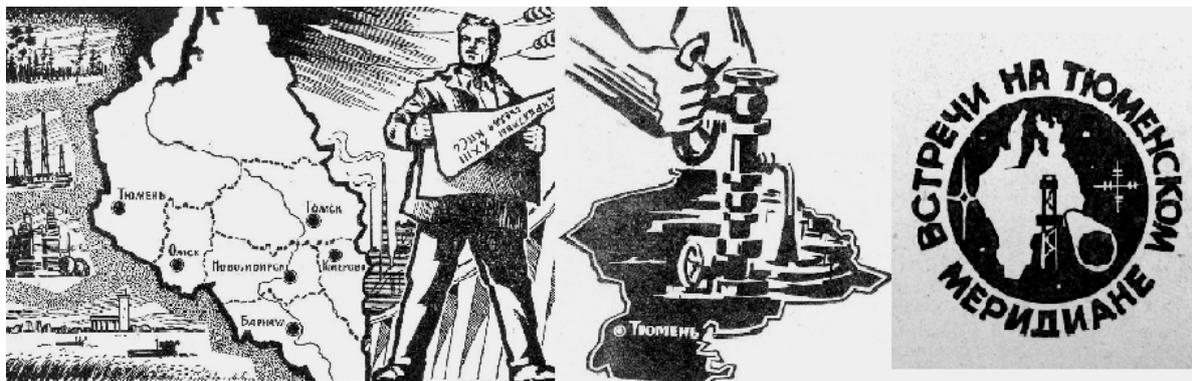

Рис. 2. Примеры стилизованных изображений карты Тюменской области (Тюм. правда. 1966. 15 апр. С. 1; 1964. 23 мая. С. 1; 1983. 1 янв. С. 1).

Этот первый известный нам из печатных источников образец визуальной метафоры (отождествления определенной профессиональной специализации с географической картой), по всей вероятности, отражал представления, существовавшие в популярном воображении несколькими годами ранее, уже в самом начале освоения нефтяных богатств области. Самодеятельный поэт писал в 1961 г.:

Все мне мало, все мало, все мало:
Видеть больше, и знать, и любить!
От Тюмени и до Ямала
Голубая протянута нить.
Все на карте указано точно
Города, и таежный простор,
И речушек витых узорчья,
И кудрявые пятна озер;
Уместились названия слитно,
Мелким буквам нет конца...
Одного лишь на карте не видно:
Самого человека — творца.
Беспокойное сердце, не сетуй,
Карта пусть полежит на столе:
Я давно географию эту
Изучаю. Ходя по земле [Молчанов, 1961, с. 3].

С конца 1960-х гг. стилизованное изображение Тюменской области получило широкое распространение в региональной печати, материалах наглядной агитации, быстро став «общим местом», знакомым и понятным всем участникам коммуникации, визуальной репрезентацией идеи принадлежности к общему географическому пространству. Несомненно, первое и центральное место в этом дискурсе принадлежало «профессиональной» картографической метафоре (или топосу профессиональной идентичности). Контур Тюменской области чаще всего совмещался с соответствующей символикой: вышка (нефтяная и/или газовая), трубопровод, самолет и вертолет и др. Несомненно, эта конфигурация впервые появилась в официальных информационно-пропагандистских материалах, призванных наглядно демонстрировать успехи в деле строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, вдохновлять трудящихся,

привлекать новые трудовые ресурсы. В 1970–1980-х гг. контур Тюменской области, совмещенный со стилизованными изображениями трубопроводов, вышек, поездов и задвижек, стереотипно использовался в качестве эмблем Всесоюзных ударных комсомольскихстроек, Всесоюзных интернациональных вахт, студенческих стройотрядов, помещался на памятных значках, медалях, вымпелах, которыми награждались участникистроек, покорители Тюменского Севера — отдельные люди и целые коллективы. Вместе с тем, уже с конца 1960-х гг. к официальной «индустриально-освоенческой» теме топоса профессиональной идентичности начинают примешиваться обертона, означающие проникновение этой модели в популярную, неофициальную сферу. Так, например, 6 марта 1968 г. на последней полосе «Тюменской правды» мы видим ту же модель, использующуюся для рекламы фотостудии. Спустя несколько десятилетий географическая метафора, отождествляющая профессиональную идентичность какой-либо группы (скажем, игроков в боулинг) с пространством области, является, пожалуй, самой популярной на сегодняшний момент моделью географического топоса. Эта современная картина географических топосов, о которой речь пойдет ниже, безусловно, должна рассматриваться как реакция на официальный дискурс.

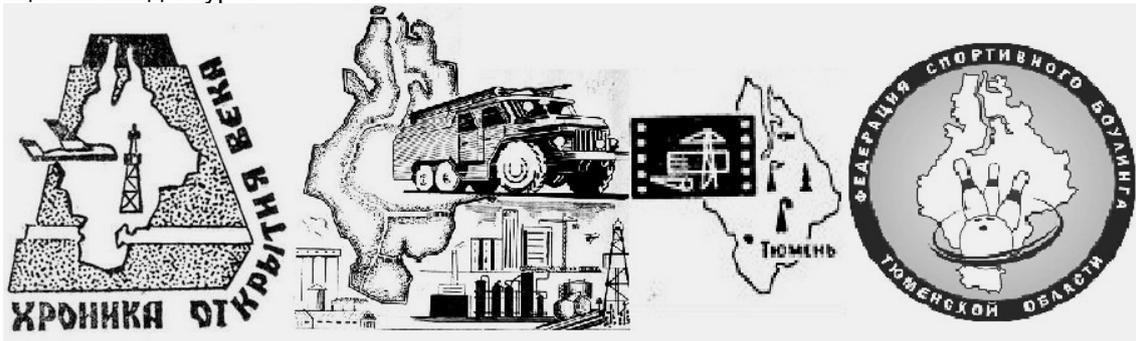

Рис. 3. Пример топоса профессиональной идентичности (Хроника открытия века // Тюм. правда. 1967. 2 апр. С. 4; Бережь от пожара народное добро — дело каждого // Тюм. правда. 1976. 16 марта. С. 4; Реклама фотостудии «Тюмень» // Тюм. правда. 1968. 6 марта. С. 4; логотип Федерации спортивного боулинга Тюменской области).

Начиная с 1980-х гг., когда, как было заявлено, закончился «первый этап развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса — этап формирования» [Аганбегян, 1984, с. 107], контур Тюменской области стал использоваться в качестве центрального символа региона как на местном, так и на союзном уровне. Посредством стилизованного изображения карты Тюменской области утверждался статус самой Тюмени — административного и культурного центра крупнейшего и важнейшего российского региона. Примечательно, что в 1990-е гг., когда контур Тюменской области достиг высшей точки своей «карьеры» — был помещен на герб Тюменской области, — в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, ставших с 1992 г. полноправными субъектами РФ и затем вошедших в состав Тюменской области на основе двухсторонних договоров («тюменская матрешка»), это было воспринято как выражение претензий Тюмени на доминирование в регионе. В то же время в ряде случаев даже для последовательных сторонников суверенизации автономных округов контур Тюменской области служил своего рода рамкой «развития цивилизованных отношений» между ними и Югом области (Тюменью) [Артеев, Чудновский, 1997, с. 3]. В 2008 г. депутаты Тюменской областной думы внесли изменения в закон Тюменской области «О гербе и флаге Тюменской области» 1995 г., в результате чего контур Тюменской области исчез с герба [Депутаты заблуждались...]. Впрочем, на популярности символической карты Тюменской области, по крайней мере на Юге области, это никак не отразилось.

Современная картина географических топосов

На основе собранных нами изображений можно описать несколько устойчивых моделей, к которым стремится большинство образов, включающих в себя в качестве базового компонента абрис Тюменской области. В первом приближении эти весьма распространенные изображения представляют собой метафоры идентичности, посредством которых некоторая группа отождествляет себя с пространством области. Что за группы характеризуют себя таким образом —

Карта Тюменской области как символ: географические топосы в популярной картографии...

вопрос не из легких. Уже описывавшийся выше топос профессиональной идентичности представляет собой наиболее простой пример: профессиональная группа отождествляется с пространством области напрямую, посредством самого изображения. В других случаях субъектом, который отождествляет себя с пространством области, также является группа, но стоящая за изображением. Пространство, в котором существуют интересующие нас репрезентации, по всей видимости, нельзя назвать ни в полном смысле индивидуальным, ни общественным. Большинство таких изображений — персонализация организации или коллектива, которые появляются на нем в виде надписи, уточняющей субъектность группы, отождествляющей себя с регионом посредством рисованного лозунга. В основе таких лозунгов, как правило, игра несколькими дополнительными географическими образами (или масштабами). Таковы топосы коллективного портрета и ландшафта, топос земного шара, российского триколора и т.п. В заключение мы характеризуем некоторые из этих моделей с точки зрения их структуры.

Топос профессиональной идентичности

Как видно из собранных материалов, данный топос сформировался раньше других. Нельзя не заметить, что с абрисом Тюменской области соединились символы только новых для региона, прежде всего добывающих (нефте- и газодобыча), профессий, тогда как представители традиционных промыслов (лесодобыча, рыболовство, животноводство и т.п.) собственной символикой на основе абриса Тюменской области так и не обзавелись. Иначе говоря, возникновение хронологически первого географического топоса было тесно связано с темами освоения, первопроектирования, романтики и прогресса, популярными именно в эпоху нефтяного бума [Карпов, 2014, с. 55; Ключева, 2014].

Символы новых для Тюменского края профессий, как и сами эти профессии, были привнесены извне. Так, нефтяная вышка была традиционным символом нефтедобычи еще до тюменской эпохи. Однако для создателей географического топоса тюменской профессиональной идентичности важным было подчеркнуть, что тюменские нефтяники, газовики, трубопроводчики, строители и т.п. выполняют особую миссию: в сверхсложных условиях создают главную топливно-энергетическую базу страны, т.е. в известном смысле образуют новую элиту в своих профессиях. Соединение профессиональной эмблематики с контуром Тюменской области донесло эту мысль с предельной ясностью. С другой стороны, этот же образ прочитывался как символ индустриального преобразования еще совсем недавно патриархального края.

Чаще всего абрис Тюменской области служит фоном, на котором размещаются эмблемы профессий (нефтяная и/или газовая вышка, трубопровод, строительный кран, самолет и вертолет и др.). Нередко абрис и эмблема располагаются рядом друг с другом. В обоих случаях абрис часто стилизуется под какой-либо связанный с данной профессией образ. Например, у нефтяников абрис уподобляется нефтяной капле или пятну, у газовиков — пламени и т.п. По мере развития региональной инфраструктуры свою профессиональную эмблематику с абрисом Тюменской области согласно описанной модели соединили представители производящих профессий и профессий сферы услуг. В постсоветский период абрис Тюменской области стал составной частью эмблем, логотипов, торговых марок и корпоративных брендов государственных и частных компаний.

Топос земного шара

Земной шар относится к числу важнейших образов советской наглядной агитации. В СССР он использовался для выражения ряда глобальных идей: мировой революции, международной солидарности трудящихся, международного движения за мир, научно-технического прогресса и т.д. [Визуальная антропология..., 2009, с. 196, 209]. Не следует забывать, что земной шар помещался и на гербе СССР. Коротко говоря, образ земного шара и его коннотации были хорошо знакомы всем участникам коммуникации. В областной печати образ земного шара вполне традиционно использовался в оформлении рубрик, освещающих международную жизнь («Международный обзор» в 1950-е гг., «Планета» и «Мир: события и проблемы» в 1970-е гг.). Стилизованными изображениями планеты сопровождался репортажи о праздновании 1-го Мая. Как видно по материалам советских областных газет (например, по фотографиям демонстраций трудящихся), образ земного шара широко использовался в наглядной агитации. Первое обнаруженное нами соединение изображения земного шара с местным локальным символом — нефтяной вышкой — относится к 1966 г., т.е. оно возникает уже в самом начале нефтегазовой эпохи в Тюменском крае.

Как на «земном шаре» появился абрис Тюменской области? Первоначально на земном шаре помещался контур СССР, внутри которого прочерчивался контур Тюменской области. По сути дела, на глобус прямо переносилось популярное в областной печати еще с конца 1950-х гг. изображение схематической карты СССР с контуром Тюменской области на ней. Поскольку в рамках профессионального топоса абрис Тюменской области был уже прочно связан с нефтяной вышкой, последняя становилось важной частью и топоса земного шара. Сочетание земного шара (чаще всего как фона всей композиции), контура СССР/России с контуром Тюменской области внутри него и какой-либо собственной эмблематики (как правило, вынесенной на передний план) представляет собой наиболее полный вариант топоса земного шара.

Топос коллективного портрета/ландшафта

В классическом варианте образцы изображений, смоделированные по этому типу, имеют форму фотографического коллажа, помещенного, как в рамку, в контур Тюменской области. Возможно, источником вдохновения для создания такого «коллективного портрета» послужили распространенные в советском быту 1950–1960-х гг. семейные коллажи из фотографий всех членов большой семьи, имеющих отношение к истории семьи вырезок из газет, почетных грамот и т.п. В 1967 г. в «Тюменской правде» была опубликована сделанная по такому же принципу А. Космаковым и Л. Комлевым «карта-плакат» Ханты-Мансийского национального округа. В 1970-е гг. коллажи стали излюбленным приемом фотохудожников областной газеты. Чаще всего коллажи представляли собой простую сумму фотографий тружеников Тюменского Севера, реже обыгрывался тот или иной вариант рамки. Так, например, в 1978 г. коллективный портрет нефтяников был вставлен в изображение большой единицы, в свою очередь являвшейся частью фразы «Принимай, Родина, 1 миллиард тонн тюменской нефти». На страницах областной печати топос коллективного портрета нами обнаружен не был, однако думается, что его возникновение стало результатом развития творческого воображения в обозначенном выше русле.

Другой вариант этой же модели — коллаж из множества индивидуальных и/или групповых портретов жителей области, отражающий основные этнические или профессиональные группы региона. Кроме того, в коллаж, как правило, добавляются фотографии с видами типичных ландшафтов разных географических зон Тюменской области. В первом варианте внутри контура Тюменской области границы между ее частями не проводятся, во втором — обозначаются границы между Югом области, ХМАО и ЯНАО. Второй вариант стал актуальным в 1990-е гг. в связи с возникновением «тюменской матрешки». Топос коллективного портрета/ландшафта сообщает зрителю идею органического единства «большой» Тюменской области и/или ее частей: сельскохозяйственного Юга и нефтегазодобывающих ХМАО и ЯНАО.

Заключение

Рассмотренный выше на материалах Тюменской области географический топос как феномен популярного географического воображения, безусловно, не представляет собой уникальный тюменский случай. Уже обзорное знакомство с российской региональной символикой позволяет нам сделать вывод, что комбинация нескольких локальных стереотипных образов на основе контура соответствующей территории является «общим местом». Примечательно, что в условиях «тюменской матрешки» развитие географических топосов региональной идентичности ХМАО и ЯНАО порождает ситуацию сосуществования разных ментальных образов Тюменской области. Если «южане» по-прежнему воспринимают ее как крупнейший субъект Российской Федерации, на территории которого может поместиться несколько европейских стран, то «северяне» понимают под Тюменской областью только ее Юг. Неудивительно, что в настоящее время стилизованные изображения карты «большой» Тюменской области используется преимущественно в самой Тюмени и на Юге области, тогда как в ХМАО и ЯНАО активно внедряется собственная региональная эмблематика, важной частью которой являются стилизованные изображения контуров округов. Данный пример показывает перспективы анализа устойчивых моделей географических образов при изучении различных аспектов региональной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аганбеян А.Г. Западная Сибирь на рубеже веков. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 109 с.
Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: МГУ, 1978. С. 15–164.

Карта Тюменской области как символ: географические топосы в популярной картографии...

Визуальная антропология: Режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. 448 с.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 336 с.

Замятина Н.Ю. Автопрезентация российских регионов (по официальным сайтам субъектов Российской Федерации) // Отеч. зап. 2006. № 5. С. 272–282.

Карпов В.П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 184 с.

Клюева В.П. «Вот там я, конечно, романтики нахваталась, начерпалась»: Как найти романтику в тяжелой работе // Обратная связь: Книга для чтения: Сб. ст. и эссе к 60-летию М. Рожанского. СПб.; Иркутск: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2014. С. 200–204.

Махов А. «Историческая топика»: Раздел риторики или область компаративистики? // Вопр. лит. 2001. № 4. С. 275–289.

Batuman B. The Shape of the Nation: Visual Production of Nationalism through Maps in Turkey // Political Geography. Vol. 29. 2010. С. 220–234.

Crampton J.W. Maps as social constructions: power, communication and visualization // Progress in Human Geography. 2001. Vol. 25 (2). P. 235–252.

Dilanchian K. The Graphic Gift: a Study of the Map of Australia's Visual Qualities. Master of Design (Research). Sydney: Univ. of Technology, 2011. 121 p.

Edsall R.M. Iconic Maps in American Political Discourse // Cartographica: The Intern. Journ. for Geographic Information and Geovisualization. Univ. of Toronto Press, 2007. Vol. 42 (4). P. 335–347.

Francaviglia R.V. The Shape of Texas: Maps As Metaphors. Texas A&M Univ. Press, 1995. 144 p.

Harley J.B. Maps, knowledge and power // The Iconography of Landscape, Cambridge: CUP, 1988. P. 277–312.

Harley J.B. Deconstructing the map // Cartographica. 1989. Vol. 26. P. 1–20.

Kosonen K. Maps, newspapers and nationalism: The Finnish historical experience // GeoJournal. 1999. Vol. 48. P. 91–100.

Источники

Артеев А., Чудновский Г. «Не стирайте ногтем, господа-товарищи, контуры Тюменской области» // Новости Югры. 1997. 29 июля. С. 3.

Депутаты заблуждались, принимая символ власти [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://72.ru/text/open_access/756516.html.

Молчанов И. География жизни // Тюм. правда. 1961. 5 дек. С. 3.

**Тюмень, ИПОС СО РАН
tagarov74@gmail.com*

***Тюменский государственный университет
brecht_1@mail.ru*

The article investigates a conventionalized cartographical picture of Tyumen Oblast. Throughout several decades this symbol has been actively used in various contexts, including administrative practices, advertisement, mass-media, urban and country landscape. The article aims at the interpretation of the data array, including over one hundred and fifty conventionalized pictures of the map of Tyumen Oblast used as painted slogans, logos and emblems since 1960s up today. The logic of production and use of iconic maps in mass culture is described using a concept of the popular and geographical topos. The sustainable models followed by the pictures included into the investigated data array represent a response of mass culture to urgent problems of the regional character. The data array collected by the author reflects the history of these challenges from view point of the anonymous authors, using sustainable models for creation of geographical symbols, aiming at demonstrating a certain type of the regional identity.

Popular geographical topos, map of Tyumen Oblast, regional identity.

«КТО МЫ И ГДЕ НАША НЕИМАТ?»: ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв. (на материалах Челябинской области)¹

А.А. Авдашкин

Статья посвящена вопросу этнической идентичности российских немцев на материалах Челябинской области в постсоветский период. На основе региональной периодики, архивных данных, устных историй и глубинных интервью предложены и охарактеризованы модели этнической идентичности российских немцев: ассимиляция, симбиоз, миграция. Кроме того, рассмотрена деятельность немецких культурно-просветительских организаций, приведена статистика внешних миграционных процессов с участием немцев региона.

Этническая идентичность, российские немцы, немцы на Урале, Челябинская область.

Распад СССР и его единого смыслового пространства, противоречия, вызванные сменой социально-экономической и политической модели развития общества, вызвали в нашей стране острый кризис коллективной идентичности. Попытки создания альтернативы утраченной картине мира сопровождались поиском новых ценностных ориентаций, в том числе через обращение к историческому прошлому. В результате на повестке дня появились и проблемы советских немцев, открытое обсуждение которых долгое время находилось под запретом. До начала «перестройки» в сознании советских граждан фактически не существовали советские немцы, а их история являлась пробелом в историографии, поскольку до начала 1990-х гг. исследования по данной теме практически не велись из-за негласного запрета [Черказьянова, 2009, с. 184].

На сегодняшний день история немцев на Южном Урале остается малоисследованной и нуждается в разработке. Из перечня работ, вышедших за последние 10–15 лет по данной проблеме, можно выделить труды И.Ф. Галигузова [2000], В.М. Кириллова [2009], Н.В. Матвеевой [2010], В.В. Степанова [2013]. Вопросам трудовой мобилизации и функционирования «трудовых армий» на Урале в годы войны пристальное внимание уделили историки А.Н. Курочкин [1997, 1998], А.А. Герман [Герман, Курочкин, 1998], А.Б. Суслов [2003], Г.А. Гончаров [2006]. Жизнь немецких религиозных общин на Южном Урале в 1940–1950-х гг. рассматривала А.Н. Потапова [2013]. Отдельно отметим исследование В.М. Кириллова, посвященное исторической памяти и идентичности немцев-трудармейцев [2011]. Краткий обзор историографии по заявленной теме позволяет утверждать, что проблемы исторической памяти и идентичности российских немцев на материалах Урала только недавно заняли свое место в научной дискуссии.

Для приращения научного знания в этом направлении с методологической точки зрения продуктивен междисциплинарный синтез истории, социологии и психологии. Новизной и необходимым уровнем эвристики отличается подход, предложенный В.С. Курске. Согласно позиции автора, этническая идентичность меньшинств, в том числе российских немцев, интегрирует элементы этничности и дополняется иными маркерами (региональные, конфессиональные, лингвистические и гражданские идентичности). Структура этнической идентичности российских немцев в постсоветский период отличается высокой степенью изменчивости и определяется набором маркеров: язык, историческая память, религия и т.д. Однако немецкий язык (и его диалекты) изменил во второй половине XX в. свой функционал и перешел из сферы практического применения в область символов. Изменение функций немецкого языка, а также снижение уровня его знания российскими немцами обусловили приоритетность других параметров: общность исторической судьбы, участие в работе национальных общественных организаций, активизация миграционных намерений [Курске, 2011, с. 12].

В.С. Курске выделяет несколько идеальных типов этнической самоидентификации: 1) отсутствие самостоятельной идентичности российских немцев (нарастающий процесс ассимиля-

¹ Исследование выполнено в рамках целевой программы «Фонд поддержки молодых ученых» ФГБОУ ВПО ЧелГУ «Модели этнокультурного самоопределения и воспроизводства этнической идентичности (на примере немецкой и еврейской диаспор Челябинской области 1989–2003 гг.)» (грант ФГБОУ ВПО ЧелГУ ФПМУ 1/14).

ции расселенных дисперсно на территории России локальных и не связанных сообществ); 2) российские немцы в качестве самостоятельной общности, отличной от родственной им немецкой нации; 3) пограничное или маргинальное состояние, когда попытка выработать групповую идентичность не ведет к ее целостности [Курске, 2008, с. 44–45].

В данной статье предпринята попытка анализа этнической идентичности российских немцев в постсоветский период и определения основных особенностей менталитета данной диаспорной группы на материалах одной из областей Южного Урала.

В качестве источниковой базы из фондов регионального архива привлечены материалы органов власти о межнациональных отношениях в регионе, деятельности немецких национально-культурных центров и общественных организаций (справки, отчеты) [ОГАЧО, ф. Р-274, Р-700, Р-1041, Р-1589, П-288], личные фонды педагога и активиста немецкого культурного центра г. Копейска М.М. Клайна и председателя Челябинского отделения фонда культуры К.А. Шишова [ОГАЧО, ф. П-123, Р-233], справочник общественных и религиозных объединений, зарегистрированных в Челябинской области [ОГАЧО, ф. П-374]. В научный оборот также введены полевые материалы автора, представленные текстами устной истории и свободных интервью. В исследовании были задействованы российские немцы, проживающие в Челябинске и Копейске (30 респондентов). Интервьюирование проводилось в период с мая 2013 по сентябрь 2014 г. Сбор материала шел как в официальной обстановке, с применением диктофона и структурированного опросника, так и в форме бесед в неформальной обстановке и с последующей фиксацией наблюдений в полевой дневник. Возраст информантов от 85 до 18 лет. Наибольшее число (20) находятся в возрасте 40–57 лет. Гендерное соотношение — 10 женщин, 20 мужчин. Активистами немецких национально-культурных обществ региона являются 9 информантов. Отбор информантов происходил методом «снежного кома»².

Кроме того, нашли применение и статистические данные, прежде всего о национальном составе населения по переписям 1989 и 2002 гг., а также материалы региональной периодической печати. Определенную пользу принесли и материалы сети Интернет, где на сайте лютеранской общины г. Челябинска помещен текст интервью с представителем данной общины Гартман.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала 39 тыс. немцев, проживающих в Челябинской области [Национальный состав..., 1990, с. 8]. Однако, по оценкам экспертов, сделанным в 1996 г., немецкое население образовывало три группы: первая состояла из лиц, указавших свою принадлежность в переписи населения 1989 г. как «немец» (39 тыс.); вторая группа включала тех, кто скрыл свою этническую принадлежность (не менее 40 тыс.); третья группа была наиболее многочисленна, в нее входили потомки от смешанных браков (она оценивалась в несколько раз больше, чем первая). Другими словами, эксперты, состоявшие в том числе из руководителей и активистов немецких культурных центров, заявляли о возможной численности немцев в области около 180–250 тыс. чел. [ОГАЧО, ф. Р-233, оп. 1, д. 479, л. 2].

Основная часть немцев — бывшие трудармейцы, строившие Челябинский металлургический комбинат и работавшие на шахтах Копейска, Еманжелинска, Коркино в 1940-х гг., а также их потомки. Часть немецкого населения компактно проживала в Октябрьском р-не Челябинской области (Барсучье, Шипинка, Маякский). Они прибыли и осели на этой территории еще до 1917 г. и являлись в этническом плане «изолированными» [ОГАЧО, ф. Р-274, д. 3575, л. 158–160]. Однако численность последних на начало 1990-х гг. не превышала нескольких сотен, а попытка проведения среди них полевых исследований успеха не имела, поэтому отбор информантов происходил в Челябинске и Копейске. В настоящий момент немецкая общность, сформировавшаяся из различных групп, как по времени прибытия в регион, так и по географии зон исхода³ образует две основные и довольно устойчивые категории идентификации: российские немцы и уральские.

Идентичность поколений 1960–1990-х гг. конструировалась через индивидуальное принятие скорее социальной и культурной роли немца, нежели этнической. В результате происходило приписывание индивидом себе ряда качеств, обозначенных как этнические коды, позволяющие отличать «своего» от «другого»: пунктуальность, вежливость, рациональность, честность,

² Метод «снежного кома» — это метод теоретического насыщения, при котором отбор единиц исследования осуществляется следующим образом: первоначально определяется группа подходящих респондентов, в ходе опроса которых выясняются адреса других лиц (знакомых, родственников, друзей, партнеров), которых затем также опрашивают. Процедура возобновляется — узнаются адреса третьих лиц и т.д.

³ Значительно число поволжских немцев, тех, кто еще в советское время прибыл из других регионов Урала. Кроме того, встречаются немцы, перебравшиеся из соседнего Казахстана в постсоветский период.

однозначность карьерной стратегии и т.д. В массовом сознании граждан бытуют представления о том, что этничность — это наследуемая от семьи характеристика. Эти представления находили практическое отражение в том, что история семьи становилась основным местом поиска «корней», а семейные истории выступали базой при конструировании идентичности. Иными словами, достижения прежних поколений, их вклад в развитие мировой культуры, прежние социальные и культурные статусы интерпретировались через идею этничности и воспринимались как личные жизненные ориентиры. В итоге на исторической памяти, с глубокой брешью, соответствующей второй половине XX в., возводился новый конструкт этничности, включающий миф «об общем происхождении» и «общей истории группы». В «общей истории» ключевыми вехами стали переселение немцев в Россию, фиксирующее точку отсчета истории российских немцев, и репрессии в 1940-х гг., предстающие причиной нынешнего статуса группы. Материалы интервью достаточно четко привязаны к этой логической схеме общего прошлого. Для последнего высокую значимость имеют и места памяти, т.е. географические объекты, выполняющие роль когнитивных и аффективных скреп для «общего прошлого». Образы родины представлены так: в качестве реальной родины выступает Челябинск, Урал, Россия. Причем все три понятия применяются синтетически по принципу «матрешки»: *«Челябинск же часть Урала, а что есть Урал? Урал — это Россия. Россия — наша Heimat...»* [Полевые материалы...]. Иными словами, образ реальной родины многослоен и включает в себя локальную идентичность — немцы Урала — и представление о гражданской общности.

Для старшего поколения наряду с Россией важным местом памяти выступает бывшая АССР НП, но она воспринимается не как географическое и социально-политическое понятие. Ее образ связан с отнятой независимостью, автономией и благополучной жизнью предков, незаслуженными репрессиями. Образ республики немцев Поволжья образует исторический ориентир, то, к чему логически должны были стремиться немецкие общественные организации и интеллектуальная элита на рубеже 1980–1990-х гг. Несмотря на тот факт, что Германия осознается как «историческая родина», социально-культурный феномен и географическое место, откуда произошли все немцы, ее роль как места памяти крайне ограничена и существенно уступает идеализированному образу АССР НП.

Для российских немцев, в том числе проживающих на Урале, и на сегодняшний день актуальны проблемы этнической идентификации, вызванные утратой родного языка, культуры, глубокая травма идентичности. Так, например, в г. Копейске уже в начале 1990-х гг. не больше 20–25 % немцев знали язык, традиции, культуру немецкого народа [ОГАЧО, ф. П-123, оп. 1, д. 330, л. 3]. Ситуацию по областному центру и региону в целом можно оценить в рамках этих же показателей (не выше 20–30 %) [Полевые материалы...].

Ассимиляционной моделью отрицается общая групповая идентичность «российских немцев». В качестве оснований на то приводятся: отсутствие общей территории проживания, нарастающие процессы этнокультурного, брачного и языкового смешения и т.д. В данном контексте целесообразно говорить о немцах в России как о нескольких поколениях вынужденных мигрантов⁴, этническая идентичность которых постепенно утрачивалась и носила все более фрагментированный характер.

В ходе интервью респонденты обозначали ассимиляционные процессы и травму идентичности. *«Русская я... не могу себя назвать немкой. После войны я помню, как иногда мне говорили: “О! Немка! Фашистка!”». В какой-то степени это угнетало... Мой брат хотел поступить в какой-то институт — его не взяли. Его “завернули”». «Папа поставил условие, что дети будут лютеранами... я была лютеранкой... но когда папы (немец) не стало, мама (русская) постепенно “перетянула” нас с братом в православие, к нему я пришла в уже сознательном возрасте»* [Полевые материалы...].

Подчеркивалась и утрата немецкого языка: *«Мы знали немецкий, на быденном уровне могли переброситься парой слов в кругу семьи или своих, но в то же время не приветствовалось, что ты где-то на улице говоришь на немецком, хотя запретов-то каких-то вроде не было». «Родители еще дома говорили на немецком, а я уже его не знаю. Я помню, как папа часто ругался: “Пусть дома дети говорят на немецком...”». Мой брат, уехавший в Германию в 1992 г., он знает немецкий... дети мои, конечно, уже не знают»* [Полевые материалы...].

⁴ Точкой отсчета вынужденной миграции советских немцев, по мнению автора, является 1941 г., когда произошло упразднение АССР НП и начались депортации и трудовые мобилизации.

К. Кох полагал, что общий уровень утраты немецкого языка в пользу русского составляет среди российских немцев около 70 % (цит. по: [Протасова, 2003, с. 29]). По данным микропереписи 1994 г., только треть немцев области владела немецким языком [Челябинский рабочий, 1995].

Для Челябинской области характерен дисперсный тип расселения немцев, что, по мнению Н.В. Матвеевой и В.М. Кирилова, затрудняло их социальную консолидацию и создавало условия для ассимиляции, «забвения» идентичности. В результате «перекося» половозрастной структуры в пользу мужчин частой стала практика смешанных браков, что создавало благоприятную среду для ассимиляционных процессов, утраты языковой среды и затрудняло самоопределение детей в таких семьях в выборе идентичности [Матвеева, 2010, с. 70; Кириллов, 2009, с. 155].

Ассимиляционная модель дает основания говорить, что немцы в Челябинской области имели отрывочное представление о своих немецких корнях, закрепленное в фамилиях, исторической и семейной памяти о происхождении предков, связями с родственниками, живущими в Германии.

Модель симбиоза позволяла воспроизводить уникальный тип идентичности («российские немцы»), наделенный самобытной культурой, диалектами, историей и самосознанием. Российские немцы предстают как динамично этнизирующееся сообщество, достигшее автономности от обеих материнских культур: *«Нельзя переносить “калькой” немцев Германии на российских немцев — я за то, что формировался уникальный тип, народ. Немцы России... они сохранили то, что привнесли из немецких земель и перенимали традиции окружения. Шло двуязычное преподавание... мой отец знал и немецкий и украинский»* [Полевые материалы...].

В качестве важной особенности этой группы фигурировала институционализация этничности посредством создания общественных организаций, культурных центров для сохранения и развития немецкой культуры. Так, в 1989–1996 гг. были образованы немецкие культурные центры и общественные организации в Челябинске, Златоусте [ОГАЧО, ф. П-374, оп. 1, д. 39, л. 9–10], Копейске [Копейский рабочий, 1996], объединения немцев «Widergeburt» («Возрождение») в Челябинске, Копейске, Еманжелинске [Neues Leben, 1989b], Zukunft («Будущее»), «Содружество» в Миассе, Челябинске [ОГАЧО, ф. П-374, оп. 1, д. 39, л. 8–10].

Заметим, что численность участников и заинтересованных в деятельности центров была различной и культурные общества объединяли от нескольких десятков до нескольких сотен участников. Например, на начальном этапе своей деятельности немецкий культурный центр г. Челябинска включал около 200 чел. [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 201, д. 937, л. 7]. Наибольшие затруднения в работе таких общественных формирований вызывала проблема финансирования, поэтому зачастую их деятельность держалась на энтузиазме активистов и руководства.

При организации в 1989 г. немецкого культурного центра в г. Челябинске прошло социологическое исследование по изучению языковых процессов и роли культурного центра в сохранении этнокультурных традиций. Его результаты показали уровень знания немецкого языка: «понимали немецкую разговорную речь» — 45 %; «понимали, читали, писали» — 40 %; «желали изучать немецкий язык» — 61 %; «желали передать молодежи и детям знание языка» — 84,6 %, «обычаи и традиции» — 67 %; от немецкого культурного центра ждали в основном следующего: «основные направления в работе центра — передача обычаев и традиции» — 61 %; «наиболее интересующие темы: изучение истории советских немцев» — 64 %; «встреча с интересными людьми» — 42 % [Полевые материалы...].

Как можем заметить, респонденты хотели передать традиции и культуру своим детям, будущим поколениям, вместе с тем знание языка в среднем находилось на низком уровне — он не выступал как повседневное средство общения в советский период, отсутствовала система образования на немецком, что приводило к сокращению его роли.

Немецкий культурный центр организовал активную культурно-просветительскую деятельность, включавшую празднование Пасхи, Рождества, дней немецкой культуры, обустройство и содержание кладбища трудармейцев, действовала детская воскресная школа, велось изучение немецкого языка, культуры, истории немцев края [ОГАЧО, ф. Р-274, оп. 10, д. 3573, л. 24]. На заседаниях постоянной комиссии по науке, культуре, народному образованию и национальным вопросам при областном Совете народных депутатов отмечался удачный опыт работы воскресных школ, образованных еврейским и немецким культурными центрами [Там же, д. 3710, л. 14].

Особую роль в передаче традиций, организации культурного досуга и общения российских немцев, особенно для людей старшего поколения, играли фольклорные коллективы. В 1990 г. в г. Коркино для сохранения языка, самобытности немецкого населения образовали ансамбль немецкой музыки «Эдельвейс» [ОГАЧО, ф. Р-1589, оп. 1, д. 2899, л. 52]. При его участии прохо-

дили дни памяти трудармейцев, жертв политических репрессий, празднование Пасхи и Рождества, немецкие праздники в городах области [Там же, д. 2725, л. 77, 95; д. 2899, л. 97, 105]. В 1969–1993 гг. вел творческую деятельность ансамбль «Кристалл», с 1988 г. — ансамбль немецкой музыки. «Кристалл» активно гастролировал, выступал на праздниках немецкой культуры и музыки в России и Казахстане [Там же, д. 2715, л. 78–82].

На внимательное отношение российских немцев к возрождению своей культуры в малых городах области указывает и то, что при культурном центре г. Коркино работала библиотека на немецком языке, собранная самими активистами, в местной газете «Горняцкая правда» регулярно выходила специальная страничка, посвященная проблемам развития немецкой культуры [Там же, д. 2718, л. 13; д. 2725, л. 10–11].

Сложнее складывалась ситуация с изучением языка и организацией языковых курсов. В 1994 г. при воскресной школе немецкого культурного центра работали две группы по 15 чел. каждая [Там же, д. 2850, л. 130]. На 1996 г. на территории области работали 7 немецких творческих коллективов (Златоуст — 1; Коркино — 2; Миасс — 3; Челябинск — 4), культурные центры действовали в Челябинске, Златоусте, Коркино и Миассе [ОГАЧО, ф. Р-233, оп. 1, д. 479, л. 10].

Немецкий язык не изучался как родной в школах региона. Исключение составляли лишь углубленные курсы его изучения в общеобразовательных школах. В Челябинске, Златоусте, Барсучьем, Маякском, Подовинном немецкий язык по этим программам изучали 1670 учеников. Воскресные школы работали в Челябинске (50 чел.), Златоусте (34 чел.), Миассе (13 чел.), Барсучьем (18 чел.). Уровень обеспеченности необходимыми учебными пособиями в среднем по области составлял около 50 % [Там же, л. 11].

В 1995 г. в Миассе прошел специальный семинар, посвященный «перспективным моделям деятельности центров и обществ российских немцев». Мероприятие проводилось Союзом немецкой культуры и Международным союзом российских немцев [ОГАЧО, ф. Р-1589, оп. 1, д. 2899, л. 19]. В 1996 г. Коркино посетили референт Германского союза в поддержку немцев за рубежом К. Вакс и эксперт-консультант при Министерстве по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации Н.Е. Прянишников. Цель визита заключалась в знакомстве с работой немецких культурных центров и изучении культурных запросов немцев, проживающих в области. Делегация посетила немецкий культурный центр и концерт ансамбля «Эдельвейс» и осталась довольна активной деятельностью последних в возрождении немецких традиций, языка и культуры на Южном Урале [Там же, д. 2899, л. 35; Горняцкая правда, 1996].

Действовали немецкие организации и в Магнитогорске, поддерживая связи с иными объединениями области, успешно работал фольклорный ансамбль «Нахтигаль» [Галигузов, 2000, с. 449]. Для желающих изучать немецкий язык открылись языковые курсы, праздновались Пасха, День благодарения и урожая. Для повышения эффективности работы общественных объединений GTZ (Германское общество по техническому сотрудничеству) выделило грант на обустройство центра встреч российских немцев в г. Магнитогорске [Магнитогорский рабочий, 1999а].

В 1997 г. создали немецкую региональную национально-культурную автономию. Ее цель заключалась в возрождении культуры и традиций российских немцев в пределах области, а также создании для них благоприятных социально-экономических условий [Вечерний Челябинск, 1997]. В Челябинске, Копейске, Октябрьском р-не организовали 22 группы по изучению немецкого языка. В 1997–1998 гг. проводились три загородных лагеря по изучению немецкого языка и культуры, которые посетило в общей сложности 120 учащихся [Южноуральская панорама, 1999]. В рамках этих программ на оз. Тургояк в 1998 г. проходил летний лингвистический лагерь «Quelle» (с нем. «источник») [Содружество, 1998].

В 1997 г. прошла встреча с координаторами немецкого проекта по техническому сотрудничеству с Россией. В рамках встречи стороны заключили договор об организации языковых курсов на средства гранта. В результате информационно-обучающий центр «Знание» работал по программе «Breitenarbeit» (с нем. «широкая работа»), заключив договор с GTZ, и организовал 15 групп по изучению немецкого языка (в среднем каждая из них насчитывала по 17 чел.). Уже в следующем году их число составило 24 (около 600 обученных). Налаживалось активное сотрудничество со школой № 96 г. Челябинска, где немецкий язык изучался углубленно [ОГАЧО, ф. Р-700, оп. 1, д. 583, л. 44].

В этом же году в г. Челябинске обучающий центр «Знание» и Челябинская городская общественная организация «Widergeburt» (с нем. «возрождение») образовали центр встреч российских немцев, в котором готовили и проводили немецкие праздники: Рождество, Пасха, Карна-

вал, Праздник урожая, День матери, организовывали просмотр и обсуждение фильмов на немецком языке.

Действовал клуб «Muttersprache» (с нем. «родная речь»), при котором работали пять детских и две взрослые группы на бесплатной основе. За 1999–2000 гг. курсы немецкого языка в нем прошло 100 учащихся. Учебная литература, видео- и аудиоматериалы поступали от GTZ и Международного союза немецкой культуры. Аналогичный проект при поддержке кафедры иностранного языка МГПИ функционировал и в Магнитогорске [Магнитогорский рабочий, 1999б].

Помимо культурно-просветительской работы центр встреч занимался социальными программами. При финансовой поддержке GTZ 50 ветеранов-трудармейцев и жертв политических репрессий прошли курс лечения в санатории-профилактории «Алмаз» [Зало, 2000, с. 44–46].

По разным причинам большинство все же находились в отрыве от своей культуры, языка, традиций. Количество вовлеченных в деятельность культурных центров составляло минимум (от 5 до 10 % на разных этапах). Однако в среде российских немцев существовали и свои представления о немецкой идентичности. Последние складывались на основе образов и позитивных стереотипов о «типично немецком» социальном поведении, организации быта и регуляторах человеческих отношений. По данным исследователя Э.Р. Барбашиной, при ответе на вопрос об определяющих типичного немца признаках чаще всего указываются: «трудолюбие», «исполнительность», «аккуратность», «умение рационально вести хозяйство», «пунктуальность» и т.п. Известно, что этнические группы могут «наделять» себя качествами, которые им приписываются [2004, с. 171–172].

Аналогичную тенденцию можем наблюдать и на региональном материале. *«Семья, так или иначе, оставалась ячейкой воспроизводства этнической идентичности: песни, стихи, праздники, кухня, режим жизни, социальное поведение, отношение к другим людям («обращение на “Вы”»), особенности быта (“чистые окна, чистота, порядок, пунктуальность, порядочность”»).* *«Основным источником была семья, ее история. Мне нравилось уважительное отношение в семье, в быту, мне нравился язык, немецкий менталитет, дисциплина, качественная система воспитания детей».* *«Даже, если завтра пройдет перепишь, я не смогу написать, что я русская немка... но быть немкой для меня это быть правильным, педантичным, говорить на немецком, не считать себя “русским” (русаком)».* *«Манера поведения... внутренние качества. Нордический характер, определенный педантизм, идеальный быт... все по струночке налажено»* [Полевые материалы...].

Важным каналом возрождения духовности и этнического самосознания российских немцев являлась религия. Действовали религиозные общины, в организации и деятельности которых значительную роль играли немцы-католики и лютеране: приход Непорочного Зачатия пресвятой Девы Марии Римско-католической церкви в Челябинске и лютеранская община [ОГАЧО, ф. Р-1041, оп. 1, д. 1755, л. 100].

Когда в 1940–1950-х гг. советские немцы подвергались гонениям, молитвенник стал для многих единственным, что соединяло с церковью, помогало сохранить веру. Значительная их часть потом уехали в Германию, а свои молитвенники и книги передали католической общине [Нахтигаль, 2013б, с. 16]. *«После выселения, войны и трудармии, когда все родственники были найдены, сестры моей матери помогли мне прийти к Божьему Слову. Книг из дома сохранилось очень мало. Сборник духовных песен был редкостью. Сборники переписывали от руки и передавали друг другу. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появилась возможность приобретать книги по почте из Риги и Петербурга. Так я приобрела молитвенник Штарка, книгу проповедей К. Блюма, краткий катехизис д-ра М. Лютера. Библию мне прислали из редакции газеты “Neues Leben”»* [Гартман].

В 1993 г. началось строительство католического храма на месте бывшего лагеря для трудармейцев, материальные средства на строительство храма католическая община получала из Германии, Австрии, Швейцарии. Большой вклад в завершение строительства внесла католическая община: оказывали помощь строителям непосредственно на стройплощадке, помогали материальными средствами, в уборке мусора. По состоянию на 1994 г. строительство оценивалось в значительную сумму: не менее 10 млн долларов, поэтому в силу нехватки средств в середине 1990-х гг. возникла опасность срыва строительства. Однако даже в недостроенном здании священники В. Палеш и Р. Франица проводили мессы на русском и немецком языках, так как прихожане знали немецкий в недостаточной степени. В 1998 г. община перебралась из молитвенного дома в часовню храма, поскольку он еще не был достроен; на ее освящение пришло много гостей из области (Копейск, Коркино, Чешма, Старокомышинск) и Германии (Гам-

бург). За эти годы община изменилась — появилось немало молодежи. В храме прошло первое венчание молодой пары [Челябинский рабочий, 1994, 1998; Вечерний Челябинск, 1998].

Лютеранскую общину в г. Челябинске изначально образовали бывшие трудармейцы. Многие прихожане лютеранской общины города пережили репрессии и трудармию, прошли лагеря, немало женщин из общины тогда работали на лесоповале [Нахтигаль, 2013б, с. 25]. В общей сложности с 1985 по 2002 г. в Челябинске крестили и конфирмовали около 900 чел.⁵ Больше половины из них к началу 2000-х гг. эмигрировали в страны дальнего зарубежья [Челябинский рабочий, 2002].

Согласно дуальной модели идентичности российские немцы являются переходным «мостиком» между немцами и русскими: они вхожи в оба этнокультурных пространства, но не склонны осуществить выбор. Такого рода идентичность определяется как «конфликтная» даже в том случае, когда индивиду удается примирить две ее составляющие. Обратной стороной вышеописанной ситуации может выступать модель кризиса самовосприятия, когда российские немцы отказываются считать себя русскими, но не воспринимают себя и как «настоящих» немцев. Эта ситуация психологически некомфортна, поэтому носители раньше или позже принимают другие типы идентичности или уходят от решения этого вопроса.

Инструментальная модель (или тип мигранта) выделяется условно, поскольку исходит из понимания идентичности как инструмента для миграции на «историческую родину». Газета «Neues Leben» в 1989 г. отмечала, что причины эмиграции немцев заключаются «в общем экономическом, социально-политическом и культурном кризисе нашего общества. Это всего лишь процесс “голосования ногами” против развала экономики, антинародной национальной политики, очередей и бескультурья... У немцев возможность такого голосования появилась реально» [Neues Leben, 1989а].

По мнению историка В.М. Кириллова, память о репрессивной дискриминационной политике советской и российской властей сформировала и закрепила негативную этническую и гражданскую идентичность в сознании российских немцев и подвигла их к выезду на «родину предков» [2011, с. 348].

Микроперепись 1994 г. показала, что в страны дальнего зарубежья из Челябинской области выезжали в основном немцы. В 1989–1994 гг. выехало около 10 % немцев [Челябинский рабочий, 1995]. Результаты социологического исследования, проведенного по заказу администрации Челябинской области в 1995 г., показали, что для немецкого населения области были характерны миграционные настроения: около трети имели планы сменить место жительства в ближайшие годы [Возрождение Урала, 1995, с. 2].

По переписи, проведенной в 2002 г., немецкое население области с 1989 г. сократилось на 10 758 чел. [Национальный состав..., 2005, с. 6]. Также есть данные, что в первой половине 1990-х гг. Челябинск покинуло 3200 немцев, Копейск — 1000, Коркино — 1300, Миасс — 198, Барсучье — 110, Маякское — 433, Подовинное — 158 [ОГАЧО, ф. Р-233, оп. 1, д. 479, л. 9].

Показательны мотивы миграции В.И. Люфта, прошедшего трудармию и испытывавшего все тяготы после: «В.И. Люфт боялся рассказать детям о своей, как он говорит, жалкой жизни, в которой его очень часто угнетали и унижали. Вот и решил он всей семьей уехать в Германию. Не хочет он, чтобы дети его страдали из-за чиновничьей глупости» [Нахтигаль, 2013а, с. 70].

Таким образом, трансформация этнической идентичности российских немцев происходила на фоне, с одной стороны, дискриминации советского времени, а с другой — диссонанса в постсоветский период, вызванного противоречиями в этнической, конфессиональной, гражданской идентификации и появлением широких возможностей эмиграции в страны дальнего зарубежья.

Базовым этническим кодом, как правило, выступает историческая память, осознание взаимосвязи между семейной памятью и памятью коллективной. История отдельно взятой семьи и ее членов вплетена в контекст истории российских немцев, основными событиями которой выступили переселение в Россию и депортация, упразднение АССР НП. Отметим сложность этнической идентичности российских немцев, ее расположенность к «дрейфу», а именно: ассимиляционная модель включает фрагментарные элементы немецкого самосознания и «русскую» идентичность, как гражданскую, так и этническую; модель симбиоза русского и немецкого этнокультурного компонента приводит к осознанию себя «российским/русским немцем»; в рамках дуальной модели ситуации конфликтных идентичностей, как правило, изживаются в пользу одной из них или в пользу этнической индифферентности; инструментальная модель предполагает

⁵ К сожалению, данных о количестве крещенных в католической общине обнаружить не удалось.

ет стремление приобрести немецкую гражданскую идентичность, данную модель трудно охарактеризовать, поскольку мотивы миграционного поведения позволяют рассматривать этническую идентичность как инструмент для смены места жительства.

В настоящий момент сложно сказать, какая из моделей идентичности займет основное место и определит будущее российских немцев. В роли будущей основной модели идентичности можно рассматривать разные феномены и идеи: ассимиляция, эмиграция, автономия, национальные районы, историческое прошлое и т.д. Но наибольший «исторический шанс» имеет, на наш взгляд, модель симбиоза и установка на этнокультурное самоопределение посредством создания диаспор, сети национально-культурных организаций и программ: 1) самоорганизация в местах проживания российских немцев; 2) развитие социальных связей и институтов для сохранения и трансляции этнокультурных ценностей — культурные центры, общественные организации, семья, образовательные структуры, интеллектуальные элиты (лидеры).

Целесообразно обозначить круг рекомендаций для реализации этих задач: 1) проведение исследований по выяснению численности и расселения российских немцев, качественных и количественных исследований и мониторингов по выяснению потребностей и ожиданий российских немцев во избежание неконтролируемого и безосновательного роста надежд и последующего разочарования и апатии; 2) системное исследование ассимиляционных процессов как формы накопления социального капитала. Необходимо понять ассимиляцию не как кризис, а как новый виток развития идентичности группы, изыскивая в нем позитивные компоненты, что позволит в перспективе «пробудить» этническую идентичность в следующих поколениях; 3) превращение районов компактного проживания в территориальные символы российских немцев — конструирование региональных идентичностей; 4) мониторинг и анализ миграционных процессов с участием российских немцев; 5) системное исследование влияния депортации, трудармии, дискриминации на идентичность советских/российских немцев, обнародование исторической правды о них.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Вечерний Челябинск*. 1997. 17 дек. С. 1.
Вечерний Челябинск. 1998. 19 авг. С. 1.
Возрождение Урала. 1995. 30 авг. С. 1–2.
Гартман О. Член лютеранской общины г. Челябинска // Из истории лютеранства в Челябинске: Воспоминания из жизни детских и послевоенных лет [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.lutherchel.ru/LutChel2.html>.
Горняцкая правда. 1996. 1 ноябр. С. 2.
Копейский рабочий. 1996. 3 дек. С. 1.
Магнитогорский рабочий. 1999а. 2 февр. С. 2.
Магнитогорский рабочий. 1999б. 24 авг. С. 2.
Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) / Госкомстат РСФСР; Челяб. обл. управление статистики. Челябинск, 1990. 91 с.
Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. / Челябинскстат. Челябинск, 2005. 124 с.
ОГАЧО. Ф. П-123. Оп. 1. Д. 330. Личный фонд педагога и активиста немецкого культурного центра г. Копейска М.М. Клайна.
ОГАЧО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 479. Личный фонд председателя Челябинского отделения фонда культуры К.А. Шишова.
ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Фонд Челябинского облисполкома.
ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 937. Фонд Челябинского обкома КПСС.
ОГАЧО. Ф. П-374. Оп. 1. Д. 39. Справочник общественных и религиозных объединений, зарегистрированных в Челябинской области.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 583. Фонд Администрации Челябинской области.
ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1755. Фонд Управления юстиции Администрации Челябинской области.
ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Фонд Управления культуры Челябинского облисполкома (позднее — администрации Челябинской области).
Полевые материалы. Челябинск, Копейск, 2013–2014 гг. / Авдашкин А.А.
Содружество. 1998. № 5. 1–15 сент. С. 1.
Челябинский рабочий. 1994. 25 янв. С. 7.
Челябинский рабочий. 1995. 9 февр. С. 4.

А.А. Авдашкин

- Челябинский рабочий. 1998. 4 ноябр. С. 1.
Челябинский рабочий. 2002. 23 окт. С. 2.
Южноуральская панорама. 1999. 25–31 марта. С. 5.
Neues Leben. 1989a. 16 Aug. S. 5.
Neues Leben. 1989b. 27 Sept. S. 3.

Литература

- Барабашина Э.Р. Об этническом будущем российских немцев: Сохранение, трансформация, ассимиляция? // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X Междунар. конф. Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2004. С. 162–176.
- Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: История и культура. Магнитогорск, 2000. 500 с.
- Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.). М.: Готика, 1998. 208 с.
- Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск: ЧелГУ, 2006. 222 с.
- Зало О.В. Проблема национального и интернационального воспитания в деятельности молодежного клуба при городском центре встреч российских немцев «Видергербурт» («Возрождение») // Международный форум Дети-Молодежь-Общество. Проблемы воспитания патриота и гражданина в современных условиях (Челябинск, 18–19 мая 2000 г.). Челябинск, 2000. С. 44–48.
- Кириллов В.М. Немцы на Урале: XVII–XXI вв. Н. Тагил: НТГСПА, 2009. 288 с.
- Кириллов В.М. Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Междунар. науч. конф. Москва, 21–23 октября 2010 г. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 322–349.
- Курочкин А.Н. «Трудармия»: Историография и источники // Российские немцы: Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 4–9 сентября 1996 г. М., 1997. С. 126–139.
- Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. 19 с.
- Курске В.С. Система этнической идентичности и типы этнической самоидентификации российских немцев // Немцы России: Исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 29–30 октября 2007 г. М.: МСНК-пресс, 2008. С. 43–46.
- Курске В.С. Множественная этническая идентичность: Теоретические подходы и методология исследования (На примере российских немцев): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2011. 27 с.
- Матвеева Н.В. Российские немцы на Урале: Проблемы и перспективы развития // Немцы новой России: Проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 7–9 декабря 2009 г. М.: МСНК-пресс, 2010. С. 69–71.
- Нахтигаль А.Я. Урала немецкий характер. Т. 1. Челябинск, 2013а. 150 с.
- Нахтигаль А.Я. Урала немецкий характер. Т. 2. Челябинск, 2013б. 160 с.
- Потапова А.Н. Религиозные общины немцев на Южном Урале // Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы: (К 70-летию депортации немецкого населения СССР): Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург: Университет, 2013. С. 151–160.
- Протасова Е.Ю. Русско-немецкий билингвизм и русский язык: Опыт Германии // Диаспоры. 2003. № 1. С. 29–48.
- Степанов В.В. Немцы на Урале: Вчера и сегодня // Два с половиной века с Россией: (К 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 24–27 августа 2012 г. М.: МСНК-пресс, 2013. С. 696–701.
- Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) Екатеринбург; Пермь: УрГУ; ПГПУ, 2003. 331 с.
- Черказьянова И.В. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев и развитие историографии о немецком населении (1990–2000-е гг.). // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, И.О. Иванов. Челябинск: Изд. Центр ЮУрГУ, 2009. С. 184–185.

Челябинский государственный университет
adrianmaricka@mail.ru

The article is devoted to ethnical identity of the Russian Germans according to materials from Chelyabinskaya Oblast' during the post-Soviet period. Basing on the regional periodicals, archival data, verbal stories and depth interviews, subject to proposal and description being models of ethnical identity of the Russian Germans, such as assimilation, symbiosis, migration. Besides, the author describes the activity of German cultural and education centres, quoting statistics of the external migration processes with the involvement of the Germans from this region.

Ethnical identity, Russian Germans, Germans at the Urals, Chelyabinskaya Oblast'.

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА У СИБИРСКИХ ТАТАР ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.Т. Бакиева

На основе полевых этнографических материалов реконструируется традиционная родильная обрядность сибирских татар юга Тюменской области. Анализируются обычаи и обряды, связанные с до- и послеродовым периодом у женщин, с рождением ребенка и ранним периодом его жизни. Приведены пословицы и поговорки, отражающие отношение сибирских татар к детям.

Родильная обрядность, сибирские татары, беременность, повитуха, роды, очищение, социализация, посещение роженицы, наречение именем, обряд обрезания.

Проблема этнографического изучения детства становится одним из актуальных направлений российской этнографической науки. В последние годы появилось много работ по данной проблематике, которые основываются на этнографических материалах, относящихся к различным регионам Поволжья, Сибири, Средней Азии, Казахстана, Кавказа и др. В этом отношении сибирские татары изучены недостаточно полно. Специальных публикаций на интересующую нас тему не имеется, некоторые сведения о родильной обрядности у сибирских татар содержатся в работах Ф.Т. Валеева [1993], Г.Ш. Файзуллиной [1997], Г.И. Зиннатуллиной [2010], Г.Т. Бакиевой [Бакиева, 1998; Бакиева, Квашнин, 2009, 2010]. Данная статья посвящена реконструкции родильной обрядности и первых этапов жизненного цикла детей у тоболо-иртышской группы сибирских татар. Основным источником послужили собственные полевые этнографические материалы, собранные начиная с 1990-х гг. в населенных пунктах Аромашевского, Вагайского, Исетского, Тобольского, Тюменского, Яркового районов Тюменской области, где компактно проживают сибирские татары.

Согласно традиционному мировоззрению сибирских татар, рождение детей является главной целью создания семьи. Одна из сибирско-татарских пословиц гласит: *палалары өй — базар, паласыс өй — мазар* (дом, где есть дети, — базар, без детей — кладбище). Бесплодие рассматривалось как большой изъян, бесплодную женщину называли «пустоцвет» (сиб.-тат. *корык*) или *көянке* (от сиб.-тат. *көеу* — перегореть) (Марганова М.Ю.). Традиционная сибирско-татарская семья была, как правило, многодетной. К женщине, родившей много детей, община относилась с большим уважением [Бакиева, 1998, с. 124].

Обряды и магические действия, способствовавшие рождению детей, предпринимались еще во время свадебных торжеств. К ним относилось, например, осыпание молодых сладостями, монетами (сиб.-тат. *курушеу хатасе*). С целью пожелания рождения детей при въезде во двор жениха на колени невесте сажали ребенка (чаще мальчика), на постель новобрачных — двух младенцев, обычно мальчика и девочку (Марганова М.Ю., Камалова Р.Н).

Состояние женщины в период беременности определялось словами *аур* (тяжелая) или *корсаклы* (с животом). Сибирские татары скрывали от посторонних беременность как можно дольше. О наступившей беременности женщина сообщала лишь мужу. Обращение окружающих с беременной регламентировалось определенными правилами. Ее желания, особенно в еде, должны были исполняться. Считалось, если беременная пожелала какую-то еду и это желание не было исполнено, ребенок может родиться с физическим изъяном. Сама женщина должна была воздерживаться от определенной пищи. Беременной запрещалось употреблять молочные продукты (чтобы у плода на голове не образовалось твердой корочки), если она была женой охотника, то ей запрещалось есть мясо лося и медведя: не будет удачи в охоте (Кульмаметьева Х.А.).

Беременная женщина не должна была вязать, так как считалось, что пуповина может опутать плод, нельзя было перешагивать через коромысло (сиб.-тат. *коянта*) (Рафикова М.Р.). Женщине нельзя было оставаться дома одной без огня, выходить во двор после захода солнца: считалось, что зародышем может завладеть «нечистая сила» (сиб.-тат. *ель/иль*). Во избежание действия «нечисти», а особенно злого духа *албасты*, женщина должна была постоянно иметь

при себе можжевеловый и нож. По представлениям сибирских татар, *албасты* могла задушить роженицу, умертвить ребенка в утробе матери или подменить его. Беременная была избавлена от визитов соблезнования в дом, где находился покойник, от посещения похорон (Абушева Т.А., Сабирова М.Н.).

Близкие родственники старались определить пол ребенка. Самым распространенным подобным обычаем было предсказание по форме живота женщины. Чаще всего при острокопечном животе ожидали мальчика, при круглом и ровном — девочку. Однако в разных местностях одна и та же форма могла оцениваться по-разному. Множество поверий связывало пол будущего ребенка с внешним видом и поведением его матери. Если внешность матери в течение беременности не меняется, это говорит о том, что у нее родится мальчик, если же у нее появляются пятна на лице и она дурнеет — будет девочка. Пол будущего ребенка иногда определяли по снам. Если приснится конь, мужская шапка, нож, топор и другие инструменты, то родится мальчик. Расческа, ленты, украшения сняты к рождению девочки (Рафикова М.Р., Абайдуллина Г.Т.). Мальчики были предпочтительнее. К рождению близнецов сибирские татары относились положительно, считалось, что они «подарок от Аллаха» (сиб.-тат. «*Алла-тагаля пуляге*»).

Роды (сиб.-тат. *куз яру* — просветление в глазах, снятие пелены с глаз; *тавыу* — найти; *асырау*) происходили дома с помощью повивальной бабки (сиб.-тат. *иналек, клокау, клок инэ, кентек инэ/эви* — пуповинная мать). Институт повитух, игравший значительную роль в родовых и послеродовых обрядах, функционировал в среде сибирских татар до рубежа 50–60-х гг. XX в., а в некоторых отдаленных аулах Вагайского р-на (Вершины, Осиновские, Одинарские) — до конца 1980-х (Абушева Т.А.). Повитухи пользовались в народе непререкаемым авторитетом. У сибирских татар есть поговорка: *синен аяк астында пескэ очмак* (под твоими ногами — рай). Односельчане оказывали безвозмездную помощь повитухам в кошени сена, молотье зерна, заготовке дров.

Функции повитухи обычно выполняла пожилая женщина, не только принимавшая роды, но и знающая с целительными приемами народной медицины. Она производила ряд необходимых магических действий над ребенком и роженицей, которые должны были уберечь их от воздействия «нечистой силы», обеспечить здоровье. Поэтому *иналек* продолжала находиться рядом с роженицей и новорожденным и после родов, обычно в течение 40 дней. Нередко в деревне было несколько повитух, и в случае трудных родов их приглашали всех. Развитие медицины и рост общей культуры населения привели к ликвидации этого института.

При родах не запрещалось присутствие отца будущего ребенка. Особенно в случае трудных родов муж должен был находиться рядом с роженицей. Когда начинались схватки, *иналек* проводила массаж живота. Считалось, что это облегчало роды. Также для облегчения применяли приемы имитативной магии: женщине расплетали волосы, развязывали все узелки в доме. В некоторых населенных пунктах (Ембаево, Тураево Тюменского р-на) информанты сообщили, что женщине давали пить и использовали для массажа воду, в которой вымачивали растение, называемое *Марьям-ана кулы* (букв. рука матери Марии). Это растение — иерихонская роза (лат. *Anastatica hierochuntica*) — привозилось бухарскими купцами из восточных стран (Ашманова Н.Ш., Алимханова Ф). Название оно получило от того, что в засушенном виде напоминало руку, сомкнутую в кулаке. Растение клали в воду, и оно раскрывалось, подобно разжимающимся пальцам. Эта вода использовалась при лечении «женских болезней», бесплодия, при трудных родах. Во время массажа с водой приговаривали «это не моя рука, а рука святой Марии» (сиб.-тат. *минем кулым тугель, Марьям-ананын кулы*). Использование иерихонской розы во время родов встречается в традиционных культурах народов Испании и Португалии [Кожановский, 1995, с. 272; Серов, 1995, с. 309]. В некоторых случаях, когда были трудные роды, женщина давала обет (сиб.-тат. *нэсэр*) сделать жертвоприношение при благополучном разрешении (Рафикова М.Р.).

Рожала женщина дома на полу или нарах (сиб.-тат. *урынтык*). В некоторых населенных пунктах роды проходили в бане (д. Тукуз, Малый Уват, Вагайский р-н) (Ибукова В.Н.). Традиция рожать в бане связана с архаичными представлениями о ритуальной «нечистоте» родов и самой роженицы. Обычно рядом с роженицей клали топор, нож или другой металлический предмет (для отпугивания нечистой силы). Помещение, где происходили роды, окуривали можжевеловым, порошком. Женщина рожала сидя, держась за веревку, укрепленную на потолке. Повитуха отрезала пуповину ребенка, положив ее на серебряную монету, что, по представлениям сибирских татар, обеспечивало новорожденному крепкое, как металл, здоровье и богатство.

Обряды и ритуалы, связанные с рождением ребенка у сибирских татар юга Тюменской области

Пуповину (сиб.-тат. *кэнтмык*) вместе с последом (сиб.-тат. *суны*) мыли, заворачивали в тряпочку и закапывали в землю во дворе в «чистое место». Для того чтобы послед вышел быстрее, роженице давали дуть в пустую бутылку (Назырова М.Х.). Для восстановления и укрепления организма женщине сразу после родов давали небольшое количество красного вина.

Как только ребенок появлялся на свет, он и его мать проходили две группы обрядов — очищения и социализации. Очищительные обряды основывались на представлениях о том, что в послеродовой период роженица и новорожденный являются сакрально нечистыми и одновременно наиболее уязвимыми, предрасположенными к воздействию «нечистой силы». Роженица должна была соблюдать некоторые запреты: до 40 дней после родов нельзя было ходить босиком, проходить впереди мужчины, задевать ногой щенка. У сибирских татар было выражение: *пала тапкан пицэгэ — кырык кэнкэцэк кур аусе ацек пулате* (для роженицы до сорока дней — могила открыта) (Рафикова М.Р.). В обращении с ребенком также соблюдались запреты для обеспечения его будущего, регламентировалось его поведение. По поверьям сибирских татар, спящего ребенка нельзя было оставлять одного, иначе его могла подменить «нечистая сила». Нельзя перешагивать через ребенка и его колыбель, садиться на порог — не вырастет. Существовал запрет смотреться ребенку в зеркало — не будет разговаривать. Нельзя качать пустую колыбель — ребенок будет плакать. Детей нельзя щекотать — начнут заикаться.

Очищение ребенка начиналось сразу после его появления на свет. Повитуха купала его в подсоленной воде в берестяной ванночке. В некоторых местностях ребенка мыли в сорока литрах воды (Маматуллина М.Ш.). После первого ритуального очищения повитуха накидывала на мальчика рубаху отца, на девочку — платье матери.

Первое белье, в которое заворачивали новорожденного, в некоторых местностях сибирские татары называли *эт килёк* (собачья рубашка), так как через 10 дней после рождения это белье надевали на собаку. Считалось, что ребенок будет таким же неприхотливым, как собака. У народов Средней Азии и казахов первое платье, надевавшееся на ребенка, также носило наименование собачья рубашка (*ит койнек, ит кёйлёк*) [Троицкая, 1935, с. 121; Ботяков, Ботякова, 1998, с. 74; Ахметова, 2011, с. 177]. Обмыв и одев ребенка, приступали к процедуре приучения его к пище (*пала авыслантыру/палага авыс ацтыру*), которая заключалась в том, что повитуха давала ребенку сосать кусочек масла (по другим сведениям, хлеба), завернутый в тряпочку (Абайдуллина Г.Т., Рафикова С.С.). У заболотных татар первое кормление осуществляла женщина, у которой уже был грудной ребенок, впоследствии эту женщину называли молочной матерью (*цөц инә/имцэк инә*). Она вскармливала ребенка в течение первых дней [Зиннатуллина, 2010, с. 120–121]. Институт молочных матерей встречался и в других локальных группах сибирских татар.

Следующий ритуал очищения происходил в бане и продолжался ежедневно в течение сорока дней. В бане не только мыли младенца, мылась и роженица, здесь повитуха проводила некоторые манипуляции с целью «подтянуть» живот роженице, восстановить матку (*имай*). Это достигалось путем массажа в области живота и специальной процедуры, называемой у сибирских татар *цүльмэк утырту* (букв. горшок ставить). Повитуха, взяв глиняный горшок, клала в него вату и поджигала. После того как вата прекращала гореть, она переворачивала горшок и прикладывала к пупку женщины. Данные манипуляции с горшком проводили и в случае, когда долго не выходил послед, а также в случае бесплодия (Назырова М.Х., Рафикова М.Р.).

В течение первых дней жизни ребенка повитухи «правили» некоторые части его тела, применяя при этом использованное растительное масло (сиб.-тат. *коек май*). В первую очередь старались придать округлость голове, также поглаживали, массировали руки и ноги новорожденного; нос «формировали» с помощью прищипываний. При этом все манипуляции с телом сопровождались словами-благопожеланиями в адрес ребенка.

Для придания голове округлости мальчику рано начинали надевать тубетейку (сиб.-тат. *кэвэц*). С целью предохранения ног ребенка от искривления в течение первых месяцев было показано тугое пеленание (сиб.-тат. *кысыу пиляу*). Это, как считают сибирские татары, способствовало спокойному сну малыша, а также благотворно влияло на нервную систему. Ткань, выбиравшаяся для пеленок, имела символическое значение. Часто для них использовали вещи, уже бывшие в употреблении. Следует отметить, что у сибирских татар запрещалось готовить приданое для новорожденного заранее.

Прежде чем начать пеленание, ребенку подкладывали подгузник (сиб.-тат. *яйәлек*), затем его заворачивали в более широкую, чем подгузник, тряпку (сиб.-тат. *юрээк*), а между ними

кляли кусочек мягкой кожи [Валеев, 1993, с. 145]. На уровне груди и живота тело ребенка перевязывалось широкой лентой. При появлении опрелости на коже младенца посыпали это место древесной гнилью, просеянной через сито, либо порошком, соскобленным с кирпича (Назырова М.Х., Рафикова М.Р.).

Повсеместно у сибирских татар был обычай посещения роженицы замужними женщинами (сиб.-тат. *кусайтын*). Женщины приходили все вместе или по несколько человек на второй-третий день после родов, обязательно с приготовленной пищей (сиб.-тат. *котлык*). Обычно приносили мучные изделия — оладьи (сиб.-тат. *коймак*), пироги (сиб.-тат. *пэлиц*), беляши (сиб.-тат. *пэрэмэц*), шаньги (сиб.-тат. *шэнкә*), а также молоко, сметану, яйца, муку, сахар. Подношения продуктов роженице можно рассматривать как ритуальное действие, передающее женщине плодovitость, необходимую в дальнейшей жизни. Кроме того, проявлялась социальная поддержка роженицы и обозначался ее новый статус. При этом посетителям не показывали ребенка, пока ему не исполнилось сорок дней.

По представлениям сибирских татар, жизнь ребенка и его счастье во многом зависели от имени. Считалось, что имя влияло на судьбу, характер и способности человека. Имя ребенку сибирские татары старались дать как можно быстрее — на 2–3-й день после рождения, иначе, по поверьям, имя даст «нечистая сила» (*шайтан*). Многие имена восходили к древности, имели магическое значение. Среди имен-оберегов были распространены имена, составной частью которых были тюркские слова *тимер* — железо (Тимербулат, Тимербига, Тимергази, Тимерали, Тимерхан), *таш* — камень (Таштимир, Ташкай), *алтын* — золото (Алтынбига, Алтын, Алтынбай), а также серебро (Кумыш), топор (Балта) и др. Долгожданных детей называли именами Аллаберди, Кутайберди, Тангриберди (*Алла*, *Худай*, *Тангри* — обозначают различные наименования Бога, *бирди* — дал), а также Умутбай, Умут, Умит (тюрк. *умут* — надежда).

У сибирских татар встречаются имена, происхождение которых связано с различными обстоятельствами, имевшими место в то время, когда ребенок появился на свет. Примером могут служить имена Айтуган, Айбига, Айника, Айса (тюрк. *ай* — луна) (родившиеся при луне), Танбига (тюрк. *тан* — заря) (родившаяся на заре), Уразабига, Уразбай, Уразмухамет (родившиеся во время мусульманского праздника Ураза-байрам), Курманали, Курманбака, Курманбика (родившиеся во время праздника Курбан-байрам).

Бытовали у сибирских татар и имена-заклинания. Если в семье дети умирали, то родители называли детей Туктабига (приостановившаяся, т.е. уцелевшая Бика), Туктасын, Туктар (остановись), Ульмаскамал, Ульмасак, Ульмаскул (сиб.-тат. *ульмәс* — не умрет).

Повсеместно у сибирских татар была распространена традиция давать имена умерших родственников, чаще дедушек и бабушек; детей при этом в повседневной жизни называли не именами, а терминами родства — *Инәш* (мать), *Инәкә*, *Оннәш* (бабушка), *Атекә*, *Атака* (отец), *Оллата* (дедушка).

Если у ребенка при рождении было родимое пятно, давали имена с корнем — *кол* — Колыбига, Колыцемал, Колыш (Калыш), Калы.

У «заболотных» татар зафиксирована интересная традиция: если хотели назвать ребенка именем, которое имелось у кого-то из односельчан, то просили разрешения на это имя (сиб.-тат. *исем сурау*) (Тимканова Р.З.). Сибирские татары давали имена и мертворожденным детям — Умурзая, Умирзай, Умурзаит (сиб.-тат. *умәр*, *умур* — жизнь, жизненный век человека). В с. Тукуз Вагайского р-на информанты сообщили, что мертворожденному давали имя Абдулла (Ибукова В.Н.). Здесь уместно отметить, что похороны и поминальные обряды в отношении мертворожденного ребенка не отличались от обычных. В Аромашевском р-не нам удалось зафиксировать такую информацию: мать сцеживала немного грудного молока, обмазывала им губы мертвого ребенка, после этого ему давали имя и затем производили все необходимые похоронные ритуалы и обряды (Назырова М.Х.).

С распространением ислама именослов сибирских татар пополнился арабскими и персидскими именами. Например, мужскими — Абдулла, Абдрахман, Вали, Каюм, Латып, Халим, Карим, Ракип, Рашид, Азат, Данияр, Ильдар, Нариман, Раушан и др.; женскими — Амина, Аниса, Галия, Динара, Зайнап, Замира, Каусара, Ляйсан, Мансура, Гульнара, Гульсифа и др. Близнацам давали имена родственников пророка Мухаммеда Хасан и Хусаин, Айша и Фатима, в случае рождения разнополых близнецов — Хасан и Фатима [Бакиева, Квашнин, 2009, с. 38–40].

На церемонию наречения именем ребенка (сиб.-тат. *исем кушыу*) приглашали муллу, родственников, соседей. Ребенка укладывали перед муллой на подушку головой к *кибле* (направ-

Обряды и ритуалы, связанные с рождением ребенка у сибирских татар юга Тюменской области

ление на Каабу, куда обращаются мусульмане во время молитвы). Мулла, прочитав молитву, трижды произносил на ухо ребенку (сначала в правое, затем в левое): «Пусть твое имя будет таким-то». По случаю торжества готовилось угощение, которое сопровождалось многочисленными благопожеланиями в адрес матери и ребенка. В качестве подарков родственники и односельчане приносили вещи своих подросших детей. В некоторых местностях мать ребенка дарила пришедшим длинные нити разных цветов и разной длины, чтобы жизнь ребенка была длинной и разнообразной, как цвета нитей. Этот обычай сибирские татары называли *еп оныклау* [Халиуллина, 1993, с. 53].

Более распространенным был обычай праздновать рождение ребенка после 40 дней. У сибирских бухарцев праздник в честь рождения ребенка назывался *кырклау* (от тюрк. *кырык* — сорок) [Бакиева, Квашнин, 2010, с. 227]. Пришедшие делали ребенку подарки, а также приносили различные лакомства. Если праздновали рождение девочки, то было принято дарить что-либо из посуды — сахарницы, красивые тарелки, чашки, преимущественно из фаянса или фарфора. На *кырклау* родители ребенка делали подарки и повитухе. Это могли быть платок, пуховая шаль, отрез на платье, деньги (Ашманова Н.Ш., Назырова М.Р., Яминова Ф.С.). В этот день у ребенка впервые стригли утробные волосы и ногти. Первые волосы ребенка (сиб.-тат. *карын цац*) могли подстригать отец либо дед ребенка, в некоторых селениях — человек преклонного возраста. До этого дня ногти у ребенка мать убирала, аккуратно зацепив своим ногтем. Первые волосы и ногти заворачивали в тряпицу и хранили в сундуке (Рафикова М.Р.). Отметим, что обряду *кырклау* придается большое значение многими народами Центральной и Средней Азии — узбеками, каракалпаками, киргизами, казахами, туркменами, таджиками [Толеубаева, 2012, с. 290–295; Коновалов, Шаханова, 1998, с. 26–28; Ботяков, Ботякова, 1998, с. 66–67].

В зажиточных семьях сибирских татар в честь рождения первенца-мальчика проводили большой праздник — *пала туй* (букв. праздник мальчика/ребенка), на который приглашались родственники и знакомые не только из своего аула, но и из соседних деревень. В этот день устраивались скачки (сиб.-тат. *ат цаптыру*), борьба (сиб.-тат. *куреш*), лазание на столб (сиб.-тат. *колха*). Победителям на скачках давали призы: занявший первое место получал лошадь, второе — корову, третье — молодяк. Победитель в борьбе получал овцу. Взобравшийся на самый верх столба получал отрез ткани (бархат или шелк), который был привязан к этому столбу (Рафикова М.Р.).

В колыбель (сиб.-тат. *шэльтеп/сэльтеп, цэнгелцэк*) новорожденного клали почти сразу после рождения. Колыбели у сибирских татар были двух типов — подвесные и стоящие на полу; первые — более распространенные. Как правило, колыбели служили долго, переходя от одного ребенка к другому. Для детей, которые умели сидеть, также изготавливались качели со спинкой.

Колыбель обычно изготавливал отец ребенка или дед, иногда ее заказывали мастерам. Приведем описание наиболее распространенного вида колыбели у сибирских татар, данное Ф.Т. Валеевым: «...легкая деревянная рама длиной примерно 90–100 см, шириной 50–60 см, на которую натягивался холст. По четырем углам рамы закреплялись ремни шириной в 2–2,5 см, а длиной около двух метров. Верхние концы ремней сводились вместе (иногда переплетались) при помощи железного кольца» [1993, с. 145–146]. Дно колыбелей устилали тюфяками, набитыми листьями конского щавеля. В колыбель клали нож или ножницы, они считались защитными средствами от «нечистой силы». Если у ребенка отец был охотником, на люльку вешали клыкки животных, которые служили амулетами (Кульмаметьева Х.А.).

Украшали колыбель маленькими разноцветными подушечками (сиб.-тат. *калтацьк*; на оз. Большой Уват (Вагайский р-н) — *чибуй*), которые приносили родственники и соседи родившемуся первенцу. Иногда подушечек было так много, что они составляли два ряда (Маматуллина М.Ш., Пикеева Л.Х.). Внутри этих подушечек зашивали монеты, льняные нити, медвежий клык, в один из них зашивали молитвенник. Нити являлись символом пожелания ребенку долгой жизни.

У сибирских татар получила развитие традиция колыбельных песен — небольших текстов с несложным ритмом. Приведем некоторые из них:

Әлли-бәлли, әу, итем
Әлли-бәлли, пәхэтәм
Пала йокыга китә (Камалова Р.М.).

Әлли — бәлли итәр пу
Мәдрәсәгә китәр пу.
Мәдрәсәтә пәлэм алып,
Мулла пулып китәр пу (Рафикова М.Р.).

Алли-балли, әу, произношу
Алли-балли, счастье мое.
Мой ребенок засыпает.

Алли-балли, произнесет он,
В медресе поедет он.
Получив знания в медресе,
Муллой станет он.

*Пашым салтым ястыкка,
Куңелем пиртем аллага,
Алла, Алла — тигәнтә
Очмак ишекләр аңылсын.
Сәбхан Алла — тигәнтә
Тамук ишык явылсын* (Бакиева Н.Г.).

Положив голову на подушку,
Всем сердцем отдаюсь Аллаху.
Когда говорю, «Алла, Алла»
Пусть откроются ворота в рай.
Когда говорю «Слава Аллаху»,
Пусть закроются ворота ада.

Для обучения ребенка ходьбе сибирские татары использовали специальное приспособление в виде деревянной рамы на двух колесах (сиб.-тат. *цыхыр, арбацык*), опирающейся с помощью наклонной планки на третье колесо, которое располагалось спереди. Первые самостоятельные шаги ребенка являлись радостным событием в семье. Родители в это время обращались к ребенку со словами: *тыпыр, тыпыр, йөгьысын, еңцеләре тугьылсын. Әпәләре цүпләсен, күкрәгенә күкләсен* (топ-топ, побежит, бисер пусть рассыплется, сестры соберут его и на грудь пришьют) (Рафикова М.Р.).

Не менее знаменательным событием было появление первого зуба. У большинства сибирских татар существовал обычай, согласно которому тот, кто первым увидит зуб у ребенка, должен был сделать ему подарок. У заболотных татар, наоборот, делали подарок человеку, заметившему первый зуб ребенка. Кроме того, в Заболотье проводили праздник зуба (сиб.-тат. *теш туге*). На него приглашали соседских детей, усаживали их вокруг ребенка, а мать, закрыв ему сверху тканью голову, сыпала через нее сладости. Завершался праздник угощением детей [Файзуллина, 1997, с. 237]. По словам информантов, выпавшие молочные зубы ребенка клали в щели между бревнами дома. В некоторых местностях их засовывали в хлебный мякиш и отдавали собаке, приговаривая при этом: *этнең шикелле тышы тың пулсын* (пусть вырастут зубы такими же крепкими, как у собаки) (Бакиева Н.Г., Ашманова Г.Ш.).

В цикл обрядов, связанных с рождением ребенка, входил также принятый у мусульман обычай обрезания и праздничное угощение. Обряд обрезания знаменует введение нового человека в религиозную общину, подобно христианскому обряду крещения. Обрезание (сиб.-тат. *суннәтка утырту*) проводили в прошлом специальные люди *адал* (араб. «афдал» — лучший, достойнейший), которые ездили из деревни в деревню. Обрезание проводилось мальчику в возрасте от 3 до 7 лет, обычно в нечетное число лет (сиб.-тат. *так яш*). Перед началом обряда читалась молитва, затем производилась операция. В честь этого события в богатых семьях проводили большой праздник (сиб.-тат. *суннәт туй*), продолжавшийся 2–3 дня. Пришедшие дарили мальчику подарки, деньги, которые складывали в специально сшитый мешок (сиб.-тат. *суннәт калта*), приговаривая благопожелания (сиб.-тат. *котлы пулсын*). В некоторых местностях подарки делали не только ребенку, но и его родителям. На празднике устраивались соревнования, аналогичные тем, которые проводили на празднике *пала туй*.

У сибирских татар повсеместно существовали поверья, связанные с защитой детей от сглаза с помощью различных оберегов. К примеру, ребенку мазали лоб сажей, пришивали на шапочку бусинки голубого и синего цвета (сиб.-тат. *кук таш*), на кофточку — белые бусинки (сиб.-тат. *ахаек*). Эффективным средством считалось омовение лица ребенка обычной водой либо водой, которую использовали сначала для символического протирания оконных рам, стекол, ручки от входной двери в дом.

От сглаза применяли также соль. Например, у татар оз. Большой Уват семь узелков с солью завязывали в синюю тряпочку. Каждым узелком проводили по телу ребенка с головы до пят, при этом произносили мусульманскую формулу «*Бисмилла, ир-рахман, ир-рахим*». Далее эту тряпочку кидали в горящую печь со словами: *минем паламны күсләгән кешенең күсе тос пулып төрле якка цацрап китсен* (пусть глаза того, кто сглазил моего ребенка, как соль, рассыпятся в разные стороны) (Пикеева Л.Х.). У тюменских татар, по материалам Г.И. Зиннатуллиной, при подобном обряде приговаривали: *күсләгәннең күсе төшсен, телләгәннең теле төшсен* (пусть выпадут глаза и отсохнет язык у того, кто сглазил) [2010, с. 124]. Сглаз мог убрать и мулла с помощью специальной молитвы (сиб.-тат. *өшкеру*) на воду, которую давали пить ребенку или в которой его мыли (Сабирова М.Н.).

Далее представлены пословицы и поговорки, отражающие отношение сибирских татар к детям.

Для матери ребенок и шестилетний, и 60-летний (*ана өцен пала алтыта та пала, алтмышта та пала*).

Обряды и ритуалы, связанные с рождением ребенка у сибирских татар юга Тюменской области

Горе по мужу — до подола, горе по ребенку — в сердце (*ир кайгысы — итәктә, пала кайгысы — йөрәктә*).

У хорошего отца сын — воротник на хорошей шубе (*яхшы атаның паласы — яхшы тунның якасы*).

Пока на коленях — ребенок, как встанет с колен — беда (*тувыкта цакта пала, тувыктан төшсә ләлә*) (соотв. маленькие детки — маленькие бедки, большие детки — большие бедки).

Дерево сгибай с раннего возраста (*талны кеңе вақытында пәк*).

Дитя — сладость сердца (*пала — йөрәк емеше*).

Что не получишь с молоком матери, не получишь с молоком коровы (*ана сәте пелән кермәгән, тана сәте пелән кермәс*).

Сын сына слаще меда (*паланың паласы палтан татлы*).

Пока ребенок вырастет — у верблюда хвост до земли опустится (*пала ускәнцә тоя көйрыгы ергә етәр*).

Какой палец ни откусишь, больно (*кайсы пармагыңны цәйнәсәңтә авыртаты*).

О человеке захочешь узнать — на его народ смотри, о ребенке — на его игру (*кешене пеләсең килсә, халкына қара, паланы пеләсең килсә, уенына қара*).

Пока дитя малое — радуется, подрастая — печалит (*пала цақта сөйдерә, усә килсә көйтерә*).

Будет успешным — сын, будет бестолковым — беда (*уңса пала, уңмаса пашка пәлә*).

В заключение отметим, что дородовые обряды и обычаи сибирских татар представляли собой поведенческие нормы, сформированные на основе ранних магических знаний, путем сохранения множества запретов и предписаний для беременных. Роды и родильная обрядность были одинаково значимыми как для роженицы, так и для ребенка в качестве переходного периода. Через родильную обрядность совершался поэтапно перевод ребенка из природы в культуру. Разнообразные обряды в честь ребенка (наречение именем, праздник в честь рождения ребенка, праздник в честь обряда обрезания) символизировали связь ребенка и его матери с обществом, коллективом. Многие действия, несмотря на магические элементы, имели рациональную основу.

В настоящее время у сибирских татар исчезли обряды, связанные с родами и первыми днями жизни новорожденного. Продолжают сохраняться запреты, соблюдаемые женщиной во время беременности, различные способы защиты младенца и роженицы от порчи и сглаза. Не утратило актуальности проведение мальчишам обрезания, которое сейчас осуществляют в медицинском учреждении. Так же как и в прошлом, проводится праздник (*суннат туй*), на который приглашают муллу и многочисленных родственников и друзей семьи. Однако уже не устраивают борьбу, скачки, лазание на столб, а само торжество продолжается всего один день.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахметова Ш.К. Магические способы защиты и охраны новорожденных в обрядах рождения казахов Западной Сибири // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011. С. 175–178.

Бакиева Г.Т. Семейно-бытовые функции общины сибирских татар // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998. С. 123–125.

Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. Тоболо-иртышские татары: (Историко-этнографические очерки). Тобольск, 2009. 60 с.

Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. Некоторые особенности традиционной культуры бухарцев Западной Сибири // Человек: Его биологическая и социальная история: Тр. Междунар. науч. конф., посвященной 80-летию акад. РАН В.П. Алексеева: (Четвертые Алексеевские чтения). Москва, 9–12 ноября 2009 г. М.: Одинцово, 2010. С. 225–229.

Ботяков Ю.М., Ботякова О.А. Раннее детство в представлениях, обычаях и обрядах туркмен // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 51–84.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары: Культура и быт. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 208 с.

Зиннатуллина Г.И. Народные медицинские знания тоболо-иртышской группы сибирских татар: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 182 с.

Кожановский А.Н. Народы Испании // Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. Т. 2. М., 1995. С. 252–301.

Коновалов А.В., Шаханова Н.Ж. Ребенок в системе традиционной обрядности казахов: (Родильный и ранний воспитательный циклы) // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 7–36.

Серов С.Я. Португальцы // Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. Т. 2. М., 1995. С. 302–331.

Толеубаева К.М. Обряды народов Центральной Азии, связанные с сорокадневьем ребенка // Религиозная жизнь народов Центральной Евразии / Отв. ред. В.И. Харитонов. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 290–295.

Г.Т. Бакиева

Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // СЭ. 1935. № 6. С. 121.

Файзуллина Г.Ш. Обряды переходного цикла у заболотных татар // Народы Сибири: Сиб. этногр. сб. Кн. 3. М., 1997. С. 230–268.

Халиуллина Г.Ж. Традиционный родильный обряд сибирских татар // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Абакан, 1993. С. 51–53.

Список информантов

Рафикова Марвар Рафиковна, 1947 г.р., д. Бегитино, Вагайский р-н.
Ашманова Наригуль Шахимардановна, 1927 г.р., д. Ембаево, Тюменский р-н.
Алимханова Фирдаус Салимовна, 1954 г.р., д. Ембаево, Тюменский р-н.
Сабирова Магзума Нурулловна, 1909 г.р., д. Янтык, Тюменский р-н.
Назырова Мавлиха Речалповна, 1927 г.р., с. Тураево, Тюменский р-н.
Яминова Фатима Сирачевна, 1926 г.р., с. Тураево, Тюменский р-н.
Тимканова Рауфа Закировна, 1946 г.р., д. Лайтамак, Тобольский р-н.
Абайдуллина Галия Тухватулловна, 1941 г.р., д. Исенево, Тобольский р-н.
Бакиева Наиля Гафиятулловна, 1940 г.р., д. Сузгун, Тобольский р-н.
Кульмаметьева Хатима Абубакировна, 1940 г.р., д. Лайтамак, Тобольский р-н.
Абушева Тайра Алтынбаевна, 1910 г.р., д. Осиновская, Вагайский р-н.
Пикеева Латифа Хусаиновна, 1925 г.р., д. Вершины, Вагайский р-н.
Маматуллина Майра Шабановна, 1935 г.р., д. Одинарская, Вагайский р-н.
Ибукова Венера Наиловна, 1971 г.р., с. Тукуз, Вагайский р-н.
Ихсанова Мурида Ахметкиреевна 1928 г.р., д. Верхний Ингал, Исетский р-н.
Рафикова Сабира Сабировна, 1940 г.р., д. Верхний Ингал, Исетский р-н.
Камалова Рауза Нуреевна, 1926 г.р., д. Чечкино, Ярково-Восточный р-н.
Абитдинова Фаузия Айниатовна, 1953 г.р., д. Ново-Уфимка, Аромашевский р-н.
Марганова Мукпира Юсуповна, 1923 г.р., д. Шамшинская, Тобольский р-н.
Назырова Мансура Хамитовна, 1935 г.р., Новые юрты, Аромашевский р-н.

Тюмень, ИПОС СО РАН
gulsifa-bakieva@yandex.ru

Basing on field ethnographic materials, subject to reconstruction being traditional maternity rites with Siberian Tartars from the south of Tyumen Oblast'. The author describes customs and rites connected with a female antepartum and postpartum period, as well as with birth of a child and his early life period, quoting proverbs and sayings reflecting the attitude of Siberian Tartars to children.

Maternity rites, Siberia Tartars, pregnancy, midwife, delivery, purification, socialization, visiting a new mother, name, circumcision.

ДОИСЛАМСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАЗАХОВ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

А.А. Мусагажинова

Анализируются домусульманские элементы погребального обряда казахов Павлодарского Прииртышья. Основными источниками являются археологические и этнографические материалы. Доисламскими элементами являются: обряд аластау (очищение огнем), наличие костей животных и предметов обихода в могильных ямах, установка каменных изваяний, суеке тусу (обряд омывания), обряд фидия (искупления грехов умершего), жоктау (плач по умершему).

Казахи, Павлодарское Прииртышье, погребальный обряд, доисламские элементы и верования, ислам.

Введение

Погребальный обряд является наиболее консервативным из обрядов и ритуалов жизненного цикла. Возможно, здесь социум сталкивается с кризисной ситуацией, связанной с переходом в потусторонний мир, и поэтому строго регламентирует стратегию поведения своих членов. Подобные установки становятся обязательными для исполнения, являются «гарантом» успешного преодоления кризисной ситуации и мало подвержены инновациям. Несмотря на то что современная погребальная обрядность казахов исламизирована, большинство исследователей подчеркивают немусульманское происхождение основных этапов обрядности, множество архетипов, реликты языческих верований. Отдельные черты погребальной обрядности казахов свидетельствуют о преемственности некоторых традиций, восходящих к кимако-кыпчакскому времени IX–XII вв. Период позднего средневековья — то время, когда еще ярко и отчетливо в погребальном обряде павлодарских казахов сохраняются архаичные доисламские элементы, и они вполне доступны для исследования. Поэтому археолого-этнографический подход представляется более эффективным, нежели традиционные этнографические или археологические методы исследования, примененные по отдельности.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении доисламских элементов в погребальной обрядности казахов Павлодарского Прииртышья. Павлодарская область расположена на северо-востоке Казахстана и включает в себя 10 районов, 3 города областного подчинения, 7 поселков, 165 сельских округов и 408 сел. Павлодарские казахи относятся к кыпчако-ногайской подгруппе Среднего жуза, в основном это племена аргыны, кыпчаки, найманы, уаки, керей.

Погребальный обряд казахов не раз становился объектом изучения. Например, описанию погребального обряда посвящены работы А.Т. Толеубаева [1991, с. 68], С.Е. Ажигали [1994, с. 15] и др. Однако эти труды написаны в основном по материалам западного и южного регионов. Погребальному обряду казахов северного региона посвящены работы А.Б. Калышева [1989, с. 10], А.К. Галимовой [1999, с. 36], но эти авторы рассматривают его в системе семейных обрядов, не уделяя особого внимания семантическим либо семейно-бытовым аспектам. С точки зрения археолого-этнографического изучения погребального обряда казахов Северо-Восточного Казахстана работа не проводилась, что и обуславливает новизну данного исследования.

Источниками для написания статьи послужили полевые археологические и этнографические материалы, собранные автором на территории Павлодарского Прииртышья на протяжении последних 10 лет. Археологические источники представлены материалами раскопок комплекса Калбасунская башня Павлодарской обл. Майского р-на 2006 г, городища Аулиеколь Экибастузского р-на Павлодарской обл. 2007–2009 гг. Этнографические материалы представляют собой тематические интервью с респондентами по изучению традиционной погребальной обрядности, собранные в населенных пунктах всех 10 районов Павлодарской области. Данные материалы хранятся в фондах учебного музея Павлодарского государственного педагогического института. Особую группу источников составляют путевые заметки и труды путешественников и ученых XIX в.

Переходя к характеристике доисламских элементов в погребальном обряде казахов Павлодарского Прииртышья по археологическим данным, обратимся к комплексу Калбасунская башня. Здесь получен интересный археологический материал, представленный более чем 20 погребениями XVIII–XIX вв. В изученных могилах погребенные лежали головой на З–СЗ, в кирпичном закладе могильных ям найдены птичьи яйца, кости животных, куски древесного угля — следы поминальных тризн и культа поклонения огню [Смагулов, Мусагажинова, 2006, с. 10]. Умерших (вероятно, женщин) сопровождают бусы из стекла и раковин каури. Особо выделим, что западная ориентировка погребения — одна из характерных традиций, восходящих к средневековым кочевникам. Например, по археологическим материалам кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.), преобладала западная ориентировка погребения (75,1 %) с отклонением к северу (7 %) или югу (14,7 %) [Иванов, Кригер, 1988, с. 52].

Из письменных источников известно, что до конца XVIII в. казахи нередко хоронили усопшего со всеми его личными вещами и принадлежностями конской сбруи. Обычай погребения с личными вещами, оружием, конем, иногда с женами и слугами уходит корнями в сакское и более раннее прошлое. Интересные сведения на этот счет приводит П.С. Паллас: «...подле головы (умершего), обыкновенно лежащей к северу, вколачивают толстый кол и не вынимают оно до тех пор, пока совсем не сделают могильный бугор, а как оный кол вынут, то остается дыра в могилу. Для того чтобы душа могла посетить тело, или чтобы через отверстие кормить покойного» [1809, с. 52].

Погребая умершего, в могилу помещали пищу вплоть до целых табунов лошадей. Несомненно, этот обычай казахов основан на анимистических представлениях, связан с верой в посмертное существование души. Таким образом, можно объяснить присутствие в могильных ямах комплекса Колбасунская башня птичьих яиц и костей животных. Присутствие здесь же древесного угля, прокалов на земле говорит о том, что существовала вера в очистительную силу огня.

В настоящее время (по сообщению жителя с. Кызыленбек Жапарова Ж.Т., 1945 г.р.) кошму, в которую заворачивали покойника, после похорон очищают посредством аластау (огнем) и оставляют на ночь на крыше. Кроме того, огнем «очищают» комнату, где находился усопший до погребения, место, где проводился обряд суете тусу (обмывания) и т.д. [П.о. 1, 2005, л. 5]. Видимо, это связано с верой в очистительные свойства небесных светил и природной стихии [П.о. 1, 2005, л. 8].

Многие авторы XVIII–XIX вв. отмечали, что казахи всегда хоронили своих умерших на родовых кладбищах. Такой обычай встречается у многих народов Средней Азии и у других народов, сохранивших пережитки родового деления [Обычаи и обряды..., 2001, с. 19]. По всей вероятности, здесь наблюдается перенесение порядков земной жизни в потусторонний мир, где умершие сородичи находятся поблизости друг от друга.

В условиях кочевого и полукочевого быта, когда человек умирал далеко от родины, прибегали к временному захоронению. Как отмечает И.Г. Андреев, во второй половине XVIII в., «не имея возможности отвезти к святыне умерших, казахи “вешают” на деревьях, обвив войлоками и бязями, поколь земля не растает» [1998, с. 29]. Кстати, С. Акатаев считает, что такие захоронения связаны с зороастризмом [1973, с. 19]. И в нынешнее время стараются хоронить на родовых кладбищах. Так, по сообщению жителя с. Каражар Экибастузского р-на Байкенова М.Д., 1955 г.р., «если кто-то из родственников умирает в другой области или вообще в другом месте, то родня старается привезти покойного на родовое кладбище (*ата-бабаларымыздын моласында жерлиймыз* — букв. “похоронить на кладбище предков”») [П.о. 3, 2006, л. 13].

Доисламские представления и верования казахов в XVIII–XIX вв. проявлялись и во внешних атрибутах могил. В первую очередь это конский череп, оставленный у надгробья, древко копья или шест, воздвигнутый у изголовья погребения, каменные стелы (кулпытасы) с родовой тамгой [Андреев, 1998, с. 36]. Думается, последние представляют собой результат развития традиции установки каменных изваяний — балбалов, характерных для VI–XII вв. На сегодняшний день очень часто на мусульманских кладбищах встречаются родовые кулпытасы, останки костей животных.

По этнографическим данным известно, что, если в доме есть покойник, его нельзя оставлять одного, особенно ночью. Помещение, где он лежал, всегда оставалось освещенным, а затем в течение сорока дней после погребения в комнате должен гореть свет. Это связано с поверьем, что душа покойного будет посещать дом. Ночные сиденья около усопшего у казахов называют «кузет», т.е. «охрана». Этот обычай мы наблюдали практически по всему Павлодарскому Прииртышью (Майский, Щербактинский, Иртышский, Лебяжинский р-ны). Видимо, в прошлом данный обычай имел несколько иное содержание. А.Т. Толеубаев проводит параллели меж-

Доисламские элементы в погребальной обрядности казахов Павлодарского Прииртышья...

ду ним и обычаем «охраны» ребенка в первые дни (особенно ночью) после появления на свет, который у многих народов Средней Азии называют «чилдехана» (шилдехана): «В первые дни жизни ребенок бывает очень уязвимым, подвержен вреду со стороны злых духов, поэтому, если его не охранять, последние могут заменить ребенка другим существом или украсть его душу. Такие же поверья существовали относительно необходимости охраны покойника» [П.о. 2, 2007, л. 2]. По словам Жапековой Н.Д., 1946 г.р (Щербактинский р-н, с. Маралды), до трех дней в доме, где есть усопший, не положено было готовить еду, потому что «дом умершего был полон крови и считался нечистым, а приготовление там пищи и трапезы ложилось тяжелым бременем на душу покойного, так как его душа до 40 дней находится в доме, и поэтому мулла в этом доме до 40 дней читает суры Корана, чтоб душа покойного с легкостью обрела покой и ушла на небеса».

Приехавшим проводить умершего родственникам до похорон устраивали угощение, называемое «қонақ асы» (пища для гостя) [П.о. 4, 2006, л. 2]. Эта трапеза происходила в юрте соседней или родственников, потому что дом умершего считался нечистым. По этому поводу исследователь Н.И. Гродеков писал: «В продолжение пяти... или трех дней в Аулиеатинском уезде варят в доме, где есть покойник... Если раньше трех дней хотят варить пищу в юрте, то должны перенести ее хотя бы на небольшое расстояние, потому что в ней ангел смерти Азреил душил покойного, от чего юрта бывает запятнана кровью и осквернена (мақрух)» [Обычаи и обряды..., 2001, с. 19].

Как только человек испустил дух, родные и близкие начинали громко плакать. Плач по умершему и причитания присущи всем народам мира. Этим они выражают свое горе. В казахской погребальной обрядности огромное место занимают причитания. Содержанием их является восхваление достоинств покойного — нравственных, духовных и физических. Параллельно оплакивается уход покойного, выражается сожаление о его смерти. *Жоктау* были рифмованными и исполнялись исключительно женщинами из семьи покойного или специальными плакальщицами. Иногда *жоктау* были окказиональными, т.е создавались плакальщицами по поводу смерти конкретного человека [Мусагажинова, 2004, с. 118].

К примеру, в Щербактинском районе были зафиксированы случаи оплакивания «жоктау» в форме стихов [П.о. 5, 2007, л. 8]. Жительница с. Северное Щербактинского р-на Кауя апа (Мусагажинова К.А., 1921 г.р.) оплакивала сына Сагынтая, погибшего при несении службы в Краснодарском крае. Подавленная горем мать сама сочинила песню-плач по своему сыну: «Покинул ты нас, не успев начать жить, “не отведая” ни радостей, ни горечи жизни, погас свет в твоей и в моей жизни. Поспешил отправиться ты в долгий путь, не оглядываясь назад. Душа разрывается, когда вспоминаю, как ты выбежал навстречу мне со словами “Апатай”. Ты, как молодой птенец, только начал взлетать, ты был особым, Сагынтай. Погас мой свет, оставив меня горевать. Земля уходит у меня из-под ног, ты моя мечта несбыточная» [П.о. 4, 2006, л. 2].

Вообще у казахов существовали определенные суеверные запреты в связи с плачем. Считалось, что слезы не должны попадать в землю, ибо это будет дополнительной тяжестью (бременем) для покойника. Также считалось, что слишком много слез обернется «потопом» для покойника [П.о. 4, 2006, л. 5]. У И. Алтынсарина читаем: «...когда выносят тело из кибитки, жена покойника поднимает страшный рев, чему вторят прочие аульские женщины, царапая лицо до того, что оно покрывается кровью. Обычно в таких случаях вдовы говорили: “Басым қаралы, бетім жаралы (в трауре лицо мое поцарапано)”» [Алтынсарин, 1976, с. 68].

У казахов Павлодарского Прииртышья (Майский, Баянаульский р-ны) нами выявлено следующее. Женщина, потерявшая главу семейства, громко причитает со словами «Қымге калтырдын бызды, Аскар тауым» (букв. перевод: на кого ты нас оставил, наша высочайшая гора) [П.о. 3, 2006, л. 11].

Когда собираются все приглашенные, приступают к совершению обрядов, предшествующих погребению. К реликтам древних религиозно-мистических воззрений и обрядов относится бытующее и в наше дни представление, что если у умершего голова оказывалась подвижной, то у порога комнаты, где находится покойник, с правой стороны забивали гвоздь. Это действие совершается для того, чтобы не последовала еще одна смерть. Перед похоронами умершего омывают. Этот обычай связан с идеей нечистоты трупа и верой в очистительные свойства воды. Омывальщиков у казахов в основном выбирают из числа родственников умершего (кровные родственники, сваты, родственники по материнской линии). По сообщению наших информаторов, один из омывальщиков обязательно должен быть родственником по материнской линии. Это, видимо, отголоски материнских родовых порядков. Придавалось значение количеству омывальщиков. Считалось, их должно быть «нечетное число», иначе за покойником «на пару» с ним (дословный перевод слов информатора) еще кто-то последует [П.о. 2, 2007, л. 3].

В Павлодарском Прииртышье и в наши дни сохраняется обряд *фидия* (искупление грехов), совершаемый после обмывания. Первоначально его смысл заключался в посмертной отдаче долгов умершего в их материальном выражении (кусочки тканей, булавки, нитки, платочки) [Калышев, 1989, с. 45]. С распространением ислама в обряде произошли изменения: стало практиковаться чтение муллой текстов Корана, что, как считалось, способствует искуплению грехов умершего. Однако в Коране не сказано о передаче грехов одного человека другому, наоборот, ортодоксальный ислам утверждает, что перед Богом каждый отвечает за свои поступки сам. В обряде сохраняется раздача *жыртыс* (кусков матери). Участники похорон брали жыртыс, веря, что судьба и человеческие качества умершего посредством этих лоскутков перейдут к ним или положительно повлияют на других. Таким образом, внешне обряд изменился незначительно, но переосмыслен в духе «народного ислама».

Из помещения умершего выносили ногами вперед. По некоторым сообщениям, при выносе тела останавливались и опускали его у порога три раза. Сами информаторы этот обычай объясняют по-разному. Одни связывают его с желанием, чтобы за ним не последовал еще один покойник (чтобы не умер другой член семьи); другие толкуют это как прощание покойника с родным домом. Вынос умершего вперед ногами объясняют так: человек в эту жизнь входит вперед головой, а из жизни уходит ногами вперед. Или: при жизни выходил и заходил в помещение ногами вперед, в последний путь пусть также отправляется ногами вперед. Некоторые связывают это с пожеланием, чтобы за ним еще не последовал покойник. Согласно сообщениям многих информаторов, раньше при выносе покойника его обводили хлебом и солью (по некоторым сообщениям — куртмом (кисломолочный продукт), иримшиком (творог), хлебом или просто «дэм» — пищей [П.о. 2, 2007, л. 18]. Пройдя четыре шага от внешнего порога, поворачивали покойника головой вперед. По мнению В.Н. Чернецова, у обских угров во время похоронной церемонии «остановку на пороге нельзя не понять как реминисценцию древнего обычая до аминистической стадии, когда умершего хоронили в самом жилище. Ведь пережитком последнего обычая является культ очага, порога — места, считавшегося обиталищем духов предков» [1959, с. 132].

Интересно, что специальные деревянные носилки «табыт» для переноса покойного до могилы, существовавшие у казахов южных областей и других среднеазиатских народов, не использовали казахи восточных областей. Носилки у них (и в том числе у павлодарских казахов) заменяла специальная кошма белого цвета — *ақ киіз, иман киіз*, иногда *табыт киіз* — «белая кошма» «молитвенная кошма», «кошма-носилки». По сведениям старейших информаторов с. Кызыл Енбек Павлодарской обл., «табыт киіз» раньше готовилась для всего рода только одна, впоследствии же ее делали почти в каждом доме.

Что касается могил, то у казахов Павлодарского Прииртышья в основном существовали два типа могильной ямы: с подбоем (нишей) и простой шурф. Могила первого типа называлась *лахат кор*, второго — *жарма кор*. Последняя сверху перекрывалась плитой. Иногда, в зависимости от характера почвы, эти типы сочетались. В обоих типах погребений «земля не давила» на покойника. По всей вероятности, особенности устройства этих могил связаны с древними анимистическими представлениями о том, что умершему присущи многие свойства живого существа, он чувствует давление земляного слоя, тяжесть насыпаемой на него земли. Поэтому, наверное, казахи, бросая комья земли в могильную яму, приговаривают: «Топырағың жеңіл болсын», т.е. «Пусть земля над тобой будет легкой!», «Пусть земляное ложе твое будет мягким!» [П.о. 4, 2006, л. 12].

Анимистические представления казахов ярко проявляются и в поминальных обрядах: «вознесения запаха» для души усопших; поминальных трапезах, устраиваемых на 7-й и 40-й дни; изготовление лепешек из пресного теста (шелпек), которые каждый должен отведать со словами «тие берсін» (пусть хлеб коснется духов — *аруахов*). По сведениям, полученным от жительницы с. Кызылнбек Майского р-на Жунусовой Калимы, 1952 г.р., поедание *шелпек* означает для покойника защиту от палящего солнца в потустороннем мире: чем чаще будут печь шелпек, тем чаще голова покойника будет в тени. Выпекание шелпек имеет важное значение и для человека, его изготавливающего, так как по поверьям в судный день этот человек, представший перед Всевышним, будет защищен от палящего солнца, грозы и молнии (чем больше выпек, тем больше защищен) [П.о. 4, 2006, л. 25].

Заключение

Рассмотренные примеры далеко не исчерпывают многообразия реликтов домусульманских верований и обрядов, не вытесненных исламом и составляющих важный элемент религиозной

Доисламские элементы в погребальной обрядности казахов Павлодарского Прииртышья...

жизни казахов. Они показывают, что именно сохранением подобных представлений и обрядности в значительной степени объясняются местные особенности бытового ислама, выразившиеся прежде всего в переплетении этих реликтов с исламом [Мустафина, 1992, с. 155]. Дальнейшее изучение погребального обряда и других сторон материальной и духовной культуры казахов методами археологического и этнографического исследования позволит более комплексно осветить культурно-исторические процессы и будет способствовать созданию целостной и объективной картины развития культуры населения Павлодарского Прииртышья с древнейших времен до наших дней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Полевая опись № 1. Исследования этнографического отряда Павлодарского пед. ин-та в Майском р-не Павлодарской обл. 2005 г.

Полевая опись № 2. Исследования этнографического отряда Павлодарского пед. ин-та в Екибастузском р-не Павлодарской обл. 2007–2008 гг.

Полевая опись № 3. Исследования этнографического отряда Павлодарского пед. ин-та в Актогайском р-не Павлодарской обл. 2006 г.

Полевая опись № 4. Исследования этнографического отряда Павлодарского пед. ин-та в Щербактинском р-не Павлодарской обл. 2006 г.

Литература

Ажигали С.Е. Генезис традиционной погребально-культурной архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы: Гылым, 1994. 260 с.

Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / Фонд Сорос-Казахстан; Сост., транскрипция скорописи XVIII в., спец. ред. текста и коммент. И.В. Ерофеевой. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.

Алтынсарин И. Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства // Зап. Оренб. отд-ния Императорского Русского Географического общества. Казань, 1870. Вып. 1. С. 277–456.

Акатаев С.Н. Культ предков у казахов в прошлом и зороастризм // Вестн. АН КазССР. 1973. № 2. С. 43–49.

Галимова А.К. Традиционные компоненты в погребально-поминальной обрядности казахов (на материалах Павлодарской области) // Евразийское сообщество. Алматы, 1999. № 4. С. 30–52

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кипчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 90 с.

Калышев А.Б. Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата: Казак университеты, 1992. 176 с.

Мусагажинова А.А. Традиции и новации в погребальной обрядности казахов Павлодарского Прииртышья // Тр. регион. конф. «Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до наших дней)». Кемерово: КемГУ, 2004. С. 334–335.

Обычаи и обряды в прошлом и настоящем. Алматы: Гылым, 2001. 428 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1. 657 с.

Смагулов Т.Н., Мусагажинова А.А. Отчет о работе археолого-этнографической экспедиции Павлодарского государственного педагогического института. Павлодар, 2006.

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов: (XIX — нач. XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 213 с.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 114–156. (ТИЭ. Н. С.; Т. 510).

*Павлодарский государственный педагогический институт
aiya84@mail.ru*

The article considers pre-Islamic elements in the burial rites with Kazakhs from Pavlodar low Irtysh basin. Basic sources are presented by archaeological and ethnographic data. The pre-Islamic elements include as follows: alastau rite (purification with fire), the availability of animal bones and everyday articles in grave holes, the erection of stone sculptures, suyeke tusu (the rite of body washing), fidiya rite (making satisfactions for sins of the departed), zhoktau (mourning).

Kazakhs, Pavlodar low Irtysh basin, burial rite, pre-Islamic elements and beliefs, Islam.

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СВИНЦОВЫХ КУЛЬТОВЫХ АТРИБУТОВ ОБСКИХ УГРОВ¹

А.П. Бородовский, А.В. Бауло

Изучение достаточно представительной коллекции свинцовых культовых отливок позволило реконструировать особенности их изготовления в одно- и двухстворчатых формах, выявить на их поверхности следы фактуры деревянных форм. Сравнительный подход характеристик поверхности свинцовых ритуальных отливок и результатов их экспериментального моделирования открывает новые возможности исследования этих традиционных и эксклюзивных предметов культового литья западно-сибирских народов.

Культовое литье, свинец, Западная Сибирь, этнографические коллекции, экспериментальное моделирование.

В ходе многолетних экспедиционных работ Приполярного этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Нижнем Приобье (1999–2014 гг.) была собрана представительная коллекция антропо- и зооморфных фигурок из свинца. Хронологически она охватывает изделия от начала XIX до конца XX в. Практически все предметы относятся к категории культовых атрибутов манси и хантов и разделяются на следующие группы: изображения духов-покровителей и их помощников; фигурки *иттерма* (*иттарма*) — временного вместилища души умершего; шаманская атрибутика; изображения животных, птиц и рыб, отлитые с магическими целями; украшения для одежды [Бауло, 2003].

Известно, что небольшие слитки свинца и олова ханты и манси приобретали у русских, в XX в. для отливки ритуальных принадлежностей иногда использовали дробь. Исследователи уделяли недостаточно внимания технологии литья, их заключения можно свести к следующему. Формы для литья свинца и олова делали из различного материала: коры сосны, мягкого черного камня, проваренной в жире глины, а также осколков кирпича. Углубленный узор вырезали обыкновенным ножом. Литейная форма чаще всего применялась один раз [Чернецов, 1957, с. 243, 245; Иванов, 1963, с. 81; Павлинская, 1988, с. 78]. В фондах МАЭ хранится деревянная форма, вырезанная лозьвинскими манси для отливки изображения лося [Иванов, 1970, с. 58–59]. По сообщению У.Д. Сирелиуса, форму делали из коры тополя. При отливке ее покрывали берестой, которую прижимали гладким деревянным брусом. В бересте оставляли небольшое отверстие, через него вливали в форму расплавленное олово [Сирелиус, 1907, с. 59]. Изготовление свинцовых или оловянных изделий считалось мужским занятием.

Вновь собранная коллекция позволяет более полно осветить различные стороны технологического процесса при создании культовых атрибутов обских угров.

Традиционные свинцовые предметы изготавливались двумя основными способами. Одним из них являлось вырезание фигурок из пластин мягкого свинца при помощи ножа (рис. 1). Другой, более распространенной технологией было литье. А.П. Бородовским [2010] был проведен технологический анализ процесса отливки на предметах из этнографических коллекций и экспериментальное моделирование процесса изготовления угорского культового свинцового литья. В результате экспериментального моделирования культового западно-сибирского свинцового литья была получена представительная коллекция, включающая несколько десятков форм из различных материалов (дерева — сосны, ели, лиственницы, березы, тополя, осины, коры этих деревьев и цельного рога) и 100 отливок. Она позволяет выполнить технологическое описание свинцовых отливок сакральной атрибутики обских угров.

Одним из признаков технологии литья свинца в деревянную форму является наличие деревянной стружки на поверхности отливок, соприкасавшихся с деревянной основой.

¹ Работа выполнена по гранту РНФ № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

Рис. 1. Фигурки животных, вырезанные из свинца. Принесены в дар семейным духам-покровителям в магических целях. Пос. Карвож, Шурьшкарский р-н ЯНАО.

Экспериментальное моделирование процесса литья свинца в деревянную форму (литейную оснастку) позволило установить, что достаточно большое количество фрагментов дерева сохраняется на свинцовых отливках при многократном повторении литья в одну и ту же деревянную форму. Однако на первой отливке их количество максимально (несколько десятков стружек), а размер наиболее значительный. Кроме того, на первой отливке часто размер фрагментов дерева, «впечатавшихся» в свинцовую основу отливки, является самым значительным (рис. 2). Такая особенность наиболее наглядно представлена на фигурке собаки (волка?) (рис. 3).

Другим важным признаком являются отпечатки фактуры деревянной формы на поверхности отливки (рис. 4).

Рис. 2. Фигурка лошади и монета — временная замена жертвы. Пос. Юхан-горт, Березовский р-н ХМАО — Югры.

Рис. 3. Свинцовая фигурка собаки (волка?). Пос. Ишвары, Шурьшкарский р-н ЯНАО.

Рис. 4. Соляная бляха с антропоморфным изображением. Пос. Зеленый Яр, Приуральский р-н ЯНАО.

К вопросу о технологии изготовления свинцовых культовых атрибутов обских угров...

По материалам экспериментальных исследований отчетливо различаются хвойные и лиственные породы дерева, а также несколько вариантов расположения отпечатков древесных волокон на отливке. Это отражает процесс использования различных пород дерева и плоскостей деревянной заготовки формы для культового литья.

В полевых сборах из пос. Усть-Войкары Шурышкарского района ЯНАО представлена достаточно редкая находка свинцовой отливки рыбы, не извлеченной из двухсторонней деревянной формы (хранится в МВК им. И.С. Шемановского в Салехарде) (рис. 5). У этого предмета сохранился несрезанный конический литник и отпечатки фактуры дерева от второй стенки деревянной формы. Исходя из этих особенностей можно заключить, что изделие в двухсторонней форме отливалось при вертикальной установке литейной оснастки (деревянной формы). Для этой отливки использована береза, т.е. древесина лиственного дерева с более мелкой структурой волокон в сравнении с хвойными деревьями (сосной, елью, лиственницей и кедром). Именно такая фактура отмечена на одной из сторон отливки в виде собаки (рис. 6, а). Это изделие, судя по ровной оборотной поверхности (рис. 6, б) и овальным краям, отливалось в односторонней форме без отжима излишков металла другой деревянной плашкой. Такой отжим металла представлен его необрезанными излишками за пределами основного изображения, отлитого в деревянной форме (рис. 7). При этом отпечаток фактуры углубления изображения деревянной формы и его периферии сохраняется на этих участках.

Рис. 5. Фигурка рыбы в деревянной форме. Пос. Усть-Войкары, Шурышкарский р-н ЯНАО.

В целом проведенная репрезентативная серия экспериментов по натурному моделированию традиционного свинцового культового литья севера Западной Сибири позволила выявить явные отличия отпечатков фактуры деревьев различного происхождения (лиственничные — береза; хвойные — сосна), достаточно отчетливо представленные на подлинных культовых отливках (рис. 8).

Установить такие особенности культовых отливок из свинца еще предстоит по материалам более обширных музейных коллекций.

Тем не менее уже очевидно, что представленный подход позволяет получить интересную информацию о производстве культовой атрибутики, достаточно сложно фиксируемую в ходе полевых этнографических исследований. Сравнение подлинных отливок и их экспериментальных моделей дает ценные сведения, касающиеся способа отливки. На свинцовых изделиях (подлинных и экспериментальных) отчетливо выражены признаки односторонней или двухсторонней форм, отжима излишков металла (в односторонней форме), а также видовые особенности древесины (хвойные и лиственные деревья), использованной для изготовления литейной формы. Учитывая, что количество сохранившихся подлинных форм не велико, с использованием такой методики анализа и последующего описания ритуальных отливок обских угров можно достаточно точно охарактеризовать эту отсутствующую литейную оснастку.

Не менее интересен вопрос о характере отбора сырья для изготовления деревянных форм для культовых свинцовых отливок. Проблема ритуализации этого процесса не так однозначна. Для разрешения ее следует ответить на ряд вопросов. Во-первых, какими принципами руководствовались при отборе пород деревьев при изготовлении литейных форм для производства

культовой атрибутики из свинца. Во-вторых, каким должно быть качество дерева (сухое или сырое) для изготовления из него литейной формы. В-третьих, части каких деревянных предметов могли быть использованы при изготовлении деревянных литейных форм. Исходя из ответов на эти вопросы можно будет констатировать случайный или намеренный характер отбора деревянной литейной оснастки (форм) для позднего культового западно-сибирского литья.

Подчеркнем, что по материалам уже проанализированной коллекции ритуальных свинцовых отливок можно определенно ответить на часть указанных выше вопросов. Например, размер вырванных свинцом фрагментов дерева из формы напрямую зависит от ее исходного состояния (сырого или сухого). В другом случае сохранившая створка деревянной формы с неизвлеченной отливкой (рис. 5) изготовлена из нижнего края березового топорщица. Это означает не только переиспользование части топора, как универсального инструмента и известного ритуального предмета, но и однозначно хорошо высушенное состояние древесины перед отливкой. По собственному опыту одного из авторов статьи можно обоснованно утверждать, что даже пришедшее в негодность топорщице (абсолютно сухое) представляет собой ценную заготовку для последующей деревообработки.

Рис. 6. Свинцовая фигурка собаки. Пос. Юхан-горт, Березовский р-н ХМАО — Югры.

Рис. 7. Фигурка семейного духа-покровителя. Пос. Тутлейм, Березовский р-н ХМАО — Югры.

Рис. 8. Фрагменты и фактура дерева на свинцовых ритуальных отливках:
1 — фигурка собаки (волка?), пос. Ишвары, Шурышкарский р-н ЯНАО; 2 — фигурка собаки, пос. Юхан-горт, Березовский р-н ХМАО — Югры; 3 — соляная бляха с антропоморфным изображением, пос. Зеленый Яр, Приуральский р-н ЯНАО.

Таким образом, сравнительный подход характеристик поверхности свинцовых ритуальных отливок и результатов их экспериментального моделирования открывает новые возможности исследования этих традиционных и эксклюзивных предметов культового литья западно-сибирских народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бауло А.В. Изделия из свинца и олова в обрядовой практике северных групп обских угров // Угры: Материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 274–292.

Бородовский А.П. Экспериментальное моделирование технологии свинцового культового литья Западной Сибири // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 164–165.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.

А.П. Бородовский, А.В. Бауло

- Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX — пер. пол. XX вв. Л.: Наука, 1970. 296 с.
Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // СМАЭ. 1988. Т. 42. С. 71–85.
Сирелиус У.Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. 1907. Вып. 16. С. 41–69.
Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

*Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
Altaicenter2011@gmail.com
bau194@ngs.ru*

The investigation of quite a representative collection of lead ritual castings allowed to reconstruct the particulars of their making in the single-wing and double-wing molds, discovering texture traces of wooden molds on their surface. A comparative approach in the surface description of the lead ritual castings, together with results of their experimental simulation, offers new possibilities in the investigation of these traditional and exclusive objects of ritual casting from West Siberia.

Ritual casting, lead, West Siberia, ethnographic collections, experimental simulation.

НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЯКУТОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Е.А. Строгова

На материале надгробных памятников конца XIX — начала XX в. якутов и русских крестьян центральных районов Республики Саха (Якутия) проведен сравнительный анализ комплексов символических изображений, прослежена динамика изменений этих комплексов в зависимости от территории и времени установки памятников. Каменные надгробия у якутов являются новацией, возникшей под влиянием христианской традиции. Преобладание христианской символики на надгробиях говорит о глубоком проникновении христианства в сознание якутов Центральной Якутии к концу XIX в.

Якуты, надгробные сооружения, новации, христианство.

История изучения погребений и надмогильных сооружений в Якутии насчитывает уже столетие и подробно проанализирована в книге Р.И. Бравинной и В.В. Попова «Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.)» [2008]. При внимательном рассмотрении историографии становится ясно, что исследователи погребений в первую очередь стремились к обнаружению и исследованию наиболее древних объектов, а из поздних их внимания заслуживали только те, что находились в контексте якутской традиции. Таким образом, нетрадиционные для якутов надгробные памятники из камня, широко распространенные в Центральной Якутии со второй половины XIX в., не привлекали внимания исследователей. Тем не менее эти надгробия, а особенно изображения на них дают возможность в некоторой степени реконструировать особенности религиозного сознания якутов начала XX столетия.

Сельские кладбища якутов конца XIX — начала XX в. находятся в заброшенном состоянии, что объясняется как изменениями в расселении, происходившими в XX в., так и традиционным отношением к местам захоронений. Последний раз якуты поминают умершего в годовщину смерти, и после этого посещение кладбища прекращается до следующих похорон. Поскольку на кладбищах хоронили жителей ближайшего аласа, где проживала одна или две большие семьи, то после переселения этих семей в более крупные населенные пункты кладбища перестали функционировать, и не все нынешние жители близлежащих сел знают об их существовании.

Исследование, результаты которого изложены в статье, проводилось в рамках проекта «Преемственность и трансформация погребального обряда в археологических культурах Якутии (неолит — позднее средневековье)», его целью было выявление новаций в сооружении надгробий, возникших под влиянием христианства. Надгробные сооружения изучались, с одной стороны, как памятники материальной культуры, а с другой — как носители информации о духовном мире создавших и использовавших их людей.

Для исследования были выбраны Олекминский и Хангаласский районы и территория долины Туймаада, входящая в городской округ г. Якутска. На территории Хангаласского района было обследовано 7 заброшенных кладбищ в окрестностях мкр. Кыл-Бастах г. Покровска, сел Ой, Техтюр, Едяй, деревень Красная Звезда, Ат-Дабан, сфотографировано и описано 80 надгробных памятников. Проанализированы также фотографии надгробий, сделанные Н.А. Строговой в 1985 г. в местности Диринг-Юрях того же района. На территории городского округа г. Якутска обследовано 3 заброшенных кладбища, сфотографировано и описано 20 памятников. На территории Олекминского района описаны старинные кладбища в селах Березово, Кочегарово, Точильное. Исследованные территории являются не только местами расселения якутов, но также районом компактного проживания русских старожилов, что дало интересную возможность сравнить однотипные надгробия якутов и русских крестьян.

Все памятники изготовлены из местного серовато-желтого камня, вероятно, местными же мастерами, имеются сообщения о местах заготовки материала в сопках, окружающих долины Эркени и Туймаада. На части памятников сохранились остатки черной и голубой краски, которой были раскрашены надписи и элементы декора.

Выделяются два типа памятников (рис. 1). Тип 1 — представляет собой каменные плиты размером 100х50х20 см с небольшими отклонениями, зауженные к ножному концу. При установке они укладывались горизонтально на землю или деревянное основание.

Тип 2 — вертикально поставленные стелы небольшого размера, разделяются на два подтипа. Подтип А — простые стелы в виде вытянутой усеченной пирамиды или обелиска. Подтип Б — сложные стелы, состоящие из набора геометрических фигур, поставленных друг на друга. Высота стел обоих подтипов от 80 до 150 см, устанавливались они на каменное или деревянное основание у ножного конца могильного холма.

Рис. 1. Типология каменных надгробий якутов Среднего Приленья конца XIX — начала XX в.

Атрибуция памятников не представляет сложности, так как в стандартизированных надписях содержатся необходимые сведения: дата смерти погребенных, относящая надгробия к последнему десятилетию XIX — началу XX в., указание на сословно-этническую принадлежность — «инородец», «крестьянин». Стандартный текст надписи гласит: «Под сим камнем покоится тело инородца (крестьянина) такого-то наслега (станции, селения) такого-то улуса (волости) (имярек) умершаго такого-то года такого-то месяца такого-то дня умершаго от роду во столько-то лет». Интересно, что на надгробиях якутов почти всегда встречаются ошибки в согласовании слов по роду и падежу, что лишний раз подтверждает изготовление памятников мастерами-якутами. На русских надгробиях таких ошибок нет, но это не означает, что их делали не якуты, скорее всего, просто родственники тщательнее следили за содержанием надписи. Кроме того, на русских надгробиях иногда встречается приписка «Господи, упокой душу раба Твоего», что на якутских памятниках не встречается совсем.

Сакрально значимых лиц — князев и шаманов — хоронили в укромных местах в традиционных арангасных или чардатных погребениях (см. [Бравина, Попов, 2008, с. 38–42, 71–79]), поэтому все исследованные памятники принадлежат рядовым якутам и русским крестьянам. Наиболее состоятельные из последних имели возможность изготавливать надгробия на заказ за пределами Якутии. Такова, например роскошная мраморная плита на могиле крестьянина Леона Яныгина — основателя Березовской станции. Богато орнаментированные чугунные плиты, изготовленные в Санкт-Петербурге, украшают могилу купца Акепсима Кушнарёва, а также его супруги и дочери в с. Павловск Мегино-Кангаласского района.

Изображения на памятниках якутов komponуются из набора следующих фигур: крест, якорь, пылающее сердце, головки херувимов, пальмовые ветви, снопы и отдельные колосья, фигура в виде буквы «Ж», имеющих символическое значение в христианстве. Все эти изображения расположены в верхней части плиты или по четырем граням стелы. Нижняя часть плиты (под надписью) либо остается пустой, либо украшена декоративным изображением цветка, розана или архитектурного орнамента. Стилизованное изображение цветка, состоящее из шести или семи кружков, помещается иногда и в верхней части памятника между изображениями ангелов и в незаполненных орнаментом углах, явно для гармонизации изображения в целом. Чаще всего используются первые четыре символа. Наибольшее число вариантов изображения имеют крест и сердце.

Кресты, изображенные на изучаемых надгробиях, относятся к пяти стандартным типам крестообразных изображений: греческий, латинский, патриарший, лотарингский, православный

Надгробные памятники якутов Центральной Якутии конца XIX — начала XX в.

[Похлебкин, 1989, с. 205]. Имеются и нестандартные изображения, например «сияющий» крест или крест с кольцом в верхней лопасти.

Большой вариабельностью обладает изображение пылающего сердца: от вполне реалистичного до абстрактной геометрической фигуры — ромба со скругленными боковыми углами. Иногда этот символ выглядит как репка с ботвой или даже лопата. Чем это вызвано — сказать трудно, ясно только, что это не зависит от мастерства изготовителя; кроме того, остальные фигуры на тех же памятниках сохраняют вполне реалистический вид. Единственным объяснением может служить то, что мастера недостаточно хорошо понимали символическое значение этого изображения — ревностную веру и не стремились воспроизводить его в точности.

Особую роль среди символов играет изображение якоря. Высокая смысловая нагрузка этого символа в христианстве и тесная связь его с символикой Христа привели к тому, что в ряде случаев крест в составе изображения на надгробии отсутствует, несмотря на то что именно крест был для якутов наиболее предпочтительным из всех символов христианства. Необходимость креста на могиле якуты объясняли, например, тем, что в «последние времена» «если над могилой не будет креста, то ангел не будет знать, что здесь похоронен человек» [Серошевский, 1993, с. 596].

В группе изображений крест-якорь-пылающее сердце, являющейся, по-видимому, основной смысловой композицией, порядок изображения символов не определен. Смысл изображений якоря и пылающего сердца находит у современных якутов понимание и вполне логичное объяснение, хотя и не совсем соответствующее христианскому толкованию. Так, изображение якоря трактуют как знак последнего пристанища, а пылающее сердце — как знак любви или скорби. Совершенно утрачен смысл символа «Ж», который в ортодоксальном христианстве обозначает монограмму Иисуса Христа, а в более позднее время соотносится с буквой «живете» славянского алфавита (букв. жизнь вечная) [Елисеев, 2000].

На памятниках встречаются изображения, не имеющие христианского толкования. Привлекает внимание и такая необычная деталь, как арочный орнамент над крестом, состоящий из одной либо трех трехслойных арок (рис. 2). Этот орнамент находится на том месте, где на русских надгробиях располагается всевидящее око. В якутской культуре арки означают изгородь, которая оберегает человека от нечистой силы и злых духов, а их утроение — три души «кут», которые есть у каждого человека. Три арки означают также трехчастное как по вертикали, так и по горизонтали строение мира. Другой такого рода деталью является орнамент в виде завитков, символизирующих облака (рис. 3).

Рис. 2. Арочный орнамент в декоре надгробия якута Христофора Андреева (Хангаласский р-н).

Русские надгробные плиты типологически не отличаются от якутских, но стелы среди них не встречаются. Вариабельность изображений на них выше, отсутствуют следы краски. В целом оформление надгробий у русских значительно скромнее и иногда ограничивается единст-

венным небольшим крестом в верхней части плиты. Символические изображения на надгробиях те же, что и на якутских, но изображения раскрытой книги, всевидящего ока и цельные фигуры ангелов встречаются только у русских.

Рис. 3. «Облака» в декоре надгробия якута Гавриила Денисова (Хангаласский р-н).

Социальные потрясения начала XX в. нашли отражение в комплексе надписей и изображений на каменных надгробных памятниках якутов. На стеле, установленной над могилой умершего в 1919 г. якута Ивана Саввина, в составе стандартной надписи слово «инородец» заменено словом «гражданин». Вообще в тексте этой надписи чувствуется стремление отойти от привычного канона. Еще одна плита демонстрирует синкретизм традиционной и советской символики — на камне изображены одновременно крест, серп и молот и восходящее солнце. Последний символ интересен тем, что имеет одинаковое значение и в христианстве и в советской символике, обозначая возрождение и новую жизнь. При этом крест все же помещен в главенствующей позиции, над другими изображениями (рис. 4).

Рис. 4. Христианское и советское. Надгробие крестьянина с. Едяй Хангаласского р-на.

Все, что связано с миром мертвых — погребальный ритуал, надмогильные сооружения, традиции поминовения,— представляют собой самый консервативный пласт культуры любого

Надгробные памятники якутов Центральной Якутии конца XIX — начала XX в.

народа. Новации в этой области проявляются в последнюю очередь, а традиции иногда в виде отдельных элементов сохраняются неизмеримо долго. Поэтому любое изменение в этой сфере можно рассматривать как результат изменения в сознании народа или его части.

Как видим, в погребальном обряде якутов в конце XIX в. появилась и укоренилась новация в виде каменных надгробных сооружений. Надгробные памятники якутов Центральной Якутии в конце XIX — начале XX в. украшались христианской символикой, что неудивительно, так как на изучаемой территории влияние христианства было чрезвычайно сильно не только из-за близости к Якутску, но и потому, что уже к концу XVIII в. этот регион стал частью территории компактного проживания русских крестьян в Якутии. Кроме того, в середине XIX в. произошли события, знаменовавшие новый этап в христианизации народов Якутии. В 1859 г. под руководством епископа Камчатского и Алеутского Иннокентия (Вениаминова) начала работу комиссия по переводу богослужебных книг на якутский язык, а в 1859 г. епископ Иннокентий впервые отслужил литургию на якутском языке в Троицком соборе г. Якутска [Калашников, 2002, с. 203]. По-видимому, именно с этого времени якуты стали по-настоящему воспринимать новую веру, и к концу столетия она глубоко укоренилась во всех сферах жизни. Проникает христианство и в погребальный ритуал в виде каменных надгробий с христианской символикой. До 80-х гг. XIX в. такие памятники у якутов не встречаются.

Напомним, что в Олекминском, Хангаласском районах и округе г. Якутска уже со второй половины XVII в. чересполосно с якутами селились русские крестьяне. Их количество с течением времени неуклонно росло, сфера контактов с коренными народами расширялась, возникали матримониальные связи. Таким образом, православие закладывалось в умы якутов Среднего Приленья не только на официальном, но и на бытовом уровне. Опрошенные информаторы (в основном люди старше 60 лет) рассказывали, что их бабушки и деды, а у многих и матери были глубоко верующими людьми, регулярно посещавшими церковь и усердно молившимися дома.

Исследование надгробных памятников конца XIX — начала XX в. якутов, проживавших в Приленье, показывает, что на каменных надгробиях, которые сами по себе являются новацией в их погребальном обряде, явно преобладает христианская символика, что говорит о серьезных изменениях в мировоззрении местного населения. Это подтверждается и сообщениями информаторов. В то же время на памятниках встречаются традиционные якутские орнаменты, а значит, в сознании якутов Центральной Якутии в начале XX в. имел место религиозный синкретизм, по-видимому органично сочетавший в себе элементы разных религий. Это был уже тот уровень, который вряд ли можно считать двоеверием, скорее всего он стремился к уровню народной религиозности, которая, как правило, далека от официального православия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Елисеев А. Христианство и язычество // Наследие предков. 2000. № 8 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.nationalism.org/eliseev/paganism.htm>.

Калашников А.А. Якутия: Хроника. Факты. События. 1632–1917. Якутск: Бичик, 2002. 496 с.

Похлебкин В.В. Международная символика и эмблематика. М.: Междунар. отношения, 1989. 304 с.

Серошевский В.Л. Якуты. М.: Рос. полит. энцикл., 1993. 736 с.

Якутск, ИГИиПМНС СО РАН
estro@list.ru

Basing on materials of gravestones with Yakuts and Russian peasants from central areas of the Sakha Republic (Yakutia) in the late XIX — early XX c., the article undertakes a comparative analysis regarding complexes of symbolic images, tracing the dynamics of these complexes depending on the territory and time of erecting the monuments. The appearance of stone gravestones with Yakuts stays a novation under the influence of a Christian tradition. The predominance of Christian symbols on the gravestones testifies to deep penetration of Christianity into the mentality of Yakuts from Central Yakutia by the end of XIX c.

Yakuts, gravestones, novations, Christianity.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ¹

Т.Н. Смекалова*, Ф.Н. Лисецкий**, О.А. Маринина**,
А.В. Чудин*, А.С. Гарипов***

В результате исследований в Северо-Западном Крыму (на Тарханкутском п-ве, в окрестностях Евпатории (античной Керкинитиды)) с помощью мультидисциплинарных (геоархеологических) подходов определены топологическая структура и метрические параметры системы землеустройства для выращивания зерновых культур, которая датирована серединой IV в. до н.э. Впервые открыты и детально исследованы виноградники второй половины IV — начала III в. до н.э., для пространственной организации которых использован херсонесский единичный модуль площади. Определена сопряженность двух усадеб и их земельных наделов, формирующих полные хозяйственные комплексы, которые развивают представление о формах организации дальней хоры Херсонеса.

Древнее землеустройство, античное земледелие, геоархеология, Северо-Западный Крым, космические снимки, магнитная съемка, первые пахотные орудия, Херсонес, Керкинитида, дальняя херсонесская хора.

Введение

Благоприятные агроклиматические ресурсы и достаточно плодородные почвы Северо-Западного Крыма с древнейших времен привлекали людей и стимулировали их к занятию земледелием. Первая практика распашки земель в Северном Причерноморье восходит к эпохе поздней бронзы (XIII–X вв. до н.э.) [Шрамко, 1961]. Греческая колонизация региона в позднеклассическое и раннеэллинистическое время имела ярко выраженную направленность на выращивание зерновых культур [Крижицкий, Щеглов, 1991].

В отличие от других районов Северного Причерноморья, в Северо-Западном Крыму до сих пор сохранились обширные территории, нетронутые современной распашкой, где на поверхности хорошо заметны следы древнего землеустройства и землепользования [Смекалова, 2010]. Это делает данный регион уникальным для изучения особенностей применения пахотных орудий местными племенами и обязывает нас не только исследовать всеми доступными средствами, но и сохранять хрупкие свидетельства раннего земледелия в Восточной Европе.

Широкая доступность для исследований космических снимков (КС) вызвала взрывную реакцию в мировой археологической практике. В настоящее время во многих работах отражены результаты дистанционных исследований древних поселений [Campana et al., 2006; Alexakis et al., 2009], дорог [Lipo, Hunt, 2005], погребальных памятников [Trier et al., 2008], а также, хотя и в меньшей степени, античных систем землеустройства [Narrower et al., 2002; Radcliffe, 2008]. Для археологических целей используют даже КС времен холодной войны, которые помогли выявить интересные объекты в Туркмении, Сирии, Иране, Иордании, Армении, Румынии. В частности, с помощью таких снимков получены новые данные о пространственной организации Херсонесских земельных участков на Гераклеийском п-ве [Flower, 2004]. Однако наиболее успешными являются комплексные геоархеологические исследования древних агроландшафтов с применением аэрофотоснимков (АФС) и КС, цифровых моделей рельефа (ЦМР), магнитометрии, геохимического анализа [Sarris et al., 2004, 2013; Smekalova et al., 2005; Campana, Francovich, 2007; Lasaponara et al., 2012].

Для дешифрирования систем землеустройства в постантичных ландшафтах к югу от Ольвии, в пределах самого крупного массива межевания земель античного времени, выявленного

¹ Результаты получены при финансовой поддержке грантов РГНФ № 15-31-10136-а(ц), 15-31-10107-а(ц).

по результатам дистанционного зондирования, использованы [Lisetskii, Rodionova, 2012] архивные АФС 1974 г. и современные КС со спутников Quick Bird-2 и ASTER (из порталов Google Earth, TerraLook). Обзорное дешифрирование всей Ольвийской сельской округи выполнено по результатам космической съемки [Karjaka, 2008]. Следы древнего землеустройства изучал Г.П. Гарбузов, выделивший по дешифрированию АФС и КС ортогональные и нелинейные межевые системы на Таманском п-ве, причем была показана их схожесть с ольвийскими [Гарбузов, 2009, 2010]. Адаптация педохронологического метода к датировке археологических памятников и почвенно-генетических подходов к изучению постантичных залежей показала новые информационные возможности при геоархеологических исследованиях в Крыму [Lisetskii et al., 2013].

В отечественных исследованиях особенно выделяются работы Д.С. Коробова по пространственному анализу археологических данных с привлечением ЦМР. В частности, это позволило автору смоделировать сельскохозяйственную округу аланских поселений раннего средневековья в Кисловодской котловине и оценить их людность и землеобеспеченность [Коробов, 2013].

В Крыму уникальный по своей сохранности античный земельный надел у м. Ойрат был открыт в 1970-е гг. А.Н. Щегловым, который провел охранные раскопки в разрушающейся прибрежной части и составил его план на основе анализа АФС и визуальных наблюдений [Щеглов, 1977]. В связи с исключительной важностью этот памятник древнего земледелия был повторно детально исследован в 2011 г. с применением технологий дистанционных и геофизических методов, что позволило сделать важные выводы об организации земель дальней херсонесской хоры [Смекалова, Чудин, 2012; Смекалова, 2013].

Методы и объекты исследований

Наиболее полно следы пространственной организации древних агроландшафтов можно выявить геофизическими методами и по данным дистанционного зондирования Земли (ДДЗ), хотя кое-где границы «длинных» полей достаточно четко различимы и в полевых условиях. В 2011–2012 гг. разработана [Смекалова, 2012] комплексная методика выявления и фиксации последовательных наслоений и степени сохранности следов античного земледелия в Северо-Западном Крыму (рис. 1). Эта методика может быть распространена на изучение не только греческих, но и более древних земельных участков. Она включает анализ ДДЗ высокого разрешения, визуальное дешифрирование архивных и современных АФС, изучение разномасштабных топографических и исторических межевых карт, свидетельств и наблюдений ученых-путешественников XVIII–XIX вв., магнитные съемки с многодатчиковой системой, автомобильно-пешие археологические разведки и выборочные раскопки.

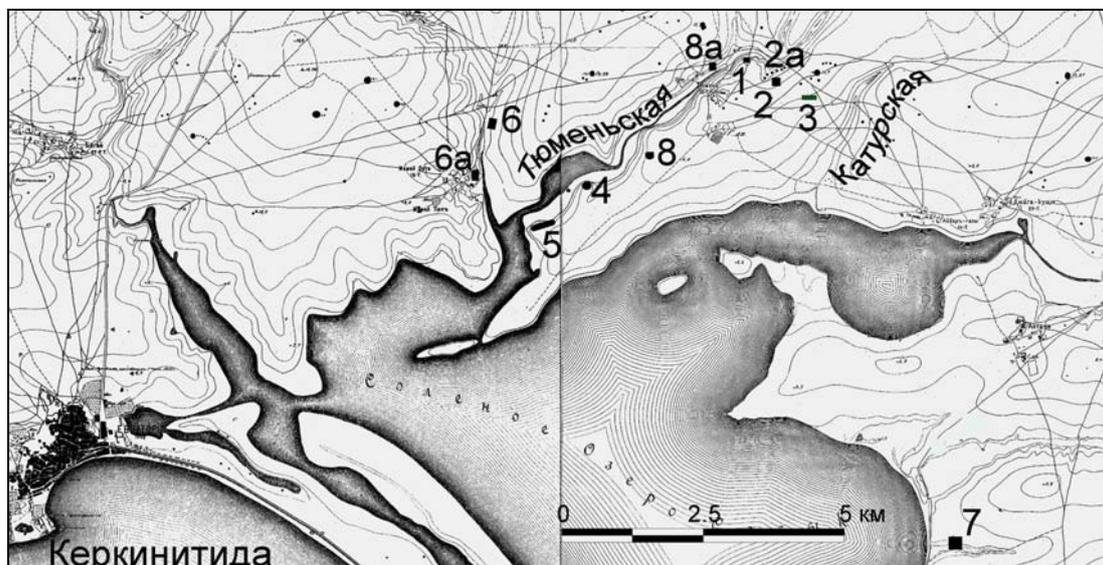

Рис. 1. Новые памятники на побережье оз. Сасык-Сиваш:

Античные усадьбы: 1 — Тюмень 1; 2 — Тюмень 2; 6 — Ортли; 6а — Мамай-Тюп; 8а — Тюмень-Хутор; поселения раннего железного века: 4 — Тюмень 4; 5 — Тюмень 5; 7 — Гаршино; 8 — Тюмень 6; 2а — могильник Тюмень; 3 — поселение поздней бронзы Тюмень 3 (основа — полуверстовая карта 1898 г.).

Реконструкцию древнего землеустройства проводили с использованием геоинформационных (ГИС) технологий (программный комплекс ArcGIS, модули ArcMap 9.3.1 и 10.1) и путем дешифрирования данных дистанционного зондирования (ДДЗ) Земли (архивных АФС и разновременных КС из ресурса Google Earth). В полевых условиях на ключевых участках хорошо видимые вершины межевых валов фиксировали приемниками спутниковой навигации, что позволило определить их дешифровочные признаки по ДДЗ. Кроме того, проводили измерения расстояний между осями валов для проверки точности GPS-привязок. Для оценки возраста почв на поверхности археологических памятников использован педохронологический метод [Goleusov, Lisetskii, 2008], апробированный в практике геоархеологических исследований. Измерения магнитной восприимчивости образцов почвы проводили на приборе Kappabridge KLY-2 (Geofyzika, Brno).

Скотоводы и земледельцы эпохи поздней бронзы

В эту эпоху (XIII–X вв. до н.э.) Северо-Западный Крым населяли племена земледельцев и скотоводов, ведшие оседлый образ жизни (памятники разных этапов срубной культуры (сабатиновского, белозерского)). Комплексными разведками в Северо-Западном Крыму с использованием ДДЗ и геофизических методов в 2007–2014 гг. открыты новые памятники позднего бронзового века [Смекалова 2010; Смекалова, Кутайсов, 2013; Кутайсов, Смекалова, 2013].

Поселения занимают особую ландшафтную нишу, располагаясь на мысах между двумя сходящимися балками или на их бортах. Такой выбор предпочтительных местоположений для селитбы объясняется возможностью укрытия людей и скота от холодных ветров в осенне-зимнее и особенно в весеннее время, когда у домашних животных появлялся приплод. Кроме того, на дне глубоких балок, прорезающих толщу известняков, более доступен водоносный горизонт. В верховьях оврагов сооружались дамбы для удержания талой воды в зимне-весенний период [Смекалова, 2010].

С помощью магнитной съемки впервые удалось открыть до сих пор неизвестный тип археологических памятников позднего бронзового века — двойные, реже одинарные загоны (диаметром 50 м) для скота. К настоящему времени на Тарханкуте их известно уже семь и еще два у Евпатории [Кутайсов, Смекалова, 2013]. Судя по этнографическим параллелям, двойные загоны могли служить для дойки коров, мелкого рогатого скота или для стрижки овец [Смекалова, Кутайсов, 2013]. Эти памятники — важные источники для изучения эколого-экономических условий развития местных племен в эпоху поздней бронзы.

На северном берегу оз. Сасык-Сиваш, на водоразделе Тюменской и Катурской балок, в 2012 г. с помощью ДДЗ и наземных разведок открыто большое поселение эпохи поздней бронзы Тюмень 3, а в 2014 г. проведена его магнитная съемка (рис. 2).

По ДДЗ, а особенно отчетливо на магнитной карте видны следы этого крупного селища, состоящего не менее чем из двух десятков жилых домов (рис. 2, 1–21), групп хозяйственных ям, полуземлянок. Шурф в пределах «дома» № 2 дал керамический материал эпохи поздней бронзы. Дома имели каменные стены и близкие к прямоугольным очертания. Их размеры 3×5, 4×5, 2×3, 5×6, 8×10 м, т.е. длины сторон домов варьируются от 2 до 10 м. К западу от поселения располагался могильник, состоящий из часто расположенных заглубленных каменных гробниц, которые на поверхности выражены в виде набросок из камней средних и мелких размеров (рис. 2, С). Дома поселения располагаются вдоль овала размером 300×200 м.

«Длинные поля» раннего железного века

С 2007 г. на Тарханкутском п-ве было открыто [Смекалова, 2010] более 100 поселений местных оседлых племен раннего железного века. Памятники по подъёмному материалу, результатам раскопок датируются IV–III до н.э., т.е. они синхронны греческим херсонесским поселениям [Смекалова, Кутайсов, 2013]. Это открытие изменило взгляд на географию греческой колонизации Северо-Западного Крыма. Ранее считалось, что греки прибыли на малоосвоенные земли — в районы кочевий скифских племен. Оказалось, что не только прибрежная полоса шириной 2 км, как предполагалось ранее, но и вся глубинная территория Тарханкуте в IV в. до н.э. была плотно заселена местными земледельческими племенами и греческими поселенцами. В материковой части уже открыты семь усадеб херсонесского типа [Смекалова, 2013].

Все «варварские» поселения относятся к одному типу неукрепленных селищ и различаются только количеством жилых и хозяйственных комплексов. Последние располагаются свободно в 20–70 м друг от друга. В состав каждого комплекса входят: каменные постройки, группы хозяй-

ственных ям и иногда полуземлянки. Каменные наземные постройки этих поселений² по форме близки к прямоугольникам с длиной сторон 9–14 м. Для них характерна двухлицевая кладка стен, причем часто изнутри помещения облицовывали необработанными плитами, стоящими на ребре. Ландшафтные предпочтения в выборе местоположения этих поселений устойчивы: они расположены на мысах.

Рис. 2. Результаты магнитной съемки поселения позднего бронзового века Тюмень 3:
1–21 — жилые дома; А1, А2 — хозяйственные ямы; В1, В2 — полуземлянки; С — могильник; ш — шурф.

Помимо перечисленных особенностей, есть характерная черта этих поселений, ранее не рассматривавшаяся,— наличие четких следов организации пашни практически на каждом поселении. В работе [Смекалова, Кутайсов, 2013, с. 194–318] приводится каталог поселений Тарханкута со следами землеустройства, проиллюстрированный ДДЗ (Google Earth) и магнитными картами. Пахотные участки обладают рядом характерных признаков. Во-первых, они представляют собой ряд длинных параллельных идущих попеременно прямых рвов и валов, причем между валами всегда имеется ровик, идущий ровно посередине длинного участка. Расстояние между рвами и валами колеблется от 12 до 20 м, и, таким образом, весь участок имеет ширину 24–40 м, а длину ограничивали лишь выходы скальных пород.

Таким образом, удается определить наличие пахотных «длинных» полей, которые древние земледельцы специфически обрабатывали. Такие их особенности, как неперенное *наличие ровика посередине участков*, хорошо видны на архивных АФС и КС, картах магнитного поля, а также, при благоприятных условиях (освещенности, растительности в определенное время года и суток), визуальны в поле. Единственным объяснением образования подобных следов землеустройства является применение для обработки почв *плуга с боковым отвалом пласта земли*. Поясним сказанное. Если распашка начиналась от края поля, то отвал пласта земли перемещался на внешнюю сторону участка, обычно вправо. На границе целины и пахоты образовывался маленький валик, а с внутренней стороны участка — ровик.

Упряжка тягловых животных (скорее всего, волов) доходила до конца участка, поворачивала в обратную сторону и пропахивала полосу в центре участка. Волы, запряженные в плуг, доходили до начала участка и после разворота пропахивали следующую к центру борозду. Этот процесс повторялся до тех пор, пока весь участок не оказывался вспаханным. Последние два прохода плуга отваливали пласт земли от центра участка. В середине участка получался ровик, а на краях поля образовывались валики.

² Один из таких домов был раскопан на крупнейшем «варварском» поселении Джангуль [Смекалова, Кутайсов, 2013, гл. 1].

В связи с тем что разворачивать впряженных волов было непросто, участки имели длинные стороны. Такие «длинные поля» хорошо известны вплоть до позднего средневековья. Для поворота волов в упряжи необходимы были полукруглые площадки по обе стороны от участка у его начала и конца. Минимальный диаметр поворота составлял около 12 м, что определяло минимальную ширину пахотного участка.

Если бы земледельцы использовали не плуг с боковым отвалом, а рало, структура полей с границами в виде валиков и ровика в центре сформироваться не могла бы. Рало оставляет симметричные отвалы по обе стороны борозды.

Еще одна важная черта полей раннего железного века состоит в том, что распашка велась *поперек* небольших оврагов или верховьев балок. Начало ускоренного процесса аккумуляции делювия в днищах балок совпадает с началом эпохи земледелия в Крыму, когда дерновый слой в целинной степи был турбирован первыми земледельцами. И, наконец, еще одной существенной характеристикой «длинных» полей является то, что они практически в обязательном порядке идут «поверх» двойных овальных загонов на поселениях эпохи поздней бронзы [Смекалова, Кутайсов, 2013].

Следы древнего землепользования в окрестностях оз. Сасык-Сиваш

Следы древних пахотных полей с чередующимися валиками и ровиками обнаружены не только на Тарханкуте, но и в окрестностях современной Евпатории. На склонах Тюменской балки в 2012 г. были открыты [Кутайсов, Смекалова, 2012; Смекалова, 2014] античные усадьбы Тюмень 1, Тюмень-Хутор и Тюмень 2, а на левом берегу Ортинского залива оз. Сасык-Сиваш — усадьба херсонесского типа Ортли. Эти усадьбы прекрасно видны на архивных АФС 1971 г. и особенно на КС 2010 г. Магнитная съемка и выборочные раскопки показали, что памятники являются типичными античными усадьбами прямоугольной планировки. К юго-востоку от здания усадьбы Тюмень 2 обнаружено зернохранилище в виде многочисленных ям. Размеры усадеб Тюмень 1 и 2 около 40×30 м и 67×58 м соответственно. Примечательно, что почти вплотную (150 м) к усадьбе Тюмень 2 подходит целое курганное поле, состоящее из двух курганов высотой 6 м и ряда более мелких насыпей.

Вблизи усадьбы Тюмень 2 на не затронутых современной распашкой площадях хорошо заметны на АФС, КС и визуальны следы «длинных полей», причем валики, ограничивающие поля, чередуются с ровиками. Поля идут большей частью в северо-восточном — юго-западном направлении, но заметно, что последней распашке предшествовала другая, идущая в перпендикулярном направлении (рис. 3, А).

Для относительной датировки важно взаимное расположение следов пахотных полей, с одной стороны, и здания усадьбы, а также курганов, с другой. Как можно видеть на КС, длинные поля «обходят» курганы, включая их в свою систему (рис. 3, А). Очевидно, что курганы возникли здесь раньше, чем пахотные поля. В окрестностях Евпатории [Колтухов, 2012] примерно половина курганов относится к эпохе бронзы, а остальные — к скифской эпохе. В данном случае курганы по внешнему виду (крутые склоны, расположение на главном водоразделе, группировка малых и больших насыпей) и керамике из грабительских ям являются, наиболее вероятно, скифскими, а большинство таковых на данной территории были сооружены в IV в. до н.э. С учетом этого можно предварительно определить нижнюю дату для длинных полей — IV в. до н.э.

Анализ следов пашни у античной усадьбы Тюмень 2 показал, что они проходят «под усадьбой». Параллельные линии границ полей не отразились ни на карте магнитного поля усадьбы, ни на КС или АФС самого ее здания. Это означает, что пахотные поля появились до того, как здесь была выстроена усадьба, т.е. мы получили их верхнюю дату (вторая половина IV в. до н.э.).

Таким образом, по имеющимся предварительным данным, возраст широко распространенных в Северо-Западном Крыму «длинных полей», состоящих из чередования рвов и валов, определяется серединой IV в. до н.э. Напомним, что эти поля присутствуют почти на всех поселениях местного земледельческого населения на Тарханкуте [Смекалова, Кутайсов, 2013], а также встречаются на Змеином, Тюменском и Тюпском п-вах в окрестностях Керкинитиды.

Близость двух разновременных поселений (Тюмень 2 и 3) в пределах древней системы землеустройства открывает более доказательные возможности для ее датировки. В результате геомагнитной съемки по трассе осевой зоны одного из валов обнаружена положительная круглая аномалия (диаметром 6 м), над которой сделан раскоп (рис. 2, 15). Погребенная структура представляет собой яму, заглубленную двумя ступенями на 80 и 100 см, на дне которой нахо-

Изучение пространственной организации древнего землепользования...

дятся коричневые железные породы, вероятно образовавшиеся в результате обжига. Эти породы обладали высокой магнитной восприимчивостью ($3956 \cdot 10^{-6}$ ед. СИ), что резко отличало от почвы верхнего гумусово-аккумулятивного горизонта ($2602 \cdot 10^{-6}$ ед. СИ). Кроме того, в зоне геомагнитной аномалии в почвенных профилях на глубине 47–56 см находились субгоризонтально размещенные плитки известняка размером 15–17 см. Никаких артефактов обнаружить не удалось, однако серия почвенных разрезов по бортам раскопа позволила уверенно датировать время появления ямы педохронологическим методом.

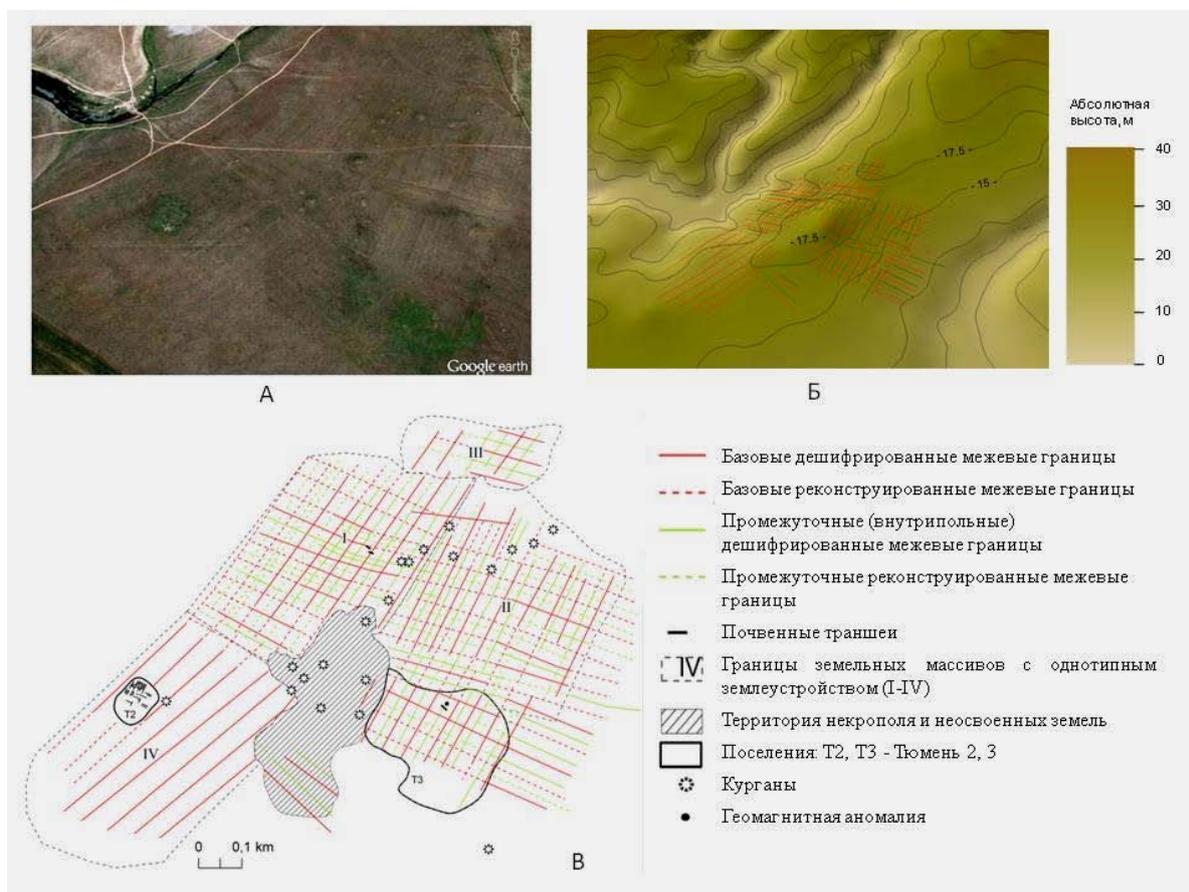

Рис. 3. Реконструкция древнего землеустройства по результатам дешифрирования космических снимков и геомагнитной съемки территории поселений Тюмень 2 и 3:
 А — снимок из ресурса Google Earth; Б — цифровая модель рельефа; В — реконструкция древнего землеустройства.

Ширина земляных валиков составляет у основания 2,8 м (рис. 2, ш), что дает возможность увидеть их на КС, а относительная высота 25 см (при хорошей сохранности отдельных фрагментов межевой системы) позволяет визуальнo определить их осевые зоны в полевых условиях. Продольные линии межевых валиков на геомагнитной схеме выявляются как аномалии из-за того, что мощность гумусового горизонта почвы на вершине вала увеличена на 15 см (с 33 (фоновая территория) до 48 см). На вершине вала в пахотном и подпахотном³ горизонтах почвы содержится 2,7 % общего железа.

С использованием ранее полученной для условий Крыма региональной хронофункции, определяющей зависимость мощности гумусового горизонта (H , мм) от возраста почвы (t , годы) [Lisetskii, Ergina, 2010], получена расчетная формула для почвенно-хронологической датировки (t , годы) поверхностей археологических памятников по мощности гумусового горизонта (H , мм)

$$t = (-5241.777 \cdot \ln(1 - 0.00125H) - 821.098). \quad (1)$$

³ По морфологическому строению почва определена как старозалежная.

Мощность гумусового горизонта почв, которая сформировалась над зоной антропогенных нарушений, составляет 43–44 см, и, таким образом, по уравнению (1) возраст почвы датируется 12,5 в. до н.э. Если обнаруженная яма является частью комплекса поселения Тюмень 3, а на рис. 2 заметно, что аналогичные аномалии имеются по периметру поселения, то его можно определить как поселение бронзового века, видимо, сабастиновской культуры.

Одним из аргументов в пользу датировки системы землеустройства античным временем является то, что не менее семи межевых валов проходят по территории поселения поздней бронзы Тюмень 3 (рис. 2).

Используя основные, наиболее уверенно дешифрируемые по КС границы землеустройства в качестве базовых, необходимо было достоверно выяснить, являются ли внутриваловые (промежуточные) границы кратными базовым. Для этого по ДЗЗ получены статистические характеристики сохранившихся элементов землеустройства у Тюмени 2 (табл.). По фактическим данным значения ширины земельных участков между базовыми продольными границами межевой системы (валиками) колебались в пределах 37–56 м, между измеренными продольными ровиками — в пределах 21–30 м.

Статистические характеристики параметров межевой системы у пос. Тюмень 2 по данным дистанционного зондирования Земли (количество замеров — 30)

	Элементы межевой системы		
	Промежуточные (измеренные)	Базовые (измеренные)	Промежуточные (расчетные)*
Среднее значение, м	24,2	48,1	24,05
Максимум÷минимум, м	30÷21	56÷37	28÷18,5
Медиана	24	49	24,5
Стандартная ошибка	0,40	0,83	0,42

* Определены путем деления ширины измеренные базовых элементов межевой системы на 2.

По фактическим данным средние значения ширины земельных участков между основными продольными границами межевой системы с ошибками выборочной средней дают представление о статистическом варьировании: $(X \pm S_x) = 47,27 \div 48,93$ м, между измеренными промежуточными — $23,80 \div 24,60$ м.

Оценку статистики Стьюдента (t) проводили по формуле

$$t = d / S_d = (\bar{X}_1 - \bar{X}_2) / s \sqrt{2/n}, \quad (2)$$

где $X_{1,2}$ — средние значения ширины земельных участков между промежуточными и разделенными на 2 основными границами межевой системы соответственно; n — количество измерений (в данном случае по 30); s — усредненная оценка дисперсии, так как по критерию F была доказана одинаковость дисперсий двух выборок. В целях сравнения средних величин для одинаковых дисперсий у двух выборок (промежуточных измеренных и расчетных) использовали разработанную ранее методику [Дмитриев, 1995]. Так как значение $t = d/S_d < t_{\alpha}$, т.е. $0,76 < 2,67$ при $\alpha = 0,99$, то различия между средними считают статистически незначимыми.

Средние значения ширины земельных участков между основными границами межевой системы составили $(X \pm t_{0,01} S_x) 48,1 \pm 2,3 (45,81 \div 50,39)$ м, между измеренными промежуточными — $24,2 \pm 1,1$ м, а между разделенными на 2 основными границами межевой системы — $24,05 \pm 1,1$ м.

С учетом этих результатов была построена палетка с регулярными параметрами 48,1 и 24,14 м (среднее значение между граничными значениями доверительных интервалов измеренных промежуточных и вычисленных по основным границам межевой системы). Палетку использовали для реконструкции системы межевания земель и выявления латентных структур в общем замысле землеустроительных действий (рис. 3, В).

Во внутренней организации каждой из систем землеустройства определяющим было правовое и производственное значение равновеликости полей. В агротехнологическом и экономическом аспектах это обеспечивало постоянство посевных площадей по годам ротации с прогнозируемым валовым выходом продукции. По фактическим данным значения ширины земельных участков между основными поперечными границами межевой системы колебались (при $n = 13$) в пределах 24–34 м, при среднем значении $(X \pm S_x) = 29 \pm 0,92$ м. Это позволило по длинам сторон прямоугольного единичного поля $(48,1 \pm 0,83, 29 \pm 0,92)$ определить его площадь, которая составила $0,133–0,146$ га.

Реконструкция региональной системы античного землеустройства позволяет определить основные ее особенности. Межевание проведено на нешироком межбалочном водоразделе с полнопрофильными карбонатными черноземами. В целом система землеустройства ориентирована с северо-востока на юго-запад. Причем в этом же направлении были ориентированы и длинные стороны прямоугольных полей. Установлено [Здоровцов, 1986], что ориентации рядков посева *NE–SW* и *NW–SE* наиболее эффективны в агроклиматическом отношении для обеспечения максимума урожая.

Античные земельные наделы в Северо-Западном Крыму

В результате археологических разведок на северо-восточном побережье оз. Сасык-Сиваш (у Евпатории) в 2012–2014 гг. нами были открыты многочисленные поселения, курганы и следы землепользования, относящиеся к раннему железному веку. Среди них выделяются пять античных усадеб херсонесского типа, к двум из которых примыкают прямоугольные земельные наделы под виноградники. Первый из них относится к усадьбе Ортли, расположенной на левом берегу Ортинского лимана, впадающего в оз. Сасык-Сиваш (рис. 4, А, Б) [Смекалова, Кутайсов, 2014]. Между усадебным комплексом и виноградником, возможно, располагались сады и селище, о чем свидетельствует большое количество керамического подъемного материала. Строевые селища, вероятно, были каменными наземными, без фундаментов. В 50 м к северо-востоку от усадьбы, на поле, возможно, находился колодец, обнаруженный по локальной положительной магнитной аномалии.

Уже после проведения первых археологических раскопок на поселении Ортли, в 2013 г., при просмотре ДДЗ на старом пахотном поле в 180 м к востоку от этого античного поселения нами были замечены темные контуры квадрата со стороной примерно 210–230 м. На полученной в 2013 г. магнитной карте (рис. 4, Б) открылся античный надел 210×210 м (по внутреннему периметру) с трехчастным внутренним делением на полосы в 70 м. Две трети участка заняты сплошным виноградным плантажем с расстоянием между стенками 2 м, в южной трети надела каменные стенки проходят не везде или сильнее разрушены. Контуры виноградника четко очерчиваются прямой тонкой линией положительной аномалии. Вероятно, она вызвана устроенной здесь некогда водоотводной канавой, опоясывающей участок, в настоящее время заполненной делювием. В ходе магнитной съемки было найдено значительное количество фрагментов синопских калиптеров второй половины IV в. до н.э., которые могли использоваться для водосливных канав. По внешнему периметру участка одновременно с виноградником была расчищена от камней дорога шириной около 6 м. Каменная стена по внешнему периметру участка проложена на некотором расстоянии от краев виноградника и опоясывающей его дороги. Таким образом, с западной стороны получилась некая «буферная зона», шириной 20 м, тогда как в северной и южной частях виноградника она уже (10 м), а в восточной части — не более 7 м.

Магнитная съемка показала, что, хотя исследованная площадь распахивалась в 1970-е гг., под постагrogenным горизонтом еще сохранились стены оград и заплывшие каналы, которые определили текстуру магнитных аномалий, точно отражающих устройство всего массива виноградника. В отличие от античного надела у м. Ойрат, здесь использовали только виноградный плантаж. Заложенные в северо-восточном углу виноградника шурфы подтвердили наличие остатков оградок, идущих параллельно через 2 м.

С помощью интерпретационной карты точно определены размеры участка. Виноградник имеет форму квадрата со стороной 210 м, что составляет 16 *гектарюгов* (*гектарюг* — херсонесский модуль площади). Такой же участок, вместе с другим, меньшим по площади, составлял двухчастный надел у м. Ойрат [Смекалова, 2013]. Видимо, виноградник Ортли являлся единственным херсонесским наделом, принадлежавшим одному хозяину. Это подтверждается сплошной разбивкой участка под виноградник, южная часть которого, вероятно, осталась недостроенной.

Античные виноградник и усадьба Мамай Тюп

Дистанционные и магнитометрические исследования проведены в 1,5 км на юго-запад от усадьбы Ортли, на другом берегу Ортинского лимана (рис. 4, В). На АФС 1973 г. и по ДДЗ четко виден контур прямоугольника 220×270 м. На местности его границами являются каменно-земляные валики, пересекающиеся под прямыми углами. Три угла земельного участка выявлены в поле, четвертый же скрывается под руинами татарской д. Мамай Тюп. Магнитной съемкой 2013 г. выявлен виноградник, построенный по тем же принципам, что и у Ортли (рис. 4, Б). На обоих объектах вокруг виноградника была устроена водоотводная канава, которая «читается»

на карте магнитного поля как линейная положительная аномалия. Затем следует дорога, идущая по периметру участка и расчищенная от камня, и только потом — внешняя каменная стена участка.

Рис. 4. Античные усадьбы с виноградниками к северо-востоку от Керкинитиды:

- А — карта интерпретации магнитной съемки усадьбы Ортли (1 — центральное здание; 2, 3 — хозяйственные постройки; 4 — колодец); Б — земельный надел под виноградник восточнее Ортли; Б' — виноградник у поселения Мамай Тюп (1 — усадьба).

Для межевания участка под этот виноградник вновь использован *гекаторюг*. Размеры виноградника составляют 20 гекаторюгов, т.е. он на четверть больше виноградника Ортли. Складывается впечатление, что к единичному наделу прибавили еще один ряд из четырех квадратов-гекаторюгов. Восточная часть участка занята виноградным плантажем с расстоянием между стенами 2 м. В отличие от виноградника Ортли, внутреннее деление на Мамай Тюпе проводили, применяя как модуль не 200 египетских футов (70 м), а 100 египетских локтей (52,5 м) (рис. 4, Б).

В северной части виноградника была заложена 12-метровая траншея поперек плантажных стен. Она пересекла внешнюю стену участка, первую широкую ограду и две внутренние плантажные стенки. Анализ показал, что, по-видимому, почвенно-климатические условия на участке

вблизи Мамай-Тюп были в античное время (и остаются сегодня) более благоприятны для выращивания винограда. В отличие от виноградника на Ортли, данный участок сохранился в нетронутым виде с древних времен. По древнегреческим канонам усадьба в ур. Мамай Тюп должна была располагаться неподалеку в силу большой трудоемкости регулярной работы по уходу за виноградными лозами. Ее удалось отыскать на небольшом мысу, образованном Ортинским лиманом и устьем балки (рис. 4, 1). В обнажениях был собран многочисленный подъемный материал (венчики херсонесских амфор, синопская черепица) IV–III вв. до н.э.

Заключение

В результате комплексных дистанционных, геофизических и почвенно-генетических методов удалось датировать широко распространенные в Северо-Западном Крыму «длинные поля», состоящие из чередования рвов и валов, серединой IV в. до н.э. Эти поля присутствуют почти на всех поселениях местного земледельческого населения на п-ве Тарханкут, а также в окрестностях современной Евпатории на Змеином, Тюменьском и Тюпском п-вах на северном берегу оз. Сасык-Сиваш.

Обнаружение на дальней хоре Херсонеса, поблизости от древнего города Керкинитиды, двух новых, ранее неизвестных изолированных античных виноградников является важным событием для археологии Крыма. С вводом в научный оборот двух полных хозяйственных комплексов, состоящих из усадеб и земельных наделов, появляется возможность получить достоверные и прямые свидетельства об организации всей хозяйственной жизни древнегреческой усадьбы — элементарной ячейки экономики античного Херсонеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гарбузов Г.П.* Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // Древности Боспора. 2009. Вып. 13. С. 123–140.
- Гарбузов Г.П.* Землепользование // Античное наследие Кубани. Т. II. М.: Наука, 2010. С. 237–254.
- Дмитриев Е.А.* Математическая статистика в почвоведении. М.: Изд-во МГУ, 1995. 320 с.
- Здоровцов И.П.* Актуальные вопросы планирования противоэрозионной защиты склоновых земель // Науч.-техн. бюл. ВНИИЗиЗПЭ. 1986. № 2. С. 11–29.
- Колтухов С.Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э.: (Погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012. 268 с.
- Коробов Д.С.* Компьютерное ГИС-моделирование ресурсных зон поселений по данным археологии и почвоведения // Виртуальная археология: (Неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции): Материалы Первой Междунар. конф. / ГЭ. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 58–70.
- Крижицкий С.Д., Щеголов О.М.* Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. № 1. С. 46–56.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н.* Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса // Материалы к археологической карте Крыма. 2013. Вып. XI. Ч. 2.
- Смекалова Т.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог. Симферополь, 2010. 204 с. (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. II).
- Смекалова Т.Н.* «Каменные» курганы и каменные «ящики» на п-ве Тарханкут и в Крымском Приазовье // Древности Боспора. 2012. № 16.
- Смекалова Т.Н.* Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат в Северо-Западном Крыму // ВДИ. 2013. № 2. С. 127–147.
- Смекалова Т.Н.* Новая античная усадьба Тюмень-Хутор на северном берегу озера Сасык-Сиваш // Материалы к археологической карте Крыма. 2014. Вып. XIV. С. 219–230.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А.* Пастухи и земледельцы раннего железного века в Северо-Западном Крыму. 2013. 336 с. (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. VIII. Ч. 2).
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А.* Два новых античных виноградника в Северо-Западном Крыму // ВДИ. 2014. № 2. С. 54–78.
- Смекалова Т.Н., Чудин А.В.* Дистанционные и геофизические исследования античных земельных наделов в Северо-Западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. 2012. Вып. VI. Ч. 2. С. 222–255.
- Шрамко Б.А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе // СА. 1961. № 1. С. 73–90.
- Щеголов А.Н.* Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира. М., 1977. С. 210–215.
- Alexakis D., Sarris A., Astaras Th., and Albanakis K.* Detection of neolithic settlements in thessaly (Greece) through multispectral and hyperspectral satellite imagery // Sensors. 2009. № 9. P. 1167–1187.

Campana S., Francovich R. Understanding archaeological landscapes: Steps towards an improved integration of survey methods in the reconstruction of subsurface sites in South Tuscany // Wiseman J., El-Baz F. (eds.). Remote Sensing in Archaeology. Springer, Boston Ma, 2007. P. 239–261.

Campana S., Piro S., Felici C., Ghisleni M. From space to place: the Aiali project (Tuscany-Italy). BAR Intern. Ser. 1568. 2006. P. 131–136.

Flower M.J.F. Archaeology through the keyhole: the serendipity effect of aerial reconnaissance revisited // Interdisciplinary Science Reviews. 2004. Vol. 29. № 2. P. 118–134.

Goleusov P.V., Lisetskii F.N. Soil development in anthropogenically disturbed forest-steppe landscapes // Eurasian Soil Science. 2008. Vol. 41. № 13. P. 1480–1486.

Harrower M., McCorriston J., Oches E.A. Mapping the roots of agriculture in Southern Arabia: The application of satellite remote sensing, Global Positioning System and geographic information system technologies // Archaeol. Prospection. 2002. Vol. 9. P. 35–42.

Karjaka A.V. The defense wall in the northern part of the lower city of Olbia Pontike // Meetings of Cultures — Between Conflicts and Coexistence. Black Sea Studies. Aarhus Univ. Press, 2008. P. 163–180.

Lasaponara R., Masini N., Holmgren R., Forsberg Y.B. Integration of aerial and satellite remote sensing for archaeological investigations: A case study of the Etruscan site of San Giovenale // Journ. of the Geophysics and Engineering. 2012. Vol. 9. S26–S39.

Lipo C.P. Hunt T.L. Mapping prehistoric statue roads on Easter Island // Antiquity. 2005. Vol. 79. № 303. P. 158–168.

Lisetskii F.N., Rodionova M.E. Soil and landscape changes in ancient agricultural areas: (Exemplified by antique Olbia) // Geography and Natural Resources. 2012. Vol. 33. № 4. P. 327–335.

Lisetskii F.N., Stolba V.F., Ergina E.I., Rodionova M.E., Terekhin E.A. Post-agrogenic evolution of soils in ancient Greek land use areas in the Herakleian Peninsula, southwestern Crimea // The Holocene. 2013. Vol. 23. № 4. P. 504–514.

Radcliffe F. Not Roman Centuriation but Greek *Chora* (land division): Discovered from the air — 'rectified' by subsequent ground survey! // AARGnews. The newsletter of the Aerial Archaeology Research Group. 2008. Vol. 37. P. 37–39.

Sarris A., Galaty M.L., Yerkes R.W., Parkinson W.A., Gyucha A., Billingsley D.M., Tate R. Geophysical prospection and soil chemistry at the Early Copper Age settlement of Ve'szto — Bikeri // Southeastern Hungary Journ. of Archaeol. Science. 2004. № 31. P. 927–939.

Sarris A., Papadopoulos N., Agapiou A., Salvi M.Ch., Hadjimitsis D.G., Parkinson W.A., Yerkes R.W., Gyucha A., Duffy P.R. Integration of geophysical surveys, ground hyperspectral measurements, aerial and satellite imagery for archaeological prospection of prehistoric sites: The case study of Vészto-Mágor Tell, Hungary // Journ. of Archaeol. Science. 2013. Vol. 40. № 3. P. 1454–1470.

Smekalova T., Voss O., Smekalov S., Myts V., Koltukhov S. Magnetometric investigations of stone constructions within large ancient barrows of Denmark and Crimea // Geoarchaeology. 2005. Vol. 20. № 5. P. 461–482.

Trier Ø.D., Loska A., Larsen S.Ø., Solberg R. Detection of burial mounds in high-resolution satellite images of agricultural land // Proceedings of the first international workshop on advances in remote sensing for archaeology and cultural heritage management. Rome, 2008. P. 17–21.

*Санкт-Петербургский государственный университет
tnsmek@mail.ru

andrei.chudin@nmr.phys.spbu.ru

**Белгородский государственный национальный исследовательский университет
liset@bsu.edu.ru

marinina@bsu.edu.ru

***Республика Крым, Историко-археологический заповедник «Калос Лимен»
garicksasha86@rambler.ru

Resulting from the investigations in North-West Crimea (on Tarkhankut peninsula in the vicinity of Yevpatoria (ancient Kerkinitida) using multidisciplinary (geoarchaeological) approaches, subject to determination being a topological structure and metric parameters in the system of land-use for cultivating grain crops dated back to the middle of IV c. B.C. For the first time, they discovered and thoroughly investigated vineyards of the second half of IV — early III c. B.C. for which spatial organization they used the Chersonesos individual space modulus. Subject to determination being the conjugacy of two homesteads and their land allotments, forming complete economic complexes, which expands a notion on organization forms in the remote Chora of Chersonesos.

Ancient land-use, ancient arable farming, geoarchaeology, North-West Crimea, space photographs, magnetic survey, first tillage implements, Chersonesos, Kerkinitida, remote Chersonesos Chora.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношениях редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах. И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

- а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);
- б) библиографический список;
- в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);
- г) список сокращений;
- д) аннотацию;
- е) список ключевых слов;
- ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). На обороте каждой иллюстрации следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрису-

ночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. **Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.**

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
АН СССР — Академия наук СССР
АССР НП — Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЕГТМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
ИА АН РК — Институт археологии Академии наук Республики Казахстан
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГИИПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИАЭ ДВО РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН
ИИС — Из истории Сибири
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
ИЭЧ СО РАН — Институт экологии человека СО РАН
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии РАН
МГПИ — Магнитогорский государственный педагогический институт
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ПМ — Полевые материалы
П.о. — Полевая опись
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТГИАМЗ — Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
УИБ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 1 (28)

2015

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 11.03.2015. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 18,6. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ № 932

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.